

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2018 Том 18 № 3

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2018 Volume 18 No. 3

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, Скопус, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socjournalrudn@rudn.university.

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socjournalrudn@rudn.university.

Подписано в печать 23.08.2018. Выход в свет 31.08.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 25,58. Тираж 500 экз. Заказ № 820. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut_np@rudn.university

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Хазуров Т.А., доктор социологических наук, профессор, первый проректор Кубанского государственного университета

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*
Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socjournalrudn@rudn.university

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut_np@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD in Philosophy, Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus of Utrecht University (Netherlands)

Diez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor of School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor of Russian Academy of Sciences (Russia)

Khagurov T.A., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector of Kuban State University (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor of Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD in Philosophy, Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafraniec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology of Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambálíková M., PhD in Sociology, Professor, Researcher at Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences, Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Head of Historical Sociology Chair, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socjournalrudn@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Данилов А.Н., Ротман Д.Г., Посталовский А.В., Бузовский И.И.** Особенности социологической диагностики информационного поля Республики Беларусь 383
- Масловская Е.В.** Социологический анализ взаимодействия юристов и судебных экспертов: теоретико-методологические подходы 404

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Цвык В.А., Цвык И.В.** Профессионализация личности в условиях информационного общества: проблемы и перспективы (на англ. яз.) 418
- Подлесная М.А.** Технологическая система и приходская община 431
- Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.** Проблемы международной безопасности глазами российского студенчества (на англ. яз.) 443
- Агил К.** Индустрия жемчуга в ОАЭ в 1869—1938: создание, воспроизводство и упадок (на англ. яз.) 452

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

- Иванов В.Н., Назаров М.М., Кублицкая Е.А.** Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) 470
- Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Россман В.И.** Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования 481
- Оносов А.А., Гаспаршвили А.Т., Шафранец К.** Культурная модель русской идентичности: аксиология, семантика и коммуникативный потенциал 494
- Ферро Л., Абрантеш П., Велосо Л., Тейшера Лопеш Ж.** Освоение принципов работы в сфере искусств в Португалии: биографический подход к исследованию жизненных траекторий мигрантов (на англ. яз.) 507
- Ефимова Г.З., Семенов М.Ю.** Социальный портрет женщины-учителя (на примере Тюменской области) 521

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Шафранов-Куцев Г.Ф., Яркова Е.Н.** О национальных особенностях отечественного образования в условиях международной интеграции (на англ. яз.) 532
- Дементьева И.Ф., Голенкова З.Т.** Теория семейного воспитания в общетеоретическом контексте социальных наук 542

РЕЦЕНЗИИ

Через «озеленение» капитализма к спасению мира? Рецензия на книгу:

Фюкс Р. Зеленая революция: Экономический рост без ущерба для экологии / Пер. с нем. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 330 с. 555

«Меланхолия как счастье от пребывания в печали», и другие исторически изменчивые одеяния социальных чувств. Рецензия на книгу:

Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь / Пер. со швед. И. Матыциной. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 320 с. 567

Насилие и справедливость: интернирование итальянцев в военное время в США. Рецензия на книгу: *Chopas M.E.B.* Searching for Subversives. The Story of Italian Internment in Wartime America. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2017. 232 p. 581

НАШИ АВТОРЫ 586

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Danilov A.N., Rotman D.G., Postalovsky A.V., Buzovsky I.I.** Features of the sociological diagnostics of the media field in the Republic of Belarus 383
- Maslovskaya E.V.** Sociological analysis of interaction of jurists and forensic experts: Theoretical-methodological approaches 404

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Tsvyk V.A., Tsvyk I.V.** Individual professionalization in information society: Challenges and prospects 418
- Podlesnaya M.A.** Technological system and a parish community 431
- Slisovskiy D.E., Medvedev N.P.** International security challenges in the perception of Russian students 443
- Aqil K.** Pearl industry in the UAE region in 1869—1938: Its construction, reproduction, and decline 452

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

- Ivanov V.N., Nazarov M.M., Kublitskaya E.A.** Political values of the Russian society (results of the comparative research) 470
- Ivleva M.L., Kurilov S.N., Rossman V.J.** The youth's perception of religious values: A sociological study 481
- Onosov A.A., Gasparishvili A.T., Szafranec K.** Cultural model of the Russian identity: Axiology, semantics and communicative potential 494
- Ferro L., Abrantes P., Veloso L., Teixeira Lopes J.** Learning how to work in the arts field in Portugal: A biographical approach to the migrant artists' trajectories 507
- Efimova G.Z., Semenov M.Yu.** Social portrait of the female teacher (on the example of the Tyumen Region) 521

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Shafranov-Kutsev G.F., Yarkova E.N.** National values of the Russian education under the international integration 532
- Dementieva I.F., Golenkova Z.T.** Theory of family education in the general theoretical context of social sciences 542

REVIEWS

‘Green’ capitalism as a way to save the world? Review of the book: Fücks R. Zelenaya revolyutsiya: Ekonomicheskij rost bez uscherba dlya ekologii [Intelligent Growth — The Green Revolution]. Per. s nem. Moscow: Alpina non-fikshn; 2016. 330 p.	555
“Melancholy as happiness of being in sorrow”, and other historically variable ‘dresses’ of social emotions. Review of the book: Johannisson K. <i>Istorija melankholii. O strahе, skuke i chuvstvitelnosti v prezhnje vremena i teper</i> [History of Melancholy. On Fear, Boredom, and Sensitivity in Former Times and Now]. Per. so shved. I. Matytsinoj. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 320 p.	567
Violence and Justice: Italian Internment in the Wartime United States. Review of the book: Chopas M.E.B. Searching for Subversives. The Story of Italian Internment in Wartime America. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 2017. 232 p.	581
AUTHORS	586

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-383-403

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ*

А.Н. Данилов¹, Д.Г. Ротман²,
А.В. Посталовский², И.И. Бузовский³

¹Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Беларусь

²Центр социологических и политических исследований
Белорусский государственный университет
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Беларусь

³Администрация Центрального района города Минск
ул. Мельникайте, 6, Минск, 220004, Беларусь
(e-mail: a.danilov@tut.by, dgrotman@rambler.ru,
postalnio@tut.by, 1byzovsky@mail.ru)

В статье рассматриваются методологические подходы к изучению трансформации информационного поля в современных условиях и приводятся результаты ежегодного социологического мониторинга в Республике Беларусь (2003—2017). Констатируется перераспределение влияния на аудиторию от традиционных средств массовой информации (далее — СМИ) в пользу интернет-ресурсов и иных форм сетевой коммуникации. Традиционные СМИ и коммуникативные медиа претерпевают кардинальные изменения, субъектами которых выступают профессиональные издания и журналисты, а также потребители массовой информации посредством воспроизводства и распространения значимого для них информационного контента в пространстве сетевой виртуальной медиакommunikации. Социологический мониторинг позволил зафиксировать уровень влияния конкретного вида СМИ в определенный период общественно-политического и социально-экономического развития Республики Беларусь. Если на первоначальном этапе изучения информационного поля (2003—2005) определяющие позиции занимали традиционные СМИ, то начиная с 2006 года стремительно наращивает свое влияние Интернет, а в 2014 году в структуре Интернета выделяется принципиально новый сегмент — социальные медиа, выступающие на правах полноправного субъекта информационного поля. В 2017 году Интернет наряду с телевидением играет определяющую роль в развитии информационного поля Республики Беларусь. В то же время возрастает интерес к социологическому изучению специфики и содержания функционирования традиционных и электронных медиа, к разработке нового и совершенствованию имеющегося методологического инструментария социологического анализа современного медиапространства.

Ключевые слова: информационное пространство; информационное поле; национальное информационное поле; традиционные СМИ (газеты, радио, телевидение); интернет-ресурсы (новостные порталы, сайты); средства сетевой виртуальной медиакommunikации (социальные медиа); ежегодный социологический мониторинг

* © Данилов А.Н., Ротман Д.Г., Посталовский А.В., Бузовский И.И., 2018.

Тенденции научно-технического прогресса и общие процессы активного внедрения информационно-коммуникативных технологий в повседневную жизнь человека привели к осязаемым изменениям в структуре и содержании национального информационного поля. Испанский социолог М. Кастельс, признанный исследователь информационного (сетевое) общества, отмечает, что современные «технологии коммуникации, формирующие коммуникативную среду, имеют важные последствия для процесса социальных изменений. Чем более независимы коммуницирующие субъекты по отношению к контроллерам социальных узлов коммуникации, тем выше шансы на введение сообщений, стимулирующих доминирующие в коммуникационных сетях ценности и интересы... Принятие социальных изменений в сетевом обществе происходит на основе перепрограммирования коммуникационных сетей, которые конституируют символическую среду для манипуляций образами и обработки информации в наших сознаниях, конечных детерминант индивидуальных и коллективных практик. Создание нового содержания и новых форм в сетях, которые связывают сознания и их коммуникативную среду, равносильно переосмыслению нашего разума. Если мы чувствуем/думаем по-другому, овладевая новыми значениями и новыми правилами для придания смысла этим значениям, то мы и действуем иначе и прекращаем трансформировать способ, с помощью которого действует наше общество, либо разрушая существующий порядок, либо добиваясь нового социального контракта, который признает новые властные взаимоотношения как результат перемен в общественном сознании» [16. С. 499—450].

Характерной особенностью современного периода являются фундаментальные преобразования в сфере культуры и коммуникаций, которые неразрывно связаны со сферой медиа. «Новые технологии обработки сознания масс людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляцией с общественным сознанием со стороны анонимных социальных групп властной элиты, связанных с интересами финансовой олигархии и ее ролью в организации современного мирового рынка» [28. С. 11]. Стабильное функционирование современного общества напрямую зависит от эффективности действующей модели коммуникации в информационном пространстве и конкретном информационном поле.

В условиях активного развития информационных технологий все большую актуальность обретает социологическое изучение особенностей функционирования и динамики развития современного информационного пространства, раскрытие механизма его влияния на современное общество и человека. Без адекватных времени методик анализа состояния информационного пространства, а также без прогностических моделей его развития невозможно определить принципы функционирования современного социума. При этом следует иметь в виду, что сфера коммуникации быстро развивается и изменяется как количественно, так и качественно, что в свою очередь предполагает постоянное обновление социологического инструментария и совершенствование системы изучения информационного пространства с учетом современных научно-технических достижений.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО» И «ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ»

В социально-гуманитарных науках в целом и в социологии в частности понятие «информационное пространство» довольно многогранно, что вызывает некоторые затруднения в его восприятии и понимании логики происходящих в нем процессов. Как правило, в качестве синонимов сферы функционирования современных СМИ используются такие понятия, как «информационное пространство», «информационная среда», «медиапространство», «медиасреда», вследствие чего происходит теоретическое размывание границ данных понятий. Кроме того, сама сфера функционирования СМИ и распространения информации становилась предметом научного интереса философов, социологов, политологов, юристов, экономистов, что обусловило ее междисциплинарный теоретико-методологический дискурс.

Так, А.В. Манойло, А.И. Петренко и Д.Б. Фролов употребляют такой термин, как «информационно-психологическое пространство», для обозначения «среды реализации информационных и психологических воздействий» — оно представляет собой «открытую систему, включающую в себя информационные потоки и информационные поля, находящиеся в непрерывном взаимодействии друг с другом» [22. С. 33]. Данное определение включает в себя такой атрибут функционирования современных СМИ, как информационно-психологическое воздействие на мировоззрение и поведенческие установки личности. В данном случае информационное пространство интерпретируется, прежде всего, как среда реализации воздействий — как информационные потоки, исходящие от производителей событийно-новостного контента.

Д.Ю. Астапенко употребляет такое понятие, как «информационно-коммуникативное поле». Автор рассматривает его в качестве «сложной динамической совокупности субъект-субъектных отношений и субъект-объектных отношений, механизмов информационного влияния и нормативного регулирования, информационных сетей, средств коммуникации и обмена информацией, технологий управления информационными потоками и процессами» [2. С. 11]. Данная трактовка предполагает наличие сформированной системы отношений и взаимосвязей относительно распределения влияния каналов информации. Определяющей функцией информационного поля выступает обязательное наличие коммуникации между субъектами.

Структурно-субъектное понимание понятия «информационное пространство» предложил О.Г. Слука. Оно включает в себя «национальную систему СМИ, типологически дифференцированную по категориям аудитории с учетом политических, демографических, возрастных, профессиональных, религиозных, национальных, социальных и других определяющих признаков» [26. С. 56]. В данном случае помимо традиционного коммуникативного аспекта информационной сферы представлена система самого понятия, которую формируют непосредственно СМИ и основной субъект потребления массовой информации — аудитория СМИ.

И.А. Толстик использует понятие «медиафера», включающее в себя «реальные явления, факты, субъектами которых являются СМИ, или медиа, т.е. медийную реальность» [30. С. 5]. Представленный подход предполагает выделение СМИ как источников возникновения информационно-событийного контента, формирующего медийное поле, т.е. перманентную сферу функционирования транслируемой информации. В данном случае остается без внимания сам феномен и последующая эффективность информационного воздействия. Индикатором эффективности информационного воздействия может выступать уровень влияния того или иного СМИ в информационном поле конкретного пространства.

И.М. Дзялошинский оперирует таким понятием, как «медиапространство», предлагая структурно-функциональный подход к изучению СМИ. Медиапространство представляется в виде самоорганизующейся сложной системы с сильным механизмом саморегуляции информационных потоков, исходящих от каналов воспроизводства событийного контента. Основу медиапространства составляют «средства массового производства и распространения информации, а также сама массовая информация» [13. С. 22].

И.Е. Мальченков использует понятие «киберпространство» как обозначение «совокупности взаимопроникающих социальных сетей и полей», выступающих в качестве пространственных структур, «организующих взаимодействие людей, которое все чаще приобретает глобальный характер» [21. С. 17].

Также в научной литературе встречается понятие «медиакоммуникация», которая, согласно С.В. Венедиктову, есть «процесс целенаправленного создания, трансляции, обмена, потребления институциональной информации медиа в индивидуальном, групповом, массовом формате по различным каналам при помощи различных коммуникационных средств (вербальных, невербальных, визуальных) для формирования оптимальной информационной сферы» [7. С. 40].

Представленные трактовки говорят о теоретико-методологическом многообразии подходов к сфере функционирования СМИ (или информационной среды) и о различии аналитических стратегий в изучении данного концепта. По сути, предложенные дефиниции, если убрать внешние стилистические особенности, в своем содержании имеют три основополагающих аспекта: 1) наличие СМИ или источника воспроизводства информационного контента; 2) коммуникацию как необходимый атрибут взаимосвязи между производителями и потребителями информации; 3) саму информацию и каналы информационного воздействия на аудиторию. Представленные аналитические категории образуют то, что принято называть «информационной сферой» или «сферой функционирования СМИ».

Соответственно, есть источник возникновения информации, и есть контент, который он производит и в последующем доносит до потребителя информации. И хотя данная концептуальная модель предполагает динамическое воспроизводство информации как социального факта, она выступает, по сути, статическим содержательным конструктом, поскольку предполагает лишь наличие механизма как такового. За рамками исследовательского внимания остаются аспекты взаимосвязи между каналами воспроизводства информации, степенью информационного воздействия и наличием статуса и роли, которую играет производящий информацию агент.

На первый взгляд может показаться, что «информационное поле» и «информационное пространство» — тождественные теоретико-аналитические конструкции, основное различие которых заключается лишь в стилистическом наполнении по аналогии с упоминаемыми выше авторскими интерпретациями информационной сферы. Как отмечает И.М. Дзялошинский, «данные понятия употребляются в своем общем смысле скорее как метафоры, чем научные термины» [12. С. 15]. Как правило, пространством принято именовать любую среду или сферу функционирования однородных явлений (политическое пространство, экономическое, культурное). При этом четкие теоретико-методологические рамки дефиниции не предлагаются авторами, которые оперируют понятием пространства. Аналогичная ситуация складывается и при употреблении понятия «информационное поле». На наш взгляд, необходимо разграничивать данные понятия из-за их различной содержательно-концептуальной сути.

В социально-философском дискурсе существует два принципиальных подхода к определению эвристического потенциала категории «пространство». И. Ньютон предложил авторскую трактовку данного понятия, рассматривая пространство и время как «вместилища самих себя и всего существующего» [23. С. 32]. Согласно его концепции, пространство — бесконечность, абстракция и пустая территория, которая наполняется исходящими извне категориями. Если применить ньютоновскую интерпретацию к СМИ, то информационное пространство будет определяться как факт наличия СМИ, транслирующих событийно-новостной контент. Совокупность функционирующих в заданных рамках СМИ и есть информационное поле.

Второй подход к пониманию категории «пространство» разработал Г. Лейбниц. Пространство в его трактовке выступает в качестве порядка, «который делает возможным само расположение тел и в силу которого они в своем существовании друг подле друга обладают отношением расположения, подобно тому, как время представляет собой тот же порядок в смысле последовательности их существования» [20. С. 455]. Категория пространства представлена в виде совокупности расположения множества тел, функционирующих автономно и, что немаловажно, относительно друг друга.

В отличие от Ньютона, пространство здесь не является пустой абстракцией или территорией бесконечности, наполняемой извне содержанием и объектами. Если говорить об информационной среде/пространстве, то это не просто наличие сформированной системы СМИ и источников воспроизводства информации, а еще отношения, роли, коммуникации, статусы, которыми они наделены относительно друг друга. На наш взгляд, подход Лейбница в большей степени применим для понимания сути современного информационного пространства. Наличие абстракции, наполняемой извне объектами, — устойчивая статичная модель, которая не в полной мере отражает особенности и специфику процессов в современной информационной среде.

Аналитическая стратегия Лейбница нашла свое продолжение в социологической теории. Так, Ф. Теннис работал с понятием «социальное пространство», отмечая, что его основу составляют взаимоотношения и взаимодействия инди-

видов. «Человеческие воли состоят в многообразных отношениях друг к другу; каждое такое отношение представляет собой некое взаимное воздействие, которое, исполняясь или исходя от одной стороны, претерпевает или воспримется другой» [29. С. 9]. Человеческая витальность и взаимодействие становятся главными субъектами пространственно-временной реальности.

Данная идея была развита Г. Зиммелем, считавшим изучение человеческих отношений в пространстве определяющим методологическим императивом социологической науки [14. С. 518]. Отношения между людьми в четко определенном пространстве, имеющем заданные абстрактные рамки, становятся основой изучения повседневных практик. Пространство в данном случае имеет сформированные границы, хотя и без территориальной привязки, взаимоотношения людей и их взаимодействия в заданном пространстве выходят на первый план, что существенно обогатило социогуманитарное знание в контексте изучения эвристического содержания пространства.

Аналитические категории «взаимодействия» и «взаимоотношения» индивидов в рамках установленных условных границ привели к формированию теории социального пространства. Данная проблематика нашла отражение в трудах З. Баумана [3], П. Бергера [4], Э. Гидденса [9], Э. Гофмана [10], П.А. Сорокина [27], П. Штомпки [33]. Как отмечает П.А. Сорокин, «определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие точки отсчета» [27. С. 298]. Наличие субъекта, связи, коммуникации и взаимодействия выходит на первый план в рамках пространственной парадигмы в социологическом знании.

В названных контекстах в функционировании информационной среды определяющим выступает феномен обратной связи между производителем и потребителем массовой информации. Экспликация теоретических конструктов теории пространства позволяет утверждать, что основные атрибуты информационного пространства — СМИ, массовая информация, аудитория СМИ и степень информационного воздействия в пределах заданных границ.

Возникает вопрос, что же собой представляет информационное поле, учитывая, что определение информационного пространства включает в себя фактически все аналитические конструкты, касающиеся деятельности современных СМИ и социальных медиа. В отечественной науке понятие «информационное поле» представлено в работе В.П. Воробьева и Е.И. Дмитриева. С позиций информационной стратификации авторы определяют информационное поле как «устойчивую совокупность социальных связей и отношений, в которых массовая информация выступает как социально-политический ресурс, а журналистика и/или СМИ — как социальный и политический институт» [8. С. 13]. Данное определение представляется неполным и частично повторяющим дефиницию «информационное пространство».

Также в научной литературе встречается понятие «конструктивное информационное поле», основная задача которого — построение «модели диалога СМИ—аудитория», в которой СМИ смогли бы занять позицию активного и эффективного транслятора социально одобряемых ценностей и установок» [18. С. 22]. Информа-

ционное поле в данном случае рассматривается как статическая модель информационного баланса, в которой источники новостного контента будут осуществлять свою деятельность в соответствии с пожеланиями и запросами аудитории. В свою очередь, аудитория адресует СМИ свое социальное одобрение.

Д.Г. Ротман, В.В. Русакевич и В.В. Правдивец понятия «информационное поле» и «информационное пространство» разграничивают. Информационное пространство — это «особая форма социального пространства, сутью которого является наличие социальной коммуникации как процесса, т.е. акта, действия, деятельности» [15. С. 6]. В качестве субъектов информационного пространства выступают «все без исключения социальные институты, социальные общности, субъекты социальных процессов и человек как конкретная сформировавшаяся личность» [15. С. 6]. В свою очередь, информационное поле — это «разновидность информационного пространства, имеющая исторические, географические, политические, экономические, национальные и культурологические границы, фиксированный на каждый временной отрезок набор субъектов поля, которые участвуют в производстве, переработке, хранении и распространении массовой информации на численно большие и рассредоточенные в пределах названных границ массовые аудитории» [15. С. 7]. Ключевым аспектом дефиниции выступает акцент внимания на таких основополагающих категориях, как «территориальные границы» и действующие в их пределах «массовые аудитории». В указанном контексте представляется актуальным обращение к теории социального пространства П. Бурдьё.

Аналогично дилемме информационное поле/пространство Бурдьё разграничивает физическое и социальное пространство. Социальное пространство выступает структурной частью пространства физического. Такая же аналитическая стратегия заложена в интегральной социологии П.А. Сорокина, в соответствии с которой «социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического» [27. С. 297]. То пространство, в котором находятся, взаимодействуют и сосуществуют социальные агенты, индивидуально конструируя повседневные практики, является социальным. В свою очередь, физическое пространство, согласно Бурдьё, «не может мыслиться в таком своем качестве иначе, чем через абстракцию, игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным» [6. С. 53]. В соответствии с данной интерпретацией социальное пространство — это то, что конструируют и формируют социальные агенты, а физическое (или «присвоенное») — сформированная внешняя абстрактная среда, которая функционирует автономно и была создана до социального пространства.

Эксплицируя положения Бурдьё для разграничения понятий «информационное поле» и «информационное пространство», мы предлагаем рассматривать *информационное пространство как сферу функционирования и взаимодействия средств воспроизводства событийно-новостного контента, а информационное поле — как результат деятельности (информационного взаимодействия) субъектов информационного пространства*. В свою очередь, если речь идет о конкретном государстве, то следует применять формулировку «национальное информационное поле».

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ

В выделении национального контекста функционирования информационного поля подчеркивается принадлежность к определенной территории и, в частности, к изменяющимся (трансформирующимся) приоритетам аудитории, находящейся в пределах конкретной территории. Как отмечает И.М. Дзялошинский, смещение акцентов на территориальные контексты функционирования информационного поля формирует геополитический и ноосферный подходы к пониманию современной медиасреды. В геополитическом контексте информационное поле — это «выделенная неким субъектом территория, на которой размещаются информационные ресурсы, источники информации, технологические системы сбора, обработки, распространения информации, а также пользователи информационных ресурсов, подпадающие под юрисдикцию законодательства, действующего на этой территории» [13. С. 70]. Ноосферный подход предполагает наличие системы «информационных взаимодействий на определенной виртуальной или материальной территории» [13. С. 70]. В указанных контекстах при определении современной медиасреды используются такие словосочетания, как «упорядоченная совокупность информационных процессов», или «информационное поле».

Принадлежность к конкретному пространству, в пределах которого традиционные СМИ, интернет-ресурсы и медиакоммуникативные порталы оказывают информационное воздействие на аудиторию, формируя у последней меняющиеся приоритеты относительно источников получения информации, выступает ключевым аналитическим конструктом предлагаемой концепции национального информационного поля. Оно имеет конкретную территорию и пределы функционирования, и представляется уместным говорить об информационном поле абсолютно любого государства. «Стирая географические преграды, СМИ очертили рельеф антропологических границ, расширили символические, когнитивные, аксиологические дистанции между обществами» [17. С. 176]. Одинаковый по структуре и содержанию информационный контент может вызвать различную и не всегда однозначную реакцию со стороны национальных аудиторий, восприятие и поведенческая реакция которых обуславливается сложившимися культурными традициями и ценностными ориентациями. Как отмечает С.П. Хантингтон, «...люди интерпретируют обмен информацией в терминах существовавших ранее ценностей и взглядов» [32. С. 176]. «Цивилизации — это самые большие „мы“, внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных „них“» [32. С. 49]. Соответственно, любое информационное поле, функционирующее в пределах конкретной территории, имеет свои границы и национальные черты, которые выражаются в конечной реакции местной аудитории на воспроизводимую СМИ информацию. Аналогичная аналитическая стратегия заложена в работе Ф. Фукуямы, утверждающего, что «культурные различия будут парадоксальным образом осознаваться все более глубоко благодаря тем коммуникационным технологиям, которые привели к появлению „мировой деревни“» [31. С. 574].

Принципиальным отличием «информационного поля» от «информационного пространства» выступает конкретная временная фиксация динамических процессов, происходящих в поле в определенный временной отрезок. В данном случае представляется обоснованным обращение к психологической теории поля К. Левина. Особенность его социально-психологического подхода заключается в определении любого значимого поведения (действие, мышление, коммуникация) «как изменения некоторого состояния поля в данную единицу времени» [19. С. 11]. Всякое поведение или изменение в поле зависит «только от самого поля в тот момент времени» [19. С. 11], в связи с чем первостепенное значение приобретает фиксация скрытых и открытых напряжений и происходящих в поле процессов, чтобы сформировать его целостную картину и исчерпывающее представление о его содержании на определенном этапе.

В указанных контекстах информационное поле — сфера деятельности традиционных СМИ (газеты, радио, телевидение), интернет-ресурсов (новостные порталы, сайты) и средств сетевой виртуальной медиакommunikации (социальные медиа), оказывающая воздействие на сознание, поведенческие установки и ценностные ориентации индивидов, результатом чего является формирование приоритетов потребителей событийно-новостного контента относительно основных источников получения массовой информации в заданный временной отрезок.

Информационное поле выступает в качестве динамической структуры с изменяющимися (трансформирующимися) внутренними субъектами, степень влияния которых определяется запросами аудитории на получение информации из того или иного источника воспроизводства информационного контента. Реализацию медийных запросов аудитории обеспечивают каналы донесения и распространения информации, степень влияния которых определяется расстановкой приоритетов в выборе источников получения информации потребителями информационного контента. Изменяющийся характер влияния на аудиторию сегментов информационного поля позволяет говорить о его перманентной структурной трансформации. В свою очередь, эта трансформация представляет собой динамический процесс, в рамках которого меняется содержание его структурных сегментов и коммуникативных практик.

Для изучения динамического равновесия национального информационного поля следует использовать структурно-функциональную теорию Т. Парсонса. Структурированный, иерархичный организм, который можно интерпретировать как информационное поле, сохраняет свою целостность и равновесие посредством взаимодействия и взаимообмена с окружающей средой (интенции научно-технического прогресса и возникновение новых СМИ, форм коммуникации и приоритетов аудитории относительно источников информации). Как отмечает Парсонс, «...тенденция к самосохранению есть первый закон социальных процессов» [25. С. 307]. Исходя из категорий «взаимодействие» и «равновесие», представители структурно-функциональной школы формируют понятие социальной системы как «образуемой состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами» [24. С. 18].

В основе предложенной концептуальной модели лежит понятие социального действия как условия дееспособности системы. Социальное действие («единичный акт») есть «действие, контролируемое решениями (значениями), принимаемыми под влиянием обстановки, и исполняющее функцию интеграции живой системы» [11. С. 165]. Парсоновская интерпретация социального действия применима для описания функционирования информационного поля, расстановка структурных субъектов которого зависит от приоритетов массовой аудитории, формируемых симпатиями относительно того или иного источника информации по социально значимым событиям. Здесь информационное поле — это перманентно изменяющаяся пространственная категория, содержание которой будет отличаться в зависимости от временного цикла. Расстановка сегментов национального информационного поля зависит от сконструированной реальности (Бурдые) в конкретный временной отрезок (Левин).

Информационное пространство представляет собой структурированную систему СМИ, социальных институтов и иных источников воспроизводства событийно-новостного контента. Л.С. Ананич и В.П. Воробьев определяют информационное пространство как национальную систему СМИ [1]. В данном контексте пространство — набор, а поле — расстановка приоритетов и степени влияния. Так, для Бурдые социальное пространство — «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, оно может восприниматься в форме структуры распределения разных видов капитала, функционирующих одновременно как цели борьбы в различных полях...» [5. С. 40]. Содержание информационного пространства — система информационного поля и трансформация воздействий и статусов. Национальное информационное поле выступает частью информационного пространства и результатом деятельности его субъектов.

Резюмируя генезис научных представлений о содержании информационного поля и информационного пространства, необходимо подчеркнуть, что эти понятия не тождественны. Информационное поле выступает составной частью информационного пространства, которое предполагает набор источников воспроизводства информационного контента («вместилище» информационных изданий), а национальное информационное поле — заданную массовой аудиторией динамику приоритетов относительно выбора источников информации. Соответственно, поле выступает реакцией на функционирование «набора» (пространства).

Функционирование национального информационного поля в современных условиях принимает характер трансформирующегося влияния на аудиторию его сегментов. В разные временные отрезки степень воздействия того или иного сегмента различается в зависимости от медийных предпочтений аудитории. Развитие современных информационных технологий и возрастающая с каждым годом популярность сетевых ресурсов привели к тому, что Интернет стал одним из самых влиятельных и стремительно развивающихся сегментов национального информационного поля. В связи с чем представляется актуальной фиксация медийных предпочтений аудитории национального информационного поля в конкрет-

ный временной отрезок, чтобы определить расстановку сегментов поля и степень информационного воздействия каждого из них. Эта исследовательская стратегия отвечает направлениям социологии пространства и позволяет ответить на вопрос, «в каком смысле и применительно к каким феноменам вообще можно говорить об их локализации, ставить вопросы..., которые имеют прямое отношение к проблемам информационного пространства, например, “где находится Интернет?”» [13. С. 32]. Определение места и роли сегментов национального информационного поля (радио, газеты, ТВ, интернет-ресурсы, средства сетевой виртуальной медиакоммуникации) в разные временные периоды с помощью социологических методов позволит построить прогнозную стратегию для оценки развития национальной системы массовой информации.

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В развитии информационного поля Беларуси мы выделяем три этапа. Первый этап (1994—2004) связан с распадом некогда единого советского информационного пространства, формированием системы правового регулирования медийного пространства, информационной инфраструктуры и национального информационного поля Беларуси. Второй этап (2004—2014) связан с завершением процесса становления национального информационного поля и включением его в мировое информационное пространство: были освоены и внедрены новые информационные технологии, активно заявили о себе социальные сети, появились технологии избирательного и индивидуального влияния. И, наконец, после 2014 года наступает новый этап развития информационного поля суверенной Беларуси, связанный с нарастанием влияния цифровой и социокультурной глобализации. Особенностью этапа стало обострение ситуации в глобальном информационном пространстве, когда медиакоммуникации стали рассматриваться как матрица всех видов человеческой коммуникации, включая практики в сфере бизнеса, геополитики и глобальных социальных проектов. По сути, проблема функционирования глобального и регионального информационного поля стала ключевой для целого ряда наук, где социология — в междисциплинарном приоритете.

Решение поставленных задач обеспечивалось авторами в рамках проекта «Особенности функционирования информационного поля Республики Беларусь (социологический мониторинг)», который ежегодно проводился Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета по заданию Министерства информации Республики Беларусь с 2003 по 2017 годы для изучения особенностей функционирования национального информационного поля, основными сегментами которого выступают традиционные СМИ (телевидение, печать, радио) и сетевые ресурсы (сайты, порталы) и социальные медиа). Мониторинг позволял отслеживать динамику изменения влияния сегментов информационного поля: каждый год роль и степень информационного воздействия того или иного сегмента претерпевала изменения. На рисунке 1 представлена динамика трансформации информационного поля Беларуси в период с 2003 по 2017 годы.

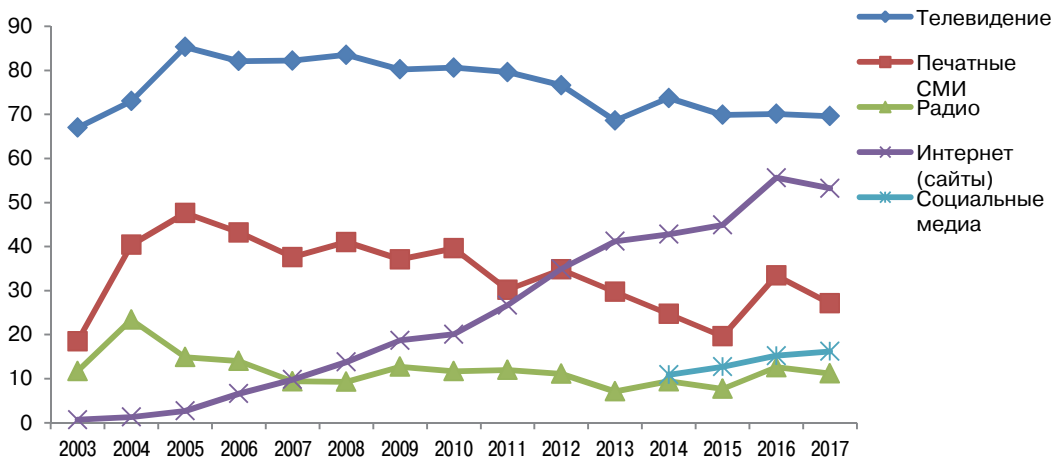

Рис. 1. Динамика изменения приоритетов аудитории по общественно-политической тематике (2003—2017, в %)

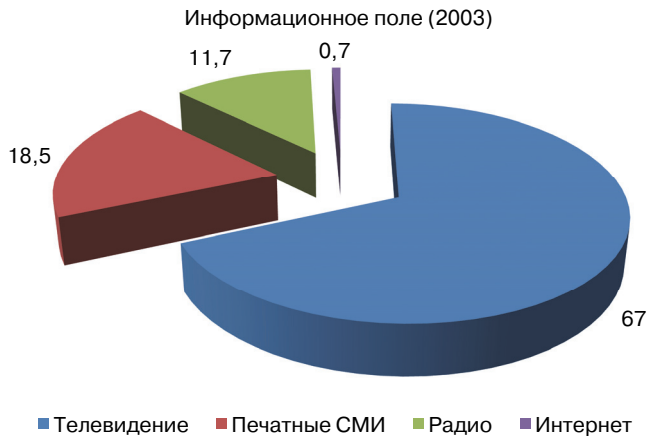

Рис. 2. Основные источники информации по общественно-политической тематике в 2003 году (в %)

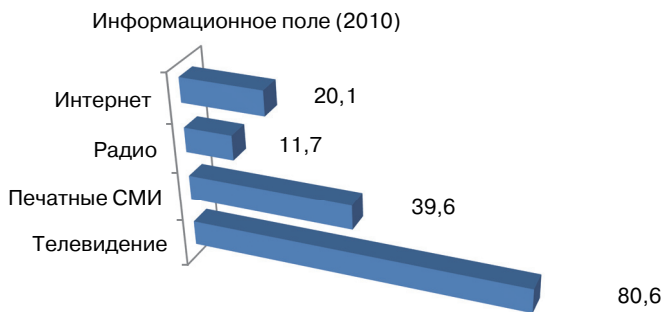

Рис. 3. Основные источники информации по общественно-политической тематике в 2010 году (в %)

Если на первоначальном этапе изучения информационного поля (2003—2005) определяющие позиции занимали традиционные СМИ (телевидение, печать), то начиная с 2006 года стремительно завоевывает позиции Интернет (сайты, порталы), а в 2014 году в структуре Интернета выделяется принципиально новый сегмент — социальные медиа, выступающие как полноправный субъект информационного поля. Представленная на Рисунке 1 динамика позволяет представить информационное поле как некую «кривую» в состоянии постоянной трансформации. Каждый год «кривая» принимает определенное значение в зависимости от приоритетов аудитории. Так, на Рисунке 2 показана структура информационного поля Беларуси в 2003 году.

В данном случае отчетливо прослеживается доминирование телевидения и традиционных СМИ в целом. Интернет еще не был востребован национальной аудиторией. Но уже в 2010 году Интернет выступает в качестве полноценного сегмента информационного поля, вытесняя традиционные СМИ (рис. 3).

В 2017 году Интернет наряду с телевидением играет определяющую роль в развитии информационного поля. Кроме того, в структуре поля выделился принципиально новый сегмент — социальные медиа, в которых любой пользователь Сети может выступать в качестве источника производства и распространения контента (рис. 4).

Рис. 4. Основные источники информации по общественно-политической тематике в 2017 году (в %)

Приоритеты аудитории постоянно меняются под воздействием внутрисистемных и внешних факторов трансформации информационного поля. Внутрисистемные факторы включают в себя индивидуальные возможности личности влиять на расстановку сегментов информационного поля. Особенностью внутрисистемных факторов выступает интеракционистская и феноменологическая традиция объяснения поведенческих реакций, привычек и установок аудитории, которые оказывают воздействие на информационное поле. В свою очередь, внешние факторы перераспределяют приоритеты аудитории поля вне зависимости от ее

желания. Трансформация политических режимов, социально-экономические катаклизмы, информационные войны, геополитические противоречия, глобализация и взаимопроникновение международных СМИ так или иначе видоизменяют сформированный набор установок относительно выбора того или иного источника информации. В случае с внутрисистемным контекстом трансформационного процесса именно аудитория меняет расстановку структурных сегментов поля, а внешние факторы изменяют приоритеты аудитории под воздействием обстоятельств, на которые потребители массовой информации не способны оказать влияние. Выделение какого-либо фактора в качестве доминирующего не представляется возможным, поскольку обе группы в той или иной мере влияют на структурное видоизменение сегментов поля, в связи с чем факторы рассматриваются нами как равнозначные.

В таблице 1 представлены эмпирические результаты трансформации информационного поля в период 2003—2017 годов.

Таблица 1

**Динамика изменения приоритетов аудитории
по общественно-политической тематике (2003—2017, в %)**

Из каких источников Вы чаще всего получаете информацию по проблемам... (в %)																
	СМИ	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
П О Л И Т И К А	Газеты	18,5	40,4	47,6	43,2	37,6	41	37,1	39,6	30,2	34,8	29,7	24,7	19,6	33,4	27,1
	Радио	11,7	23,4	14,9	14	9,4	9,3	12,7	11,7	12	11,1	7,1	9,4	7,7	12,6	11,2
	ТВ	67	73	85,3	82,1	82,2	83,5	80,2	80,6	79,6	76,6	68,6	73,7	69,9	70,1	69,6
	Интернет (сайты)	0,7	1,3	2,7	6,6	9,8	13,8	18,7	20,1	26,7	34,9	41,2	42,8	44,9	55,6	53,2
	Интернет (сети)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10,9	12,7	15,2	16,2

В настоящее время в поле отчетливо прослеживается тенденция перераспределения информационного влияния на аудиторию от традиционных СМИ к медиакommunikативным, которые, в свою очередь, при изменяющихся форматах подачи информации сохраняют характеристики традиционных сегментов поля (например, онлайн-телевидение), образуя медиаконвергентную национальную систему СМИ. Содержанием трансформации информационного поля является доминирование телевидения (наиболее популярный источник информации) и Интернета, включая средства сетевой виртуальной медиакommunikации (социальные медиа). Полученные результаты позволяют сформулировать вывод о высоком влиянии электронных СМИ и снижении интереса к классическим формам донесения информации до аудитории.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА
ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ**

Уровень эффективности информационного поля во многом определяется отношением населения к разным СМИ: телевидению, газетам, радио, сайтам сети Интернет, социальным медиа. Востребованность информационных источников

должна постоянно замеряться социологическими методами. Анализ результатов исследований проводится на базе моделей информационных предпочтений. Рассмотрим наиболее эффективные из них.

Рейтинговая модель с использованием нескольких переменных

Для построения названной модели была использована схема, включающая:

- ◆ проведение в режиме мониторинга репрезентативных опросов населения;
- ◆ использование специальных вопросов для расчета суммарных рейтинговых весов конкретных СМИ;
- ◆ построение ранговых рядов на базе произведенных расчетов.

Исчисление суммарных рейтинговых весов может осуществляться двумя способами. Первый — это *построение «жесткого рейтинга» с использованием метода «сито»*, который обеспечивает высокую степень эффективности и информационной насыщенности. В ходе социологического замера информационные предпочтения телезрителей, читателей газет, радиослушателей выясняются не одним прямым вопросом, а с помощью набора вопросов, характеризующего предмет изучения с разных сторон. В блок входят следующие вопросы: «К каким конкретным СМИ Вы обращаетесь чаще всего?»; «Какие СМИ Вам нравятся больше других?»; «Каким СМИ Вы доверяете?»; «Какие СМИ Вы можете назвать как свои любимые?».

Расчет рейтинга «сито» осуществляется по схеме: $A + B + B + \dots$ (позитивный выбор); $\bar{A} + \bar{B} + \bar{B} + \dots$ (негативный выбор). Иными словами, определяются группы «жестких сторонников», «жестких противников» и «колеблющихся» по тому или иному информационному источнику. В группу «жестких сторонников» входят те респонденты, которые в ответах на все вопросы блока выбирали один и тот же объект предпочтения, а также оценивали его работу позитивно. Группа «жестких противников» складывается из респондентов, которые ни в одном из вопросов не упомянули данный источник. Оставшиеся респонденты включаются в третью группу — «колеблющихся». «Жесткий рейтинг» значительно ограничивает состав итоговой таблицы, так как в выборочной совокупности оказывается, как правило, много респондентов, не избравших по поводу одного информационного источника все четыре позитивных варианта.

Менее жестким представляется второй подход, где рейтинговые веса по каждому СМИ складываются, а затем исчисляется среднеарифметическая взвешенная. Здесь можно говорить об определении среднего рейтингового веса по формуле:

$$CPPM = \frac{A + B + B + \Gamma}{n},$$

где $CPPM$ — средняя ранговая рейтинговая модель источника информации; A, B, B, Γ — признаки-переменные для сбора информации; n — постоянное число для расчета средней арифметической взвешенной (в нашем случае « n » равна четырём, т.е. числу признаков-переменных).

Суммарный ранговый рейтинг телевизионных каналов-лидеров в информационном пространстве Беларуси (в %)

Название канала	«Смотрю этот ТВ-канал»	«Нравится этот ТВ-канал»	«Доверяю этому ТВ-каналу»	«Любимый ТВ-канал»	Средний рейтинговый вес	Итоговый ранг
Телеканал 1	87	65,4	60,1	42,9	63,9	1
Телеканал 2	52,7	35,9	26,9	17	33,1	2
Телеканал 3	62,9	25,2	26,3	5,6	30	3
Телеканал 4	55	29,5	18	7,9	27,6	4
Телеканал 5	32,5	15,5	8,5	4,9	15,4	5
Телеканал 6	24,2	4,6	2,9	0,4	8	6
Телеканал 7	11,8	6,5	3,4	2,5	6,1	7

В качестве примера по этому принципу построены рейтинговые модели (ранговые ряды) в таблице 2.

Построенные рейтинговые модели информационных предпочтений населения позволяют не просто определить наиболее авторитетные и популярные газеты, радиостанции и телевизионные каналы, но и сделать вывод о том, что именно эти СМИ оказывают наибольшее влияние на формирование социальных установок и ценностей.

Идеальные, реальные и оптимальные содержательные модели СМИ (по отраслям)

Одной из важнейших задач в ходе анализа информационного поля является поиск путей оптимизации работы СМИ, определение ключевых направлений усиления позитивного воздействия ведущих СМИ на аудиторию.

Для решения данной задачи в рамках социологического мониторинга необходимо собрать данные для построения содержательных моделей ведущих СМИ. Идеальные содержательные модели (ИСМ) строятся для определения тематических предпочтений аудитории — это образцы максимально востребованных гипотетических СМИ, которые могут быть сопоставлены с реальными тематическими конструктами телепрограмм, радиопередач и газет.

Для такого сопоставления проводится контент-анализ ведущих белорусских СМИ. Его результаты позволяют зафиксировать реальные тематические схемы в материалах наиболее популярных СМИ. Сопоставление полученных данных осуществлялись посредством расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена по формуле:

$$r_s = 1 - \frac{6 \sum d_i^2}{l(l^2 - 1)},$$

где d_j — разности рангов, l — число пар рангов (коэффициент изменяется от -1 до $+1$).

Возьмем в качестве примера расчет данного показателя для одной из белорусских газет (табл. 3).

Расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена

Тематические направления	Ранг		Разность пар рангов d_i	Квадрат разности рангов d_i^2
	идеальная модель	реальная модель		
Политика	1	5	-4	16
Экономика	5	1	4	16
Воспитание, семья	2	4	-2	4
Культура, история, образование	3	3	0	0
Социальные проблемы и безопасность	4	2	2	4
Проблемы региона	6	7	-1	1
Спорт	7	6	1	1
Прочее	8	—	—	—
				$\Sigma = 42$

$$r_s = 1 - \frac{6 \cdot 42}{7(7^2 - 1)} = 1 - \frac{252}{336} = 1 - 0,75 = 0,25.$$

Таким образом, коэффициент ранговой корреляции составил 0,25, что свидетельствует о низком уровне связи между идеальной и реальной моделью данного издания.

Все возрастающий спрос на каналы мгновенного воспроизводства и распространения массовой информации привел к перераспределению влияния на аудиторию от традиционных СМИ в пользу интернет-ресурсов и иных форм сетевой коммуникации. В современных условиях претерпевает трансформацию сама сфера функционирования СМИ, субъектами которой выступают не только профессиональные издания и журналисты, но и потребители массовой информации — посредством воспроизводства и распространения значимого для себя информационного контента в пространстве сетевой виртуальной медиакommunikации. В связи с этим возрастает интерес к изучению специфики и содержания сферы функционирования СМИ, в частности, к «информационному полю» и «информационному пространству» как наиболее популярным определениям сферы современных СМИ в контексте социологической науки. Немаловажное значение также обретает разработка инструментария исследования процессов трансформации приоритетов аудитории и информационного поля в целом.

Становление национального информационного поля Беларуси, формирование системы правового регулирования медийного пространства и информационной инфраструктуры связано с распадом некогда единого советского информационного пространства. За относительно короткий период были освоены и внедрены новые информационные технологии, активно заявили о себе социальные сети, появились технологии избирательного и индивидуального влияния. В последнее время

наблюдается нарастание влияния цифровой и социокультурной глобализации, что связано с обострением ситуации в глобальном информационном пространстве, когда медиакommunikации стали рассматриваться как матрица всех видов человеческой коммуникации.

Если в самом начале XXI века определяющие позиции в информационном поле Беларуси занимали традиционные СМИ, то начиная с середины первого десятилетия на первые позиции выходит Интернет, а затем и в его структуре выделяется принципиально новый сегмент — социальные медиа. Сегодня наблюдается нарастание влияния электронных медиа и снижение интереса к классическим СМИ, т.е. можно говорить о медиазамещении Интернетом в национальном информационном поле Беларуси традиционных СМИ с сохранением доминирования TV как наиболее простого, доступного и понятного аудитории визуального транслятора социальных действий на телеэкране посредством создания «эффекта присутствия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ананич Л.С., Воробьев В.П.* Информационное пространство Беларуси: газеты, журналы, бюллетени, информационные агентства, радиовещание, телевидение, полиграфия, издательства, реклама, интернет. Минск, 2003.
- [2] *Астапенко Д.Ю.* Информационно-коммуникативное поле в пространстве социально-политического взаимодействия: Автореф. дис. к.п.н. М., 2010.
- [3] *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
- [4] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. М., 1995.
- [5] *Бурдые П.* Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993.
- [6] *Бурдые П.* Социология социального пространства / Общ. ред. пер. Н.А. Шматко. М.—СПб., 2005.
- [7] *Венидиктов С.В.* Медиакommunikация в гражданском обществе: интеграционный ресурс. Могилев, 2016.
- [8] *Воробьев В.П., Дмитриев Е.И.* Информационное поле Беларуси: социально-политический анализ. Минск, 2003.
- [9] *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2003.
- [10] *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
- [11] *Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- [12] *Дзялошинский И.М.* Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России: Автореф. дис. д.ф.н. М., 2013.
- [13] *Дзялошинский И.М.* Медиапространство России: пробуждение Соляриса. М., 2012.
- [14] *Зиммель Г.* Как возможно общество? // Избранное. Т. 2. М., 1996.
- [15] Информационное поле Республики Беларусь: структура и подходы к изучению, формирование и развитие / В.В. Правдивец, Д.Г. Ротман, В.В. Русакевич. Минск, 2009.
- [16] *Кастельс М.* Власть коммуникации / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. М., 2016.
- [17] *Квашина Т.А.* Телевидение и общество: этнокультурные факторы телевизионного дискурса. СПб., 2011.
- [18] Конструктивное информационное поле: инновационная модель / А.И. Шабловский и др. Минск, 2005.

- [19] Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
- [20] Лейбниц Г.В. Переписка с Кларком // Сочинения: в 4 т. Т. 1. М., 1982.
- [21] Мальченко И.Е. Трансформация социального пространства при переходе к информационному обществу: Автореф. дис. к.с.н. Минск, 2012.
- [22] Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М., 2009.
- [23] Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Пер. с латин. и коммент. А.Н. Крылова; предисл. Л.С. Полака. М., 1989.
- [24] Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; науч. ред. пер. М.С. Ковалева. М., 1997.
- [25] Парсонс Т. О социальных системах / Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М., 2002.
- [26] Слуга О.Г. Идеология информационного пространства Республики Беларусь // Вестник БДУ. Серия 4. 2010. № 2.
- [27] Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А.Ю. Согомонова. М., 1992.
- [28] Степин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского государственного университета. Серия «Социология». 2017. № 3.
- [29] Теннис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Скляднева; послесл. А.Ф. Филиппова. СПб., 2002.
- [30] Толстик И.А. Медиафера в системе международной интеграции / Под науч. ред. С.В. Решетникова. Минск, 2010.
- [31] Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
- [32] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М., 2006.
- [33] Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М., 1996.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-383-403

FEATURES OF THE SOCIOLOGICAL DIAGNOSTICS OF THE MEDIA FIELD IN THE REPUBLIC OF BELARUS*

A.N. Danilov¹, D.G. Rotman², A.V. Postalovsky², I.I. Buzovsky³

¹Belarusian State University

Kalvarijskaja St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus

²Center for Sociological and Political Research, Belarusian State University

Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Republic of Belarus,

³Administration of the Central District of Minsk

Melnikaite St., 6, Minsk, 220004, Republic of Belarus

(e-mail: a.danilov@tut.by, dgrotman@rambler.ru,

postalnio@tut.by, 1byzovsky@mail.ru)

Abstract. The article considers methodological approaches to the study of the media field transformations under contemporary changes and presents the results of the annual sociological monitoring conducted in the Republic of Belarus (2003—2017). The authors claim the redistribution of influence on the audience from traditional media in favor of Internet resources and other forms of network commu-

* © A.N. Danilov, D.G. Rotman, A.V. Postalovsky, I.I. Buzovsky, 2018.

nications. Traditional mass media and communication media undergo radical changes, the subjects of which are professional editions and journalists together with the consumers of mass media information, who reproduce and disseminate the meaningful for them content in the Internet through the networks of virtual media communications. The sociological monitoring allowed to identify the level of influence of different types of media at the certain period of social-political and social-economic development of the Republic of Belarus. At the first stage of the media field studies (2003—2005), traditional mass media held leading positions, but from 2006 the Internet has rapidly increased its impact, and in 2014 a fundamentally new segment — the social media — stood out from the Internet and became a new actor of the media field. In 2017, the Internet together with television play a decisive role in the development of the media field. At the same time the interest to sociological studies of the features and content of mass media functions has increased, and there is also an obvious request for developing new methods and improving the existing techniques for the sociological study of the contemporary media field.

Key words: media space; media field; national media field; traditional mass media (newspapers, radio, television); Internet-resources (news portals, web-sites); networks of virtual media-communication (social media); annual sociological monitoring

REFERENCES

- [1] Ananich L.S., Vorobiev V.P. *Informatsionnoe prostranstvo Belarusi: gazety, zhurnaly, byulleteni, informatsionnye agentstva, radioveshchanie, televeshchanie, poligrafya, izdatelstva, reklama, internet* [Media Space of Belarus: Newspapers, Magazines, Bulletins, Information Agencies, Radio, Television, Printing, Publishing Houses, Advertising, Internet]. Minsk; 2003 (In Russ.).
- [2] Astapenko D.Yu. *Informatsionno-kommunikativnoe pole v prostranstve sotsialno-politicheskogo vzaimodeistviya* [Information-communicative field in the space of social-political interaction]: Avtoref. dis. k.p.n. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [3] Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008 (In Russ.).
- [4] Berger P., Luckman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Per. E.D. Rutkevich. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [5] Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Sost., obsch. red. i predisl. N.A. Shmatko. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [6] Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Obsch. red. per. N.A. Shmatko. Moscow-Saint Petersburg; 2005 (In Russ.).
- [7] Venidiktov S.V. *Mediakommunikatsiya v grazhdanskom obschestve: integratsionnyy resurs* [Media Communication in Civil Society: An Integration Resource]. Mogilev; 2016 (In Russ.).
- [8] Vorobiev V.P., Dmitriev E.I. *Informatsionnoye pole Respubliki Belarus: sotsialno-politicheskii analiz* [Information Field of the Republic of Belarus: A Social-Political Analysis]. Minsk; 2003 (In Russ.).
- [9] Giddens A. *Ustroenie obschestva: ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [10] Goffman E. *Analiz frejmov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [11] Gromov I.A., Matskevich A.Yu., Semenov V.A. *Zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya* [Western Theoretical Sociology]. Saint Petersburg; 1996 (In Russ.).
- [12] Dzyaloshinsky I.M. *Kommunikatsionnye strategii sotsialnykh institutov v mediaprostranstve Rossii* [Communicative strategies of social institutions in the media space of Russia]: Avtoref. dis. d.f.n. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [13] Dzyaloshinsky I.M. *Mediaprostranstvo Rossii: probuzhdenie Solyarisa* [Russia's Media Space: Awakening of Solaris]. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [14] Simmel G. *Kak vozmozhno obschestvo?* [How is society possible?]. *Izbrannoe*. Vol. 2. Moscow; 1996 (In Russ.).

- [15] Pravdivets V.V., Rotman D.G., Rusakevich V.V. *Informatsionnoe pole Respubliki Belarus: struktura i podkhody k izucheniyu, formirovanie i razvitie* [Information Field of the Republic of Belarus: Structure and Approaches to the Study, Formation and Development]. Minsk; 2009 (In Russ.).
- [16] Castells M. *Vlast kommunikatsii* [Communication Power]. Per. s angl. N.M. Tylevich; pod nauch. red. A.I. Chernykh. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [17] Kvashina T.A. *Televidenie i obschestvo: etnokulturnye faktory televizionnogo diskursa* [Television and Society: Ethno-Cultural Factors of Television Discourse]. Saint Petersburg; 2011 (In Russ.).
- [18] Shablovsky A.I., Korshunov G.P., Goncharov V.V., Surkova E.S. *Konstruktivnoe informatsionnoe pole: innovatsionnaya model* [Constructive Information Field: An Innovative Model]. Minsk; 2005 (In Russ.).
- [19] Lewin K. *Teoriya polya v socialnykh naukakh* [Field Theory in Social Sciences]. Saint Petersburg; 2000 (In Russ.).
- [20] Leibniz G.W. *Perepiska s Klarkom* [Leibnitz-Clarke correspondence]. *Sochineniya*: v 4 t. Vol. 1. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [21] Malchenkov I.E. *Transformatsiya sotsialnogo prostranstva pri perehode k informatsionnomu obschestvu* [Transformation of social space under the transition to information society]: Avtoref. dis. k.s.n. Minsk; 2012 (In Russ.).
- [22] Manoilo A.V., Petrenko A.I., Frolov D.B. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psihologicheskoi voyny* [State Information Policy under the Information-Psychological War]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [23] Newton I. *Matematicheskie nachala naturalnoj filosofii* [Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica]. Per. s latin. i komment. A.N. Krylova; predisl. L.S. Polaka. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [24] Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Per. s angl. L.A. Sedova, A.D. Kovaleva; nauch. red. per. M.S. Kovaleva. Moscow; 1997 (In Russ.).
- [25] Parsons T. *O socialnykh sistemah* [The Social System]. Pod obsch. red. V.F. Chesnokovoj, S.A. Belanovskogo. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [26] Sluka O.G. *Ideologiya informatsionnogo prostranstva Respubliki Belarus* [Ideology of information space of the Republic of Belarus]. *Vestnik BDU. Seriya 4*. 2010; 4 (In Russ.).
- [27] Sorokin P. *Socialnaya i kulturnaya mobilnost* [Social and cultural mobility]. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo*. Obsch. red. A.Yu. Sogomonova. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [28] Stepin V.S. *Tsivilizatsiya v epohu peremen: poisk novykh strategij razvitiya* [Civilization in the epoch of changes: A search for new development strategies]. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya "Sociologiya"*. 2017; 3 (In Russ.).
- [29] Tönnies F. *Obschnost i obschestvo: osnovnye ponyatiya chistoj sociologii* [Gemeinschaft und Gesellschaft: Grundbegriffe der reinen Soziologie]. Per. s nem. D.V. Sklyadneva; poslesl. A.F. Filippova. Saint Petersburg; 2002 (In Russ.).
- [30] Tolstik I.A. *Mediasfera v sisteme mezhdunarodnoi integratsii* [Media Sphere in the System of International Integration]. Pod nauch. red. S.V. Reshetnikova. Minsk; 2010 (In Russ.).
- [31] Fukuyama F. *Doverie: socialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [32] Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Per. s angl. T. Velimeeva. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [33] Sztompka P. *Sociologiya socialnykh izmeneniy* [The Sociology of Social Change]. Per. s angl. pod red. V.A. Yadova. Moscow; 1996 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-404-417

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИСТОВ И СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ*

Е.В. Масловская

Социологический институт
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
7-я Красноармейская ул., 24/15, Санкт-Петербург, 190005, Россия
(e-mail: ev_maslovskaya@mail.ru)

В статье рассмотрена актуальная зарубежная дискуссия о возможностях и ограничениях разных теоретико-методологических подходов к изучению репрезентации экспертного знания в судопроизводстве и особенностях взаимодействия судебных экспертов и юристов. Автор отмечает как вклад интерпретативной парадигмы, согласно которой правовые структуры становятся понятны лишь в результате изучения официальных и неформальных договоренностей между разными группами акторов, так и ее методологические ограничения, не позволившие преодолеть разрыв между микросферой акторов и макросферой организаций и обществ. Особое внимание уделено возможностям применения акторно-сетевой теории к изучению взаимодействия судебных экспертов и юристов. Подчеркивается релевантность принципа «генерализованной симметрии», на который опирался Б. Латур в исследовании научных лабораторий, и концепта «юридическая цепочка» в анализе правовой сферы. Вместе с тем отмечено, что исключительное внимание Латура к «особой рациональности» судебной практики помешало выявлению сложных траекторий складывающихся и поддерживаемых сетей внутри и за пределами описываемого им правового института (Государственный Совет Франции). Автор показывает, что в стремлении раскрыть внутренние механизмы производства научных фактов представители исследований науки и технологий (СТС) способствуют делегитимации результатов научных исследований, представляемых в экспертных заключениях. Они также игнорируют асимметричность властных отношений между экспертами и юристами, отказываясь от использования накопленного методологического инструментария для критического анализа судебной системы. Концепция юридического поля П. Бурдьё преодолевает односторонность подхода акторно-сетевой теории, поскольку, учитывая внутреннюю логику развития права, выявляет асимметричность властных отношений внутри юридического поля, конкуренцию между носителями разных видов юридического капитала, обладающими собственными интересами и ресурсами, а также влияние на юридическое поле других полей. Продуктивным представляется сочетание элементов акторно-сетевой теории, ее интерпретаций в исследованиях науки и технологий, и концепции юридического поля Бурдьё, что позволяет анализировать не только внутреннюю логику циркуляции экспертного знания, но и внешний контекст его производства и трансформации в юридическом поле.

Ключевые слова: социологические теории; социология права; Б. Латур; П. Бурдьё; судопроизводство; юридическая профессия; экспертное знание; юридическое поле

* © Масловская Е.В., 2018.

Статья подготовлена в рамках государственного задания Социологического института ФНИСЦ РАН, проект «Структуры и дисциплинарные культуры в социальных науках, социальное знание и его инструментальные ресурсы» № 0169-2015-0003.

В современном информационном обществе наблюдается растущая зависимость от специализированного знания. Экспертизация как широкий социальный процесс затрагивает не только политическую сферу, в которой мы наблюдаем постоянные ссылки на тех, кого называют экспертами, для легитимации принимаемых управленческих решений. В правовой сфере формальное возрастание роли экспертов также очень заметно в последнее время. Почти все рассматриваемые в суде дела — как уголовные, так и гражданские — опираются на результаты экспертных заключений. При этом парадоксальность использования экспертного знания в судопроизводстве заключается в том, что судебный эксперт нанимается для исследования предоставляемых ему материалов лицом, не обладающим необходимым специальным знанием (научным или техническим), но, тем не менее, наделенным правом оценивать результаты экспертного заключения. Существенной характеристикой экспертного знания является то, что оно производится в одном контексте, чтобы использоваться в другом, как это происходит при переходе знания от судебного эксперта к следователю, прокурору и судье, что потенциально чревато конфликтами эпистемического и структурного характера.

Производство экспертного знания и его интерпретации в процессе взаимодействия судебных экспертов и юристов на разных стадиях судебного разбирательства привлекает в последнее время внимание исследователей. Современное состояние исследований в данной сфере определяется корпусом работ зарубежных авторов, представляющих разные научные дисциплины, прежде всего юриспруденцию, криминологию и психологию [15; 18; 21; 22]. Вместе с тем взаимодействие судебных экспертов и юристов до недавнего времени практически не становилось фокусом систематического анализа с позиций социологии права и направляемого таким анализом эмпирического изучения.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ХОДЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА: МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ Б. ЛАТУРА

Зарождение и развитие социологического анализа социального взаимодействия в ходе судебного процесса связано с дискуссией в рамках критического переосмысления не только модели действия Т. Парсонса, но и релевантности количественных методов, с помощью которых социологи пытались обосновать теоретические высказывания. Выступая активными участниками этой дискуссии, представители микросоциологических подходов, таких как символический интеракционизм и этнометодология, подчеркивали, что применение норм и ценностей, равно как и реализация ненормативных целей и намерений в конкретных ситуациях, — это всегда сложный и часто противоречивый процесс. Поэтому их внимание было обращено к контексту действий людей, который необходимо точно, во всех подробностях изучать и, соответственно, «интерпретировать возможные варианты действий акторов вместо того, чтобы работать с большими объемами весьма приблизительной и потому небесспорной информации» [2. С. 183].

Применительно к правовой системе последователи микросоциологических подходов предложили обратить внимание на то, что она не только существует

в виде объективной структуры, состоящей из функциональных частей и внешней по отношению к индивидам, но и складывается в ходе взаимодействия между людьми, поведение которых связано с определенным субъективным смыслом [13. Р. 133—135]. В связи с этим сторонники символического интеракционизма «фокусировались на процессах интерпретации, определения, выбора» [24. Р. 168].

Рассматривая «неопределенность, контингентность и трансформацию» [2. С. 204] в качестве неотъемлемой части коллективной деятельности, они пришли к выводу, что правовые структуры становятся понятны лишь в результате исследований официальных и неформальных договоренностей между разными группами акторов. В работах представителей этнометодологии значительное внимание уделялось речевому взаимодействию участников судебного заседания. С этой целью анализировались выступления сторон судебного процесса и показания свидетелей. Результаты этнометодологических исследований показали, что смысл происходящего в ходе судебного процесса часто по-разному понимался профессиональными юристами и не имеющими юридического образования подсудимыми, свидетелями и зрителями [11. Р. 224].

В целом, несмотря на стремление посредством теоретической концептуализации практик и договоренностей преодолеть разрыв между микросферой акторов и макросферой организаций и обществ, в рамках данных направлений не уделялось внимание социальному и политическому контексту функционирования правовых институтов. Микросоциологические подходы оказались в большей степени релевантны для анализа взаимодействия представителей юридической профессии с носителями обыденного знания (присяжными и свидетелями), чем для понимания особенностей взаимодействия носителей разных форм профессионального знания. В последнем случае речь идет не о сопоставлении обыденного знания и юридического, а о столкновении разных типов профессионального дискурса.

Иной теоретико-методологический подход, который, тем не менее, можно назвать интеракционистским по духу, представлен в этнографическом описании работы судей, адвокатов и администраторов в Государственном Совете Франции, предложенном Б. Латуром в книге «Производство права: этнография Государственного Совета» [20]. Латур и сам признавал значительное влияние интеракционизма и этнометодологии на его представление об обществе как социальном процессе и объектах как результате дискуссий, переговоров и трансляций между акторами [10. Р. 183]. Хотя как антрополога Латура, видимо, «больше интересует обсуждение экзотических черт права и сопоставление судов и научных лабораторий, чем тщательное документирование юридической работы» [24. Р. 170], предпринятое им этнографическое исследование «во многом следует классическому интеракционистскому подходу, в рамках которого изучается совместная работа по производству юридически значимых результатов в ходе умышленно медленной деятельности разных комитетов, рассматривающих прецеденты и спорные вопросы права» [24. Р. 170]. При этом Латур, как и интеракционисты, проблематизирует саму возможность совместных действий акторов.

Эмпирический материал Латура ограничивается описанием деятельности Высшего административного суда Франции (Государственного Совета), в котором

рассматриваются иски граждан к государству и дается правовая оценка действиям государственных органов. Латур раскрывает функционирование данного института с точки зрения внешнего наблюдателя, стремясь объяснить «эзотерические» практики экспертов в области права, входящих в состав Государственного Совета.

Несмотря на то, что как эмпирическое исследование это не столько книга о праве вообще, сколько работа «об очень специфическом судебном и юридическом опыте» [12. Р. 509], Латур рассматривает свою работу как вклад в социально-правовую теорию. Он предлагает широкие обобщения относительно сущности права, которые выходят за рамки не только деятельности Государственного Совета, но и французской правовой системы в целом.

Латур убежден, что этнографическое описание позволяет раскрыть логику судебной практики, отличающуюся особой рациональностью. Такая внутренняя логика столь самодостаточна, что нет смысла пытаться ее контекстуализировать, учитывая возможные внешние воздействия. Латур отвергает апелляцию к каким-либо социальным факторам, влияющим на деятельность правовых институтов, и полностью абстрагируется от широкого социального и политического контекста, в котором функционирует Государственный Совет.

Латур признает сходство своего подхода с теорией Н. Лумана, в рамках которой право описывается как самореферентная система [20. Р. 263]. Однако существенным недостатком системной теории, который, видимо, стремится восполнить Латур, является то, что она «оторвана» от эмпирической реальности.

Описание юридических практик и дискурса в работе Латура призвано дополнить его раннее исследование науки и продемонстрировать возможности акторно-сетевой теории и недостатки иных социологических подходов. Латур продолжает свой проект, направленный на переопределение социальной науки в соответствии с принципами акторно-сетевой теории. Он утверждает, что невозможно понять право, следуя от норм к фактам и не принимая во внимание накопление разного рода документов и те трансформации, которые с ними происходят, т.е. следы, которое право оставляет за собой. Однако если в исследовании научной лаборатории, опираясь на принцип «генерализованной симметрии» [3. С. 164—170], Латур привлекает широкий круг внешних акторов, образующих сеть, частью которой выступает лаборатория, то в описании Государственного Совета он ограничивается его внутренней инфраструктурой и дискурсивными практиками. Высший административный суд Франции предстает как нечто самодостаточное, создающее собственную «социальность» посредством не только взаимодействия членов Совета, но и судебных дел, материальных объектов и процедур. Право, по Латуру, — черный ящик, содержимое которого доступно только юристам [20. Р. 255]. Следовательно, попытки критической социологии объяснить юридические практики с присущей им особой рациональностью как «социально сконструированные» и несущие отпечаток общественных сил, совершенно бесполезны и безрезультатны [20. Р. 90—93].

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С ПОЗИЦИЙ СТС

В последнее время в изучении особенностей репрезентации экспертного знания в судебной системе значительное влияние обрело такое направление, как исследования науки и технологий (СТС). «Хотя текущий академический статус СТС все еще обсуждается в различных научных и университетских кругах, но прогресс признания очевиден: в течение последних сорока лет у СТС появились свои собственные журналы, автономная профессиональная ассоциация, центры научных исследований и воспроизводства кадров в различных частях мира, свои академические награды, свои серии книг и свои критики» [8. С. 311]. Как междисциплинарная область исследований, тесно связанная с акторно-сетевой теорией, СТС стремится раскрыть взаимосвязи науки, технологий и общества, фокусируясь на переплетении социального и материального. Сторонники СТС вслед за Латуром рассматривают факты и артефакты в качестве социальных конструктов, в том числе и потому, что они могут оказывать определенное влияние на другие объекты. Экспертное заключение представляет собой пример переплетения материального и социального в процессе создания юридически значимых судебных доказательств. Социальная природа экспертных заключений проявляется в том, что они способствуют либо обвинению подозреваемых, либо признанию их невиновными, тем самым влияя на судьбы людей, вовлеченных в уголовное дело.

Согласно Латуру, передача фактов и артефактов из рук в руки сопровождается тем, что участвующие акторы «постоянно привносят что-то свое, изменяя аргумент, усиливая его и инкорпорируя его в новые контексты» [4. С. 172], т.е. по мере того, как объект передается, происходит его модификация. Именно данная проблема — выявление того, что происходит с экспертным знанием, когда оно передается от юристов-дознавателей к следователям, затем к прокурорам и, наконец, к судьям — пока остается малоизученной. Вместе с тем фундаментальная характеристика экспертных заключений — то, что они проводятся, чтобы получить ответы на вопросы, релевантные расследованию на досудебной или судебной стадиях судопроизводства. Кроме того, эти ответы должны быть выражены таким образом, чтобы их суть была понятна всем вовлеченным акторам — от дознавателя до судьи.

Концепт «юридическая цепочка», введенный Латуром, применяется для выявления специфики процесса производства, аккумуляции и дистрибуции судебных доказательств. Согласно Латуру, «подлинная сущность права может быть обнаружена в скрытой структуре юридических цепочек, которые являются невидимым проводником юридического обоснования» [20. Р. 142]. «Существуют только сети, которые соединяют одни юридические элементы с другими элементами и акторами» [10. Р. 182].

К. Крузе вводит в «юридическую цепочку» полицию, криминалистическую лабораторию, прокуратуру и суд и рассматривает экспертное заключение как вид доказательства, которое, несмотря на представление о нем как о чем-то самостоятельном, объективном и говорящем «само за себя», в действительности является

«неотъемлемой частью юридических, социальных и технологических практик» [19. Р. 3]. Крузе предлагает рассматривать судебные доказательства как специфическую форму знания, результат аккумуляции очень разных практик — юридических и неюридических — по созданию знания.

Крузе исследует взаимодополняющие и конкурентные эпистемические культуры, характерные для юристов и экспертов, чтобы проследить возникновение юридически значимого нарратива, эпистемических разногласий и управления неопределенностями как основных модальностей интерпретации судебных доказательств в ходе уголовного расследования и судебного процесса.

Под эпистемическими разногласиями она понимает несовпадение модусов знания и понимания специфики судебных доказательств профессиональными сообществами (юристами и судебными экспертами). Вслед за Латуром Крузе считает, что разногласия устраняются посредством перевода, т.е. интерпретаций, которые «„фактостроители“ дают собственным интересам и интересам людей, которых они вовлекают в конструирование факта» [4. С. 178]. Показывая, как судебные доказательства анализируются и становятся значимыми, Крузе утверждает, что доказательства возникают как познаваемый научный объект, хотя и связанный со многими неопределенностями. Это позволяет доказательству перемещаться с места преступления в лабораторию, затем к следователю, прокурору и, наконец, в суд.

В отличие от латуровского описания техники перевода, не предполагающего коннотации «возвратного действия или устойчивой реципрокной связи» [9. С. 54], Крузе рассматривает в качестве характеристики юридической цепочки «реверсное движение». На примере конкретных уголовных дел она демонстрирует, как меняется направление работы прокурора в зависимости от новых свидетельских показаний, поскольку они заставляют его вновь обращаться к судебно-медицинскому эксперту и проводить дополнительные исследования. Постепенно дело усложняется за счет новых свидетельских показаний или показаний подозреваемых, которые необходимо также проверять с помощью дополнительных экспертных исследований. Однако Крузе игнорирует постоянный характер взаимодействия юристов и судебных экспертов в качестве фактора, определяющего особенности производства и интерпретации юридически значимых судебных доказательств, поэтому вне ее поля зрения оказываются неформальные отношения между ними. Кроме того, в описании Крузе разногласия и профессиональные конфликты носят эпистемически обусловленный характер, т.е. не учитываются такие конституирующие взаимодействие юристов и экспертов характеристики, как асимметричность властных отношений, более слабые ресурсные позиции эксперта, обусловленные структурой взаимодействия, различающиеся интересы акторов внутри цепочки.

Частично восполнить выявленные лакуны позволяет концепт «рабочая группа», введенный Дж. Эйзенштейном и Г. Джейкоб [16] для раскрытия особенностей взаимодействия акторов, участвующих в судебном разбирательстве.

С позиций организационного подхода судопроизводство — результат коллективных усилий или взаимодействия акторов, представляющих разные организаци-

онные единицы. При этом важной характеристикой судебного разбирательства является постоянный поиск компромиссов и договоренностей между участниками, обладающими разными ресурсами. Авторы утверждают, что суд — это пространство, в котором формируется микроколлектив из судьи, персонала суда, прокурора, адвоката, а в некоторых случаях и подсудимого. Несмотря на различающиеся интересы, обусловленные позициями в юридическом пространстве, все участники объединены некоторым набором целей. Основной внешней целью выступает стремление сократить сроки рассмотрения дела, сохранив при этом баланс интересов. Главной внутренней целью является поддержание сплоченности «группы» и редуцирование неопределенности в процессе взаимодействия.

Состав «рабочей группы» не ограничивается лишь перечисленными акторами. Судебный эксперт также может быть включен в группу, особенно если речь идет об уголовном судопроизводстве, поскольку от того, какие выводы сделал эксперт, зависит, например, будут ли у следователя основания для возбуждения уголовного дела и какую меру наказания изберет судья, вынося приговор. В зависимости от этапа судопроизводства можно выделить не только судебные, но и досудебные «рабочие группы». Изучение досудебных «рабочих групп» позволяет понять, как появляются факты, впоследствии исследуемые в суде, и кто вовлечен в процесс их создания. Таким образом, необходимо расширить границы изучения экспертного знания в судопроизводстве и сфокусироваться на социокультурных практиках трансформации результатов экспертизы в доказательство, которое играет важную роль в определении виновности конкретного лица. Причем такая трансформация происходит не только в ходе судебного процесса, но и на досудебной стадии предварительного расследования. Иными словами, для лучшего понимания циркуляции экспертного знания необходимо выйти за пределы лаборатории и суда и обратиться к стадии предварительного расследования и характерным для него практикам «конструирования» и интерпретации доказательств. Фокусируясь на том, как представители разных профессиональных групп говорят об одних и тех же вещах, необходимо показать, как переговоры, компромиссы и столкновение позиций, мнений, оценок сопровождают производство и репрезентацию экспертных заключений.

КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЛЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИСТОВ И СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Теоретической рамкой, позволяющей оценить асимметричность властных отношений между судебными экспертами и юристами, выступает концепция юридического поля П. Бурдьё [1. С. 75—128], которая неизменно выступает как одно из ведущих направлений современной социологии права [14]. На данную концепцию нередко ориентируются исследования юридической профессии, в которых подчеркивается увеличение сложности юридического поля и сопутствующие этому изменения [17; 23]. В отечественной литературе концепция юридического поля, прежде всего, сопоставляется с другими теоретическими подходами в социологии права [5; 6]. Следует подчеркнуть, что для изучения взаимодействия

судебных экспертов и юристов подход Бурдые и концепция юридического поля до недавнего времени не использовались.

Бурдые подвергает критике два противоположных подхода к исследованию правовой сферы: формализм и инструментализм [1. С. 75—76]. Первый представлен главным образом в юридической литературе: с точки зрения формализма, право — это закрытая автономная система, обладающая собственной внутренней динамикой и полностью свободная от внешних воздействий. Такая позиция получила наиболее последовательное выражение в правовой теории позитивизма Г. Кельзена, но системную теорию Н. Лумана Бурдые также считает разновидностью формализма. В рамках инструменталистского подхода, характерного для последователей марксизма, право рассматривается как орудие господства правящего класса, хотя допускается относительная автономия правовых институтов.

Латур разделяет характерный для формализма взгляд на право как закрытую самодостаточную систему, не связанную с широким политическим, социальным или экономическим контекстом. Вводя в качестве «истинной» социальности микропрактики и сети, Латур лишает социальности структуры и силы макроуровня, тем самым игнорируя сложившуюся в современной социологии трактовку права не как отражения общества, а как «аспекта или сферы опыта внутри социального» [12. Р. 509].

Латур открыто противопоставляет свой подход критической теории в социологии права, а замечания Латура в адрес Бурдые [4. С. 64—65] свидетельствуют об отождествлении им позиции Бурдые с юридическим инструментализмом.

Подобная интерпретация, очевидно, является односторонней, поскольку Бурдые учитывает влияние двух факторов на функционирование юридического поля: отношений власти, определяющих структуру поля, и внутренней логики развития права.

Юридическое поле, согласно Бурдые, представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной компетентностью, т.е. общественно признанной способностью интерпретировать корпус текстов, санкционирующих легитимное видение социального мира [1. С. 78]. Эта концепция позволяет учитывать интересы действующих индивидов, а также стратегии и тактики, используемые ими в рамках юридического поля.

Бурдые подчеркивает, что формирование юридического поля с необходимостью предполагает установление границы между носителями юридического капитала и непрофессионалами. Последние могут выступать лишь клиентами специалистов, обладающих необходимой компетентностью, которая позволяет установить монополию профессионалов на производство и коммерциализацию той особой категории товаров, какой являются юридические услуги.

Однако Бурдые не рассматривает взаимодействие в рамках юридического поля разных групп профессионалов, являющихся носителями как юридического, так и научного капитала. Тем не менее, поскольку он неоднократно описывал процессы взаимодействия между различными полями, можно реконструировать его

подход к анализу взаимоотношений юридического поля и поля науки: юридическое поле и поле экспертизы как разновидность поля науки — два социальных универсума, автономных, относительно независимых и в то же время влияющих друг на друга. Их объединяет претензия на навязывание легитимного видения социального мира, а также то, что оба поля представляют собой место внутренней борьбы за навязывание господствующего принципа восприятия и деления. Юристы и судебные эксперты выполняют работу по экспликации неявных практических принципов наименования, их систематизации и приведению в порядок. Помимо этого они борются, каждый в своем пространстве, за навязывание этих принципов и за возможность признания их в качестве легитимных категорий конструирования социального мира.

В ходе предварительного расследования или во время судебных слушаний можно наблюдать юридическое поле и поле науки, но уже представленные конкретными лицами. В ходе судебного процесса юрист, занимающий определенную позицию в юридическом поле, говорит с судебным экспертом, занимающим определенную позицию в поле науки. В целом характеристики взаимодействия между конкретным следователем, адвокатом или судьей и судебным экспертом выражают структуру отношений между юридическим полем и полем науки. Например, статусная объективность, приписываемая следователю или судье, связана не с внутренними свойствами их личности, а с полем, частью которого они является. С определенной точки зрения это поле объективно символически доминирует над полем науки. В свою очередь, оба поля испытывают давление поля политики и экономического поля, о чем свидетельствуют, например, «политически ангажированные» судебные решения и «заказные» экспертные заключения.

Ставкой в борьбе внутри юридического поля является навязывание легитимного видения социального мира. Хотят они этого или нет, но эксперты вступают в эту борьбу, поскольку результаты экспертизы становятся ее инструментами. Например, если вместо того, чтобы рассматривать представленные материалы как объект научного исследования, эксперт занимает позицию в определении виновности или невиновности, считая, что представляет научное решение, то на деле участвует в разрешении юридического спора. Частично гетерономия экспертов обусловлена искушением быть арбитром в юридической борьбе, т.е. выступать в роли, которую ждут от них юристы. Эксперт, отвечающий на вопросы следователя или судьи так, как тот от него ждет, получает «патент» на научность и не может устоять перед соблазном этой роли.

С другой стороны, поле экспертизы, как любое другое поле, структурировано в соответствии с уровнем автономии вовлеченных в него институтов или агентов, а потому эпистемологический разрыв в основе своей является разрывом с социальным заказом и ожиданиями, окружающими некоторый набор проблем. Например, согласие на проведение экспертного заключения — серьезная и деликатная операция для потенциального судебного эксперта, но эта эпистемологическая процедура редко воспринимается таким образом.

Заказ экспертного исследования следователем, судом или процессуальной стороной заключает эксперта в некоторые рамки, которые можно назвать «жи-

данием предзаданных результатов». Не все эксперты и не всегда демонстрируют такой уровень профессионального сознания, который позволяет защищать свое знание предмета и собственную компетенцию как условия автономии. В зависимости от позиций внутри поля экспертизы судебные эксперты используют разнообразные тактики, чтобы преодолеть структурные ограничения деятельности, отстоять профессиональную позицию, сопротивляться постоянному давлению и попыткам переложить на них ответственность за решения, выходящие за пределы компетенции судебных экспертов.

Мы обратились к исследованию репрезентаций экспертного знания в юридическом поле для выявления особенностей взаимодействия носителей разных типов профессионального знания в ходе судопроизводства [7]. Вместе с тем существует необходимость проведения эмпирических исследований, сфокусированных не только на микроуровне складывающихся отношений, но и на сложной взаимопереплетенности диспозиций действий акторов и позиций, т.е. тех точек объективного социального пространства, в которых они находятся. Как эксперты выполняют свою социальную роль, что помогает им поддерживать свой авторитет, каким образом их заявления интерпретируются и используются теми, кто пригласил экспертов? Как представления экспертов и иных участников о судебной системе и ее функционировании воздействуют на их поведение и взаимодействие? Посредством чего достигаются договоренности, которые становятся значимыми моментами в формировании микроколлективов на этапе предварительного расследования и в ходе судебного процесса? Ответы на поставленные вопросы позволят раскрыть асимметричность властных отношений внутри юридического поля и тактики, используемые судебными экспертами для преодоления символического доминирования юридического поля над полем экспертизы.

Таким образом, акторно-сетевая теория Б. Латура и концепция юридического поля П. Бурдьё релевантны задаче социологической концептуализации взаимодействия юристов и судебных экспертов. Принцип «генерализованной симметрии», на который Латур опирался при изучении научных лабораторий, обладает объяснительным потенциалом и для исследований правовой сферы.

Однако антропологический этнографизм, примененный в отношении Государственного Совета Франции, имеет ограничения, связанные с отказом от использования преимуществ разработанного в рамках акторно-сетевой теории и апробированного ранее подхода. Латур игнорирует роль и значение внешних факторов, воздействующих на функционирование правовых институтов, и не прослеживает сложные траектории складывающихся и поддерживаемых сетей внутри Совета и за его пределами. Вероятно, контраст в описании деятельности научных лабораторий и Государственного Совета обусловлен знанием «изнутри» научной сферы и «увлечением» роли постороннего наблюдателя по отношению к правовой сфере. В итоге Латур воспроизводит одномерные представления о сущности права и «особой социальности» правовых институтов, которые даже в юридическом сообществе (особенно в его академическом сегменте) нередко проблематизируются.

Последователи Латура, обращавшиеся к изучению деятельности судебных экспертов, также оказались под влиянием установки на игнорирование асимметричности властных отношений в ходе взаимодействия с акторами юридического поля. В стремлении раскрыть внутренние механизмы производства научных фактов последователи СТС способствуют делегитимации результатов научных исследований, представляемых в том числе в экспертных заключениях. В результате фигура эксперта оказывается основным объектом критики сторонников данного направления. В то же время они идеализируют судебную систему, не используют накопленный ими методологический инструментарий для ее критического анализа и полностью отвергают критическую традицию в исследованиях права, прежде всего концепцию юридического поля Бурдьё.

Однако именно данная концепция преодолевает односторонность подхода акторно-сетевой теории, поскольку, учитывая внутреннюю логику развития права, выявляет асимметричность властных отношений внутри юридического поля, конкуренцию между носителями разных видов юридического капитала, обладающими собственными интересами и ресурсами, а также влияние на юридическое поле других полей. Концепция Бурдьё релевантна для исследований правовой сферы в российском контексте, где особенно очевиден фактор символического доминирования поля политики по отношению к юридическому полю. Бурдьё не исследовал взаимодействие юристов и судебных экспертов, но его подход к данной проблеме может быть реконструирован.

Кроме того, несмотря на крайне негативное отношение Латура к концепции Бурдьё, между их подходами нет непреодолимых противоречий — они могут рассматриваться как взаимодополняющие в эмпирическом исследовании взаимодействия носителей разных типов профессионального знания в процессе судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
- [2] *Йоас Х., Кнебель В.* Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб.: Алетейя, 2013.
- [3] *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006.
- [4] *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2015.
- [5] *Масловская Е.В.* Национальные школы современной социологии права // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 3. С. 52—64.
- [6] *Масловская Е.В., Масловский М.В.* Концепция юридического поля и современная социология права // Социология власти. 2015. № 2. С. 48—65.
- [7] *Масловская Е.В.* Особенности взаимодействия экспертов со следственными и судебными органами (на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности) // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 4. С. 148—153.
- [8] Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / Под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамова, И.В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015.
- [9] *Хархордин О.* Предисловие редактора // Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006. С. 5—56.

- [10] *Audren F., De Bellaing C.* Bruno Latour's legal anthropology // *Law and Social Theory* / Ed. by R. Banakar, M. Travers. Oxford: Hart Publishing, 2013. P. 181—194.
- [11] *Cotterrell R.* *The Sociology of Law: An Introduction*. London: Butterworths, 1992.
- [12] *Cotterrell R.* Ant's eye-view of law // *Journal of Classical Sociology*. 2011. Vol. 11. No. 4. P. 506—510.
- [13] *Deflem M.* *Sociology of Law: Visions of a Scholarly Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- [14] *Dezalay Y., Madsen M.* The force of law and lawyers: Pierre Bourdieu and reflexive sociology of law // *Annual Review of Law and Social Science*. 2012. Vol. 8. P. 433—452.
- [15] *Edmond H.* Judicial representations of scientific evidence // *Modern Law Review*. 2000. Vol. 63. No. 2. P. 216—251.
- [16] *Eisenstein J., Jacob H.* *Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court*. Boston: Little, Brown and Co., 1977.
- [17] *Francis A.* *At the Edge of Law: Emergent and Divergent Models of Legal Professionalism*. Farnham: Ashgate, 2011.
- [18] *Krieken R.* Law's autonomy in action: Anthropology and history in court // *Social and Legal Studies*. 2006. Vol. 15. No. 4. P. 574—590.
- [19] *Kruse C.* *The Social Life of Forensic Evidence*. Berkeley: University of California Press, 2016.
- [20] *Latour B.* *The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'État*. Cambridge: Polity, 2010.
- [21] *Nance D.* Reliability and the admissibility of experts // *Seton Hall Law Review*. 2003. Vol. 34. P. 191—254.
- [22] *Saks M., Faigman D.* Expert evidence after Daubert // *Annual Review of Law and Social Science*. 2005. Vol. 1. P. 105—130.
- [23] *Sommerlad H.* Researching and theorizing the processes of professional identity formation // *Journal of Law and Society*. 2007. Vol. 34. No. 2. P. 190—217.
- [24] *Travers M.* Interpretive sociologists and law // *Law and Social Theory* / Ed. by R. Banakar, M. Travers. Oxford: Hart Publishing, 2013. P. 165—180.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-404-417

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF INTERACTION OF JURISTS AND FORENSIC EXPERTS: THEORETICAL-METHODOLOGICAL APPROACHES*

E.V. Maslovskaya

Sociological Institute

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

7 Krasnoarmeiskaya St., 24/15, Saint Petersburg, 190005, Russia

(e-mail: ev_maslovskaya@mail.ru)

Abstract. The article considers the current discussion on the possibilities and limitations of different theoretical-methodological approaches to the study of the representation of expert knowledge in court proceedings, and on the peculiarities of interaction of forensic experts and jurists. The author emphasizes contribution and methodological limitations of the interpretative traditions and focuses on the potential of the actor-network theory for the study of interaction of forensic experts and jurists, such as implementation of Bruno Latour's principle of "generalized symmetry" and the concept "juridical chain" for the analysis of the legal sphere. The author believes that Latour's exclusive attention to the "specific rationality"

* © E.V. Maslovskaya, 2018.

of judicial practice prevented him from revealing complex trajectories of networks both within and outside the particular legal institution that he studied. The article claims that representatives of science and technology studies contribute to de-legitimization of the results of scientific research represented in forensic expert reports for this approach ignores the asymmetry of power relations between experts and jurists. Pierre Bourdieu's theory of the juridical field allows to overcome the one-sidedness of the actor-network theory for it considers the inner logic of the juridical field development, reveals the asymmetry of power relations within it, competition between bearers of different forms of juridical capital with specific interests and resources, and the influence of other fields on the juridical field. The author believes that the most promising perspective is the combination of actor-network theory, its interpretations in science and technology studies and Bourdieu's theory of the juridical field, which would allow to analyze not only the inner logic of circulation of expert knowledge but also the external context of its production and transformations within the juridical field.

Key words: sociological theories; sociology of law; Bruno Latour; Pierre Bourdieu; legal proceedings; juridical profession; expert knowledge; juridical field

REFERENCES

- [1] Bourdieu P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Saint Petersburg: Aleteya; 2005 (In Russ.).
- [2] Joas H., Knoebl W. *Sotsialnaya teoriya. Dvadsat vvodnykh lektzii* [Social Theory. Twenty Introductory Lectures]. Saint Petersburg: Aleteya; 2013 (In Russ.).
- [3] Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We Have Never Been Modern. An Essay on Symmetrical Anthropology]. Saint Petersburg: EUSPb; 2006 (In Russ.).
- [4] Latour B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i ingenerami vnutri obschestva* [Science in Action: Following Scientists and Engineers inside Society]. Saint Petersburg: EUSPb; 2015 (In Russ.).
- [5] Maslovskaya E. Natsionalnye shkoly sovremennoi sotsiologii prava [National schools of contemporary sociology of law]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoi Antropologii*. 2007; 3: 52—64 (In Russ.).
- [6] Maslovskaya E., Maslovskiy M. Kontsepsiya yuridicheskogo polya i sovremennaya sotsiologiya prava [The concept of juridical field and contemporary sociology of law]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2015; 2: 48—65 (In Russ.).
- [7] Maslovskaya E. Osobennosti vzaimodeistviya ekspertov so sledstvennymi i sudebnymi organami (na primere sudebno-meditsinskih ekspertov i ekspertov v oblasti otsenочноi deyatel'nosti) [The peculiarities of interaction of experts with investigative and judicial bodies (on the example of forensic experts and assessors)]. *Rossiiskii Zhurnal Pravovykh Issledovaniy*. 2016; 4: 148—153 (In Russ.).
- [8] *Obydennoe i nauchnoe znanie ob obschestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii* [Ordinary and scientific social knowledge: Interconnections and reconfigurations]. Ed. by I. Deviatko, R. Abramov, I. Katerny. Moscow: Progress-Tradition; 2015 (In Russ.).
- [9] Kharkhordin O. Predislovie redaktora [Editor's introduction]. Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii*. Saint Petersburg: EUSPb; 2006. Pp. 5—56 (In Russ.).
- [10] Audren F., De Bellaing C. Bruno Latour's legal anthropology. *Law and Social Theory*. Ed. by R. Banakar, M. Travers. Oxford: Hart Publishing; 2013. Pp. 181—194.
- [11] Cotterrell R. *The Sociology of Law: An Introduction*. London: Butterworths; 1992.
- [12] Cotterrell R. Ant's eye-view of law. *Journal of Classical Sociology*. 2011; 11: 506—510.
- [13] Deflem M. *Sociology of Law: Visions of a Scholarly Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008.
- [14] Dezalay Y., Madsen M. The force of law and lawyers: Pierre Bourdieu and reflexive sociology of law. *The Annual Review of Law and Social Science*. 2012; 8: 433—452.

- [15] Edmond H. Judicial representations of scientific evidence. *Modern Law Review*. 2000; 63: 216—251.
- [16] Eisenstein J., Jacob H. *Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court*. Boston: Little, Brown and Co.; 1977.
- [17] Francis A. *At the Edge of Law: Emergent and Divergent Models of Legal Professionalism*. Farnham: Ashgate; 2011.
- [18] Krieken R. Law's autonomy in action: Anthropology and history in court. *Social and Legal Studies*. 2006; 15: 574—590.
- [19] Kruse C. *The Social Life of Forensic Evidence*. Berkeley: University of California Press; 2016.
- [20] Latour B. *The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'État*. Cambridge: Polity; 2010.
- [21] Nance D. Reliability and the admissibility of experts. *Seton Hall Law Review*. 2003; 34: 191—254.
- [22] Saks M., Faigman D. Expert evidence after Daubert. *Annual Review of Law and Social Science*. 2005; 1: 105—130.
- [23] Sommerlad H. Researching and theorizing the processes of professional identity formation. *Journal of Law and Society*. 2007; 34: 190—217.
- [24] Travers M. Interpretive sociologists and law. *Law and Social Theory*. Ed. by R. Banakar, M. Travers. Oxford: Hart Publishing; 2013. Pp. 165—180.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-418-430

INDIVIDUAL PROFESSIONALIZATION IN INFORMATION SOCIETY: CHALLENGES AND PROSPECTS*

V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Moscow Aviation Institute

Volokolamskoe Shosse, 4, Moscow, 125993, Russia

(e-mail: tsvyk_va@rudn.university; tsvykirina@mail.ru)

Abstract. The article considers individual professionalization in information society, reveals the essence of professionalization, identifies its stages, analyzes its features under the informatization of education process and professional activities. Professionalization is defined as a process of professional growth and professional training, i.e. professional self-realization is a form of self-actualization. Under the computerization of social-cultural reality, which is typical for information society, we witness informatization of all forms of professional development and a wide introduction of information technologies into individual professionalization. Globalization of informatization processes determined changes not only in the content of our knowledge about the world, but also in the ways we acquire, reproduce and transfer knowledge, which eventually had a significant impact on the structures of personality. New information technologies changed our ways of thinking and communication, perception of others and self-concept. Computer technologies reveal unprecedented opportunities for education and professional development. However, like any other technical achievement, computer technologies have negative consequences including those in the field of vocational education — the most important stage of professionalization. In the cognitive-mental aspect, these are non-linear, associative, mosaic thinking, an overabundance of information, and weakening of creativity. In the humanitarian aspect, information technologies mechanize and standardize educational activities, impersonate learning process, and weaken the humanitarian aspects of education in general. Thus, global and thoughtless introduction of information technologies into professional development can lead to many problems and eventually to a serious impoverishment of professionalism turning it from a complex creative process of professional development into a primitive, though high-speed, transfer of wealth of information, into 'operationalism' instead of professionalism.

Key words: professionalization; professional activities; professionalism; professional education; information society; information technologies; computer technologies; reprofessionalization

In recent decades, social development is characterized by the rapid penetration of new information and communication technologies into all spheres of life. These changes determined the formation of a new type of society — information society, in which

* © V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk, 2018.

computerization significantly affects learning processes, formulation and solution of scientific problems, research in the field of thinking and cognition processes. Information technologies have become a powerful transformer of economic, social and other activities. Computerization and informatization vary by countries and regions, but generally develop in the way that allows to summarize some results and make some forecasts. Thus, computerization of all spheres of human activities is both the most important social task and an imperative of social development that determines humanistic transformations and economic development, which can guarantee a dignified life for all people.

In the contemporary society, informatization becomes global. Many features of the global information society are increasingly evident in Russia for informatization in our country reached a qualitatively new level. Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation (2008) was implemented as one of the priority national projects for the further development of the country [17. P. 265]. The State Program “Information Society for 2011—2020” is now implemented [9. P. 91], i.e. informatization of society is considered by the state as a necessary and vital condition for the development of economy, science, education, culture, and national security.

In its transformative effect, the combined impact of information technologies, the Internet and e-commerce is comparable to the changes under the industrial revolution. ‘Digital revolution changes the global economic, social and educational landscape, creates a new economic sector, transforms organizational structures, changes values of labor and everyday life, makes intellectual capital the main factor of the further scientific-technological progress. Informatics, computers, and automated systems determine key directions of development and efficiency of production and technologies, design and research. Computers significantly transform the content and nature of work and learning, reformulate the issues of development of our intellect and personality, significantly change our worldview [19. P. 125]. Analysis of social, intellectual and cultural consequences of mass introduction of information technologies into our life is the most important task for science [16. P. 232—234]. Under the overall computerization of social-cultural reality, informatization of all forms of professionalization and personal development become closely interrelated.

INDIVIDUAL PROFESSIONALIZATION: CONCEPT, ESSENCE, MAIN STAGES

The term ‘professionalization’ is often used in research publications on professions and professional activities. In sociology, there two interpretations of the term: professionalization of social groups and individual professionalization. *Professionalization of social groups* means development of ‘classic’ and ‘secondary’ professions (including formation of professional associations, allocation of specific areas of knowledge, creation of organizational structures within which professional activities take place), a group ascending mobility, features of professional groups [6].

There are differing international and Russian traditions of studying professionalization of social groups. In the Anglo-Saxon (Anglo-American and continental) [1] tradition, there are many approaches, such as functionalist, neo-Marxist and neo-Weberian

approaches [12. P. 37—42]. Within the neo-Weberian approach, which many Russian authors consider ‘the orthodoxy of the western sociology of professions’, traditional professions are defined as groups of interests that managed to take a monopoly position in the market of health services, legal services, education and science [12. P. 41]. Thus, professionalization of traditional occupations allowed their representatives to largely escape from the control of the developing nation state, organized capital and managers. “Professionalization is an attempt to translate the rare resources of professional groups of the same order — specialized knowledge and skills — into resources of a different order — socio-economic rewards. Preservation of rare resources implies the desire for a monopoly: the monopoly of expert knowledge in the labor market and the monopoly of status in the stratification system” [10. P. 66].

Professionalization as formation and development of professional groups is considered in the western sociology of professions as a historical process. D. McClelland introduced terms that reveal the historical features of professionalization: (1) “professionalization from within” — refers to the success of the group in terms of active self-use of market opportunities for upward mobility; and (2) “professionalization from above” — when external factors determine the group status [13]. In both cases, the groups rely on professional ideology aimed at acquiring social authority and control [4]. When a professional group rely on the ideology ‘from within’ it usually can self-regulate its activities. “Professionalization from above’ is different: the result is usually not the control of work situations, but managerial power. Within both types of professionalization, the group can seek political goals such as redefining the relationship between professionals, consumers, and the state.

Western theories of professions and professionalization of social groups have been studied by the Russian sociologists [2; 6; 11; 12; 15] focusing on a wide range of professional groups, such as doctors, lawyers, managers, business elites, social workers, etc. However, in Russian sociology professionalization is usually defined as an individual professionalization, i.e. professional growth of an individual, so professional self-realization is a form of self-actualization. Professionalization is often defined as a special professional training, i.e. professional education. Individual professionalization in a broad sense is a necessary part of socialization. Despite the importance of the psychological aspect, individual professionalization is mainly a social process and an integral part of socialization. The social nature of professionalization is determined by the social meaning of professional activities due to the social division of labor and its institutional nature. Individual professionalization in the narrow sense is professional socialization of the individual, i.e. internalization of professional norms, values, knowledge, getting skills necessary for successful professional activity, and a ‘professional worldview’. Professional socialization is a process through which a person learns certain professional values, internalize them, and acquires professional consciousness and culture necessary for professional activities.

Individual professionalization is a multilevel and multistage phenomenon. Primary professionalization turns a man into a specialist through acquisition of professional skills necessary for successful professional activities. By its nature, primary professionalization is directly related to vocational education aimed at formation of a specialist,

therefore it can be defined as specialization. Thus, the indicator of the successful primary professionalization is finishing vocational training with professional qualifications, which makes an individual a subject of professional activities and professional relations, provides him with a professional status and an opportunity for active and functional participation in social processes.

Secondary professionalization aims at transformation of a specialist into a professional, i.e. psychological, social and ideological development, acquisition of professional skill, a creative approach to professional activities and a professional worldview with relevant moral components. Secondary professionalization means development of a professional in the course of working activities by getting professional experience and a broad approach to solving professional problems.

Thus, on the one hand, professionalization reaches a certain degree of completeness when the individual is professionally mature (high professional skills and status); on the other hand, professionalization continues throughout the life of a person for improvement of professional skills and development of professionalism are not limited. Individual professionalization is a continuous process if it takes place within one type of professional activities. However, contemporary information society is a mobile and dynamic system. Intensification of production due to computerization and introduction of new technologies lead to changes in professional functions, integration of certain types of labor and their mutual enrichment, emergence of new professions and disappearance of old ones. Differentiation of professional activities are so intense that they require changes in professional values: poly-professionalism replaces mono-professionalism [18]. The professional world needs professionally mobile specialists capable of successful and effective adaptation to the changing social-economic conditions to plan and organize their own professional lives.

This problem is urgent in information society today for the dynamics of its professional structure makes people change their professions during their working life. Reprofessionalization is a long and complex process of transition from one profession to another based on the already acquired professional and personal qualities. This process involves choosing a new profession, mastering it, developing a strategy for new professional activities and implementing it based on the personal experience, knowledge, skills, education, personal and professional needs. Reprofessionalization depends on the objective contradiction between the professional potential of the employee and the requirements of the labor market. The subjective reason for reprofessionalization is dissatisfaction with the profession, and inability to realize one's potential. Reprofessionalization is the result of changes in the profession demanding new professional knowledge, skills and habits and a change in attitudes to previously learned professional norms and values. However, reprofessionalization is not limited to professional retraining, it is much more complicated and involves changes in the professional identification, which usually involves certain psychological difficulties.

Changing one's profession and subsequent reprofessionalization involve mastering a new profession and a change in the professional status, which often has negative psychological and social consequences. Psychologists say that reprofessionalization is often painful, and the change of profession is often regarded as an indicator of

professional incompetence. Thus, the success of reprofessionalization depends on one's psychological state, i.e. on understanding one's needs and readiness to realize one's potential in a new professional sphere. Individual perception of the change in profession and reprofessionalization also depends on the public opinion and traditions. Monoprofessionalism as a socially approved orientation that developed in the industrial era, when professionalism presupposed a narrow specialization within a single profession. Information society defines professionalism differently and includes in its definition ability to professional mobility and professional dynamics in accordance with changing social needs. At the same time, one of the social requirements for professionals is a broad field of professional activities, and ability to realize one's creative potential in the related professional fields.

Under such polyprofessionalism, the change of profession and reprofessionalization is not considered an exceptional phenomenon, but rather as a direction of secondary professionalization. According to its social nature, individual professionalization takes place within certain social structures and institutions. Social agents of professionalization are the family, educational institutions, social organizations, labor collectives and the state.

PRIMARY PROFESSIONALIZATION: ESSENCE AND BASIC AGENTS

Primary professionalization begins in childhood, during pre-school and school activities. It consists of accepting universal social and professional values, such as the prestige of a particular profession, and its social significance. Many authors emphasized that already in childhood it is necessary to reveal abilities of the individual and develop initial professional orientation, which will contribute to the successful professional future. In the preschool period, the main agent of professionalization is one's family for it ensures internalization of primary professional norms and values mainly through training. The role of the family, in particular, the nature of the relationship between children and parents in professional self-identification was studied by many researchers. A. Roe argues that individual needs are determined mainly by the atmosphere of the parental home and parents' upbringing style that shape future professional orientations, interests, inclinations and abilities of the child [14].

The role of family in professionalization is unique due to the specific functions of the family as a social institution and a small group. Today the family is a social group with different age, sex and professional subsystems. The family ensures the initial introduction of universal and professional values and forms of their implementation. Moreover, the initial professionalization in the family sometimes takes place without any purposeful influence of parents, just by the child's perception of family everyday norms and values. Such a direct assimilation of professional norms and values in the family sometimes leads to the formation of professional dynasties, when several generations of the family deliberately choose a profession/business of the parents.

Not only relations between parents and children are important, but also professional ties of the family with the social world. The professional status of parents and their

professional communication influence the child's perception of one's home, which often includes not only parents and other close relatives, but also a broader social environment of parents' colleagues and friends. This social environment influences individual professionalization. However, professional education in the family is not yet a common norm. Many parents believe that professional self-identification should be formed by school and other educational institutions. At the same time, many families try to influence their children professional preferences. Some parents in the very early age of their children try to identify their natural inclinations and abilities to direct them to a specific profession. Certainly, such a desire is justified, but the child should not become a hostage to parental ambitions and ideas of a 'better future'. Family is important in the professional development but rather as a social institution that shapes personality, determines internal orientations and lays the foundations of the worldview.

School period is also important for individual professionalization for a person not only receives the systematized and generalized knowledge, but also acquires communicative skills, and, most importantly, the ability to work. Various subjects in the school make a significant contribution to the future professional activities of the child. Professional orientation as a complex of psychological, pedagogical and other measures aimed at optimizing the process of employment of young people in accordance with their desires, inclinations, abilities, and social needs, is an important task of high and specialized schools. The teachers should strive, among other things, to form professional self-awareness of students. Professionalization at school can be considered successful if by the time of graduation students understand the relationship between schooling and further professional activities.

Education in comprehensive schools assumes a broad professional orientation of students. The curriculum should combine natural sciences with social sciences and humanities to develop the personal worldview. Teachers of general subjects, including teachers for labor training and physical activities should involve students in public and production activities to develop certain professionally significant qualities, communication skills and moral principles. The specialized schools often focus on the narrow professional direction or a specific profession emphasizing the importance of relevant courses. Recently, the Russian society has accepted the role of schools in individual professionalization such as the development of professional consciousness, which led to the profiling high school, introduction of specialized classes with focus on the subjects necessary for further professional training. All these changes are significant and positive for strengthening the role of the school in professionalization.

The core of primary professionalization and its key stage is professional training at university and other educational institutions. The main goal of vocational training is acquisition of certain knowledge, skills and abilities necessary for the successful implementation of a specific type of professional activities. However, receiving the specialty is not the only goal of this stage of professionalization for the university courses are to develop a system of social and professional qualities, ideas and attitudes of future specialists, professional interests together with universal moral values. The main form of professionalization at the university is professional education as mastering of

professional experience and skills for a specific type of professional work. However, the content of professional education is not limited to such tasks for a specialist with certain professional qualifications will become a professional only if he acquires qualities and attitudes to solve the task of transition to an active, independent, creative and a responsible profession.

The individual must acquire not only knowledge and skills but also master the cultural heritage of society as elements of one's worldview. Thus, vocational education has the following objectives:

1. Ensuring conditions for mastering professional activities. Vocational training has two main functions: a) it is a means of self-realization in the profession; b) it is a means of ensuring the stability of professional career in market economy.

2. Training of active members of society for creative participation in production and responsibility for the results of the work, environment, etc.

3. Teaching methods of continuous self-education to stay competitive in the labor market and realize all individual abilities.

The system of professional education today must solve a two-fold problem: first, to fulfill the social order — to train specialists needed to meet the social needs in labor and professional resources; second, to focus on the professional, moral and spiritual development of the person [21. P. 168]. Harmonization of these two tasks and their successful solution by every vocational institution is a social condition for the development of professionalism. Another prerequisite for the transformation of educational process into a professionalization factor is implementation of the person-centered approach to learning, strengthening interests of students in obtaining professional knowledge and skills, in moral and humanistic development. Despite the widespread introduction of computer technologies into the educational process, in the university professionalization a special role belongs to the teacher.

FEATURES OF PRIMARY PROFESSIONALIZATION IN INFORMATION SOCIETY: COMPUTER TECHNOLOGIES IN EDUCATION

Under computerization of social-cultural reality in information society, informatization of all forms of professionalization and the wide introduction of computer technologies became features of educational processes. Contemporary social reality is based on information and knowledge and requires a person with the skills to learn new knowledge and creatively use it to solve complex problems. Competently organized educational process with the innovative technologies allows to form necessary skills and abilities contributing to the development of such important professional qualities as intuition, flexibility, creativity, and analytical thinking. Therefore, the use of computer and information technologies should become a priority tasks of the educational policy of our society and the state. A fundamentally new quality has been acquired by education with the spread of computer networks, which has radically changed the way information is received — today it is the Internet with the access to global information resources (electronic libraries, databases, etc.).

In the network, other common means of communication are available to the user including e-mail, mailing lists, newsgroups, and chats. Special programs for real-time communication have been developed, which allows to send texts, sounds, images and any files. These programs allow to organize the work of remote users with the program on the local computer. To provide effective information exchange in telecommunication networks, there are automated search tools that collect data from the global computer network and provide users with quick engines to search the World Wide Web, multimedia files and software.

Computer technologies in education allow to solve important didactic tasks. First, it is the organization of the educational process, acceleration and intensification of learning, ensuring its flexibility and individual approach. In addition, computer technologies can significantly improve the productivity of self-training, ensure the development of their personal research activities and increase their independence in learning. Network tools provide wide access to educational and scientific information, consulting assistance, model research activities and virtual training sessions (seminars, lectures) in the real time mode. Powerful technologies allow to store and exchange study materials in electronic publications both distributed in computer networks and recorded on electronic media. The technologies allow to adapt existing courses to individual needs, provide opportunities for self-learning and self-examination. Unlike traditional books, electronic publications allow to submit material in a graphic form [7].

Introduction of computer technologies determined a qualitatively new educational environment as a basis for the development and modernization of the educational system. At every stage of cognitive activity, scientific research and in all branches of knowledge computer technologies became both tools and objects of the study. Thus, innovations in computer technologies lead to revolutionary developments in education by the rapid accumulation of intellectual potential, which guarantees the sustainable social development. The computer revolution significantly changes the traditional methods of learning gradually displacing the teacher from the educational process. The computer introduces fundamentally new moral and educational-methodological rules making some routine functions of the teacher unnecessary (especially verbal methods of teaching). This changes the very meaning of the term ‘pedagogical impact’ by reducing its external part (the teacher’s impact) and strengthening the role of the individual activities (self-education, independent search for the most acceptable computer solutions, self-control, etc.) [21. P. 112].

However, it is completely wrong to consider the current transition of education to the electronic digital methods in purely romantic colors. The global nature of computerization has led to many social and moral problems that affect education and lead to new negative collisions. Computerization affects economic and psychological orientation of the man in the world, forms a completely new ethical situation in the society, changes the behavior of people and not only for the better. Transformation of computer technologies into an integral part of education determined some new moral problems. The global introduction of computer technologies into education and especially

the desire to replace traditional educational technologies create many problems and lead to the serious impoverishment of education, which can turn the most complicated creative process of personal development into a primitive accumulation of disparate data.

Among negative consequences of the use of computer technologies in all forms of education one can name its negative impact on the health of both teachers and students. Many hours of work with computers, printers, e-mails, etc. is dangerous for health. Those who often deal with computer processing of information have the so-called 'information fatigue syndrome' — lose the ability to adequately perceive information and make right decisions on its basis. However, the most dangerous consequence of computerization of education can be the reduction of live communication of the participants in the educational process for such communication is essential for speech abilities and independent creative thinking development. Without dialogues of the teacher with the student and between students it is impossible to develop abilities to correctly and accurately formulate one's thoughts in the professional terms. 'Dialogue with a computer' is a surrogate for live human communication that cannot replace it. By minimizing the live direct contact of the teacher and students, replacing their communication in the traditional forms of teaching, such as lectures, seminars, and consultations, by various 'advanced' educational technologies (computer programs, audio and video courses, etc.) we risk to lose the chance to develop creative thinking as based on dialogue [20. P. 386].

Thus, like any technical achievement, computer technologies have negative consequences including those in the field of professionalization. In the cognitive-mental aspect, it is the formation of non-linear, associative, mosaic thinking, an overabundance of information, weakening of creative thinking. In the humanitarian aspect, information technologies mechanize and standardize educational activities, impersonate learning, weaken the humanitarian aspects of education in general and produce a 'partial' personality.

SECONDARY PROFESSIONALIZATION UNDER INFORMATIZATION OF PROFESSIONAL ACTIVITIES

Graduation from the vocational school is the final step of primary professionalization and the starting point for entering the world of professional relations. Secondary professionalization is based on the professional activities of the individual, continuous self-development, accumulation of professional experience, and adoption of professional ethics standards. The transformation of a specialist into a professional demands the professional work, which is possible only if during primary professionalization the person not only received appropriate professional training, but also developed a humanistic worldview, an active and creative personality. The psychological factor of professionalism is one's orientation to perfection and creativity, and the social factor is adoption of a wide range of norms, values and orientations, both professional and universal.

The specificity of secondary professionalization consists in that, first, it is not formalized and not limited by time or organizational framework (the only formal aspects of secondary professionalization are various forms of training, certification,

etc.); second, the main form of secondary professionalization is professional self-education, and its key social agent is the subject of professional activities, while other agents are labor collectives of business organizations. Professional activities of subjects take place mainly in business organizations, which also perform the function of socialization with information, educational and professional components. Labor collectives usually do not teach a profession though such an option is possible if the vocational education does not provide necessary professional skills. The role of labor collectives in the professional development is significant for they create a professional environment that determines the professional morals of all members of the collective. The moral and psychological climate in the organization significantly affects one's creative activity and aspirations for the professional growth. However, the organization of professional work in information society undergoes significant changes, such as transformations of the traditional concept 'work' as including direct interpersonal communication with colleagues. Today a specialist communicates with a computer terminal at home, does not appreciate the direct communication with colleagues, thus, does not feel pride in the final product and loses skills of team work [18].

Despite some influence of the professional environment on the individual professional development, at this stage professionalization implies mainly self-education and self-improvement. The success of professional self-education depends mainly on one's striving for excellence, desire to reach the professional heights, general humanistic orientation, and ability to develop a broad and profound vision of professional and social problems. Thus, the formation of the professional in the course of secondary professionalization depends not only on professional knowledge and skills, but also on spiritual, moral and ideological foundations laid by primary professionalization.

A special role is played by the spiritual and moral foundations and the broad social and humanitarian views in the professional realization in information society. 'Digital revolution' forms a new class of specialists with high global mobility. Until recently, the Russian state employment policy guaranteed every citizen a lifetime occupation; today the situation has changed dramatically and made unemployment and the need to change profession quite widespread. The labor market puts one in the situation when he is forced to begin his professional development anew, i.e. not due to one's psychological capabilities or desires but under the restrictions imposed of the labor market [8. P. 12]. However, a radical change of profession in adulthood does not mean impossibility to master it provided that there are ideological and moral grounds for the professional development. Successful reprofessionalization is facilitated by the appropriate state policy, development of professional counseling and employment services, i.e. infrastructure for providing educational services for the unemployed or those wishing to get a new profession.

Computer technologies in education created unprecedented opportunities for secondary professionalization and reprofessionalization. Learning in the distant form that previously faced numerous problems due to the lack of communication of the teacher with the student, poor control of the learning process, etc. has received a new impetus

to develop as a distant education available to everyone with computer skills. Distant learning was made possible by the Internet and computer technologies, it consists of exchange of educational information with the help of electronic and computer devices, thus, significantly expanding opportunities for the high-quality vocational education [21. P. 143]. Computer technologies provide students with information via electronic educational resources; ensure interactive interaction of students and teachers, for example, during on-line discussions, round tables and seminars; provide a quick assessment of one's achievements and skills during training. For the integral part of distant learning is self-learning with the help of computer technologies, a student can study using not only prints, but also videotapes, electronic textbooks having access to electronic libraries and databases containing a huge amount of diverse information.

Professionalization has a diverse and multilevel impact on the social-cultural dynamics. Professional self-realization demands active labor activity, in which the choice of profession and 'life in the profession' acquires special significance in determining individual interests, orientations and lifestyle. Professionalization in the Russian society leads to the growth of the impact of professionalism as an important criterion of social stratification, a factor of social mobility and social-cultural dynamics. Today, in information society, computerization affects individual professionalization at all stages. Globalization of informatization changed not only the content of our knowledge, but also the ways in which we obtained, reproduced and transfer it. Professionals that were trained by the old school and old type of universities differ by their psychological characteristics from those that play computer games at the kindergarten, go to computer classes at school, work at the computerized workplace and communicate with friends via satellites. New information technologies change the style of thinking, ways of communication, assessments of others and self-concept. Computer technologies provide us with unprecedented opportunities for educational growth and professional development, which largely depends on the person himself. However, accepting the need and usefulness of computer technologies in education, we must harmoniously combine them with traditional educational practices. Russian educational system retains its high positions today only due to the reasonable combination of innovations with traditions preserving the humanistic, ethical, and moral components of learning. This very combination is the key to successful modernization of the system of individual professionalization in information society.

REFERENCES

- [1] Abbott A. The order of professionalization. An empirical analysis. *Work and Occupations*. 1991; 18 (4).
- [2] Abramov R.N. *Rossiiskie menedzery: Sociologicheskyy analiz stanovleniya professii* [Russian Managers: Sociological Analysis of the Profession Development]. Moscow: KomKniga; 2005 (In Russ.).

- [3] Evens J. Reinterpreting professionalism as a discourse of social control and occupational change. Svenson L., Evetts J. (Eds.) *Conceptual and Comparative Studies of Continental and Anglo-American Professions*. Goteborg: Goteborg University; 2003.
- [4] Evetts J. Short note: The sociology of professional groups. *Current Sociology*. 2006; 54 (1).
- [5] Forsyth P.B., Danisiewicz T.J. Toward a theory of professionalization. *Work and Occupations*. 1985; 12 (1).
- [6] Khitrin K.L. *Professionalizatsiya socialnykh grupp: traditsii izucheniya i osobennosti protekaniya v sovremennykh usloviyakh* [Professionalization of social groups: Traditions of study and features of development under the contemporary conditions]. http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31853/1/srbu_2015_101.pdf (In Russ.).
- [7] *Informatsionnye i kommunikatsionnye tehnologii v obrazovanii* [Information and Communication Technologies in Education]. Dendev B. (Ed.). Moscow: UNESCO; 2013 (In Russ.).
- [8] Kuzibetsky A.N. Postindustrialnaya sistema dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya v informatsionnom obschestve: akmeologicheskii aspekt [Post-industrial system of additional professional education in the information society: An acmeological aspect]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta*. 2014; 1 (9) (In Russ.).
- [9] Lapshin I.E. Vysshee obrazovanie kak faktor socializatsii sovremennoi molodezhi: eticheskiy aspekt [Higher education as a factor of the contemporary youth socialization: An ethical aspect]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2016; 3 (In Russ.).
- [10] Larson M. *The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis*. Berkeley-London: University of California Press; 1977.
- [11] Mansurov V.A., Yurchenko O.V. Konstruirovaniye novykh statusnykh pozitsii v protsesse professionalizatsii [Creating new status positions in the course of professionalization]. *Modernizatsiya socialnoi struktury rossiiskogo obschestva*. Otv. red. Z.T. Golenkova. Moscow: IS RAN; 2008 (In Russ.).
- [12] Mansurov V.A., Yurchenko O.V. Sociologiya professii: istoriya, metodologiya i praktika issledovaniya [Sociology of professions: History, methodology and research]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2009; 8 (In Russ.).
- [13] McClelland C. *The German Experience of Professionalization*. Cambridge: Cambridge University Press; 1991.
- [14] Roe A. *The Psychology of Occupations*. New York; Willey; 1956.
- [15] Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Tri tipa znaniya v sociologii professii [Three types of knowledge in sociology of professions]. *Socialnaya dinamika i transformatsiya professionalnykh grupp v sovremennom obschestve*. Mansurov V.A. (Ed.). Moscow; 2007 (In Russ.).
- [16] Savvina O.V. Eticheskoe regulirovaniye v vysshem uchebnom zavedenii i usloviya ego effektivnosti [Ethical regulation in a higher educational institution, and the conditions for its efficiency]. *Filosofiya i Kultura*. 2013; 8 (In Russ.).
- [17] Tsyvk V.A. Nravstvennyye tsennosti professionalnoi deyatelnosti [Moral values of professional activities]. *Lichnost. Kultura. Obschestvo*. 2014; XVI (1-2) (In Russ.).
- [18] Tsyvk V.A., Mukhametzhanova V.S. Ethical basis of professionalism. *3rd International Conference on Arts, Design and Contemporary Education*. Atlantis Press; 2017.
- [19] Tsyvk I.V. Kompyuternaya etika i problemy intellektualnoi bezopasnosti [Computer ethics and issues of intellectual security]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2013; 3 (In Russ.).
- [20] Tsyvk I.V. Kompyuternyye tehnologii v sovremennom obrazovatelnom protsesse: eticheskiy aspekt [Computer technologies in the contemporary educational process: An ethical aspect]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2017; 21 (3) (In Russ.).
- [21] Tsyvk V.A. et al. *Etika vysshei shkoly* [Ethics of Higher Education]. Moscow: RUDN; 2016 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-418-430

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

В.А. Цвык, И.В. Цвык

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
Московский авиационный институт
Волоколамское шоссе, 4, Москва, 125993, Россия
(e-mail: tsvyk_va@rudn.university; tsvykirina@mail.ru)

В статье рассматривается проблема профессионализации личности в условиях информационного общества, раскрывается суть профессионализации, выделяются ее этапы, анализируются ее особенности в условиях информатизации образовательного процесса и профессиональной деятельности. Профессионализация понимается авторами как процесс профессионального роста индивида, обучение профессии, т.е. профессиональная самореализация — одна из форм жизненной самореализации. Отмечается, что с всеобщей компьютеризацией социально-культурной действительности, характерной для информационного общества, связаны и процессы информатизации всех форм профессионального становления и развития человека, широкое внедрение информационных технологий в профессионализацию личности. Следствием глобализации процессов информатизации в современном обществе стало изменение не только содержания наших знаний о мире, но и способов их получения, воспроизведения и передачи, что, в конечном счете, существенно повлияло на внутреннюю структуру личности. Под воздействием новых информационных технологий изменился стиль мышления, способы общения, оценки окружающих и самооценки. Компьютерные технологии раскрывают перед человеком невиданные ранее возможности образовательного роста и профессионального самосовершенствования. Однако, как всякое техническое достижение, компьютерные технологии имеют и негативные последствия, в том числе в сфере профессионального образования — важнейшего этапа профессионализации. В познавательном-мыслительном плане это формирование нелинейного, ассоциативного, мозаичного мышления, переизбыток информации, ослабление творческих начал. В гуманитарном плане информационные технологии механизмируют и стандартизируют образовательную деятельность, обезличивают процесс обучения, ослабляя в целом гуманитарные аспекты образования. Таким образом, глобальное и бездумное внедрение информационных технологий в процесс становления профессионала способно породить множество проблем и, в конечном счете, привести к серьезному обеднению профессионализации, которая может превратиться из сложнейшего творческого процесса «созидания» профессионала в примитивную, хоть и обладающую высокой скоростью и большим объемом, передачу информации, в «операционизм» вместо профессионализма.

Ключевые слова: профессионализация; профессиональная деятельность; профессионализм; профессиональное образование; информационное общество; информационные технологии; компьютерные технологии; репрофессионализация

* © В.А. Цвык, И.В. Цвык, 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-431-442

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПРИХОДСКАЯ ОБЩИНА*

М.А. Подлесная

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, 23-5А, Москва, 115184, Россия
(e-mail: yamap@yandex.ru)

Статья посвящена рассмотрению вопроса, какими способами православная община как наиболее традиционная социальная общность встраивается в современную систему технологий. В начале статьи дается описание того, что есть технологическая система, проводится анализ ее основных черт, возможностей и ограничений. Основными чертами технологической системы в статье выступают ее децентрализация, ослабление иерархичности и укрепление связей по горизонтали, гибкость, саморегулируемость, адаптивность, тотальность и использование человека как алгоритмически действующего субъекта. Автор подчеркивает, что не последнюю роль в изучении технологической системы играет системный подход в социологии, в связи с чем применительно к исследованию приходских общин рассматривается подход Н. Лумана, а также приводятся основные критические положения в адрес его работ. В статье также исследуется современный церковный дискурс о модернизации приходских общин, возникший в том числе благодаря популяризации взглядов Лумана и других представителей системного подхода. Кроме того, одним из наиболее важных автор считает вопрос о современном человеке, в частности, о его будущем в условиях технологической системы, поэтому в статье представлен разбор понятий «киборг», «мутант», «клон», «виртуальный человек», «постчеловек». Автор делает ряд выводов о том, как может реагировать на изменение человека приходская община, каковы для нее в связи с этим наиболее возможные риски. Так, превращение общины в хорошо управляемую и отлаженную систему или сеть означает ее рационализацию, которая при первом приближении необходима и решает назревшие проблемы, при втором — лишает ее жизненности: современный человек найдет себя в этой общине, но вряд ли она в полной мере будет христианской.

Ключевые слова: технологическая система; приходская община; субъектность и безсубъектность; система; сеть; антропологический вопрос

Настоящее время, характеризующееся как период постмодерна, тесно связано с технологиями и технологическими системами. О них все чаще и настойчивее говорят как об основных источниках развития, делают «краеугольным камнем» государственной стратегии и политики [9]. При этом сами технологические системы обладают специфическими чертами и рядом ограничений: технологические системы, точнее система технологий, состоят из множества переплетенных между собой процедур, благодаря чему «снижается роль централизованного управления, когда принятие решений и контроль за их исполнением требует единого управляющего. Потребность в иерархии также ослабевает, поскольку технология определяет последовательность действий заранее» [1. С. 30]. В резуль-

* © Подлесная М.А., 2018.

тате такая система больше похожа на организм, чем на механизм, и «требует обмена информацией в больших объемах для выполнения множества переплетающихся, взаимосвязанных программ» [1. С. 31]. Не трудно догадаться, что подобная система нуждается в серьезных ресурсах, в том числе человеческих (человеческом капитале, как принято сегодня говорить), в частности, в специализации индивидов, что делает технологическую систему тотальной. Сама же специализация на уровне индивида рождает фрагментарное сознание, которое, если верить Ю. Хабермасу, не способно к целостному восприятию и потому производит колонизацию жизненного мира, лишая его сколь-нибудь присущей ему свободы от системы [13. С. 136]. Более того, такая несвобода становится главным образом не внешней, но внутренней, что заметно в западноевропейском обществе, которое при кажущемся отсутствии внешнего контроля действует в соответствии с имеющимися правилами почти автоматически.

Другой важной особенностью технологической системы является ее управление, которое сводится к необходимости пошаговых инструкций и математическим алгоритмам, как правило, лишенным социального и культурного содержания. «Развитие в результате оборачивается практически устранением творчества (т.е. упрощением самого процесса, в данном случае социального), но то же самое происходит в других сферах человеческой деятельности» [1. С. 32]. В результате подобной технологической экспансии можно наблюдать запрограммированность среды жизнедеятельности человека, автоматизм, и, как следствие, саморазвитие (самоувеличение) системы. Более того, меняются способы мышления и рефлексии, которые становятся бинарными. Например, проявления бинарного мышления уже сегодня обнаруживают себя в образовании, где студент — исполнительный и целеустремленный индивид, с навыками, доведенными до автоматизма, но не способный думать, принимать самостоятельные решения в нестандартных ситуациях. Бинарная рефлексия проявляется и в том, что современный человек не способен ни к осмыслению своей позиции, ни самостоятельной деятельности. В ситуации технологических рисков это все чаще приводит к тому, что риски становятся неуправляемыми.

О.В. Аксенова обращает внимание на еще один важный нас момент, связанный с социологической теорией, отмечая, что системы стали объектом интереса социологии еще в 1920-е годы, и, по сути, весь XX век в социологии посвящен изучению систем — структур и функций, сетей, узлов и прочих конструкционных элементов [1. С. 25]. Так зародилось множество теорий системного подхода, тесно связанных впоследствии с кибернетикой как наукой управления сложными системами. И если в начале XX века системный подход был результатом промышленной революции и капиталистического разделения труда, где субъект так или иначе присутствовал, то позже социологическая теория стала почти безсубъектна. Причем довольно трудно определить, действительно ли социология описывала только имеющиеся факты или, будучи идеологически ориентирована, создавала подобную реальность. По крайней мере, тот способ рационализации, который свойственен классической и постклассической социологической теории,

безусловно, влиял на действительность, в результате чего мы получили вполне конкретное представление о ней, которое можно выразить следующей формулой: модерн породил систему и системный подход, исключавших субъекта, пост-модерн — технологию, которая вконец похоронила актора.

Таким образом, основными чертами технологической системы являются ее децентрализация, ослабление иерархичности и укрепление связей по горизонтали, гибкость, саморегулируемость, адаптивность, тотальность, использование человека как алгоритмически действующего субъекта. Это важно отметить, так как основная задача статьи — не рассмотрение технологической системы, а оценка ее влияния на социальные процессы и институты. В частности, нас интересует приходская община Русской православной церкви как далекая от модернизационных технологических процессов общность, базовая и традиционная для русской культуры и нации. Что же происходит или должно происходить с православной общиной в технологическом обществе? И имеет ли она шансы выжить в этой системе?

В настоящее время Русская православная церковь переживает этап реформирования, который сопровождает особая активность так называемых «церковных модернистов», желающих развития и обновления церкви, и противостояние им (иногда пассивное, иногда активное) так называемых «традиционалистов». Внутри церкви и ее общин наблюдается некоторое разделение и поиск компромисса по наиболее значимым вопросам. При этом идея приходского реформирования сопряжена не только с назревшей необходимостью (в том числе встраивания в технологическую реальность), но и с определенной полемикой вокруг нее, в том числе научной, в частности философской и социологической.

Для многих священников и богословов стало хорошим тоном обращение не только к данным социологических исследований, но и к теоретическим работам философов и социологов модерна и постмодерна. В число таких авторов входит один из представителей системного подхода Н. Луман. Его работы отличаются рассуждения о церкви как о социальной организации, целенаправленное реформирование которой возможно «только как структурное планирование или структурная политика профессионально организованных подсистем, которыми в этом смысле управляет церковь» [6. С. 17]. Более того, структурное планирование, по Луману, может осуществляться как «осознанная вариативность трех признаков, которые отмечают организованные действия — это программы правильных действий, соответствующим образом подготовленные компетенции персонала, а также распределение власти и решений, т.е. организация в узком смысле» [6. С. 17]. Вслед за Луманом о церкви как о социальной организации заговорили и российские теологи. При этом о сакральности церкви упоминается все реже (иногда это даже представляется неуместным), а ее персонал все чаще представляют образованные функционеры «в пиджаках» с соответствующей специализацией и компетенцией.

Однако сегодня работы Лумана серьезно критикуются, в том числе самими представителями системного подхода. Так, отечественный ученый В.Н. Гурьянов среди прочих ошибок Лумана называет неверное представление о системе, которое

он берет у Х. Матураны, а тот, в свою очередь, заимствует у Л. Берталанфи. Последний трактует систему как комплекс взаимодействующих элементов, имеющих связи между собой, т.е. оказывается, достаточно, чтобы объект был разбит на части и он — система.

Но если это так, то любой объект является системой, и это ошибочное представление порождает определение системы, которое кажется целесообразным и нам: «Системность обусловлена не наличием связей (= взаимодействий) между объектами или „элементами“ объектов. Наличие связей — лишь необходимая предпосылка системности. Системность имеет место тогда, когда на связи наложены ограничения, или когда взаимодействия регулируются факторами, внешними по отношению к той сфере реальности, для которой они характерны. Системным объектом является поэтому только тот объект, который накладывает ограничения на определенные типы взаимодействий» [7. С. 48]. Таким образом, различного рода ограничения являются признаками системы, а если этого не учитывать, то мы входим в дискурс элементаристской методологии.

В качестве яркой иллюстрации внутрицерковных процессов можно вспомнить появившиеся на страницах популярного интернет-издания Богослов.ги (наиболее читаемый и претендующий на научность православный ресурс) публикации, посвященные, по аналогии с попперовской типологией «открытого» и «закрытого» общества, «открытым» и «закрытым» общинам. Примечательно, что авторами статей выступили известные преподаватель Московской духовной академии прот. Павел Великанов и священник Федор Ртищев. Говоря о приходах «открытого» типа, авторы, с одной стороны, имеют в виду все то, что относится к внебогослужебной приходской деятельности, с другой стороны, то, где «новообращенным не навязывается никаких моделей поведения или мировоззрений, выдаваемых за „традиционные“ или „православные“, но основным вектором и целью духовной жизни остается следование за Христом» [10].

Авторы проекта «открытого» прихода полагают, что подобная общинная жизнь призвана приобщить своих членов к так называемому «чистому Православию», лишенному культурно-бытовых паттернов и устоявшихся традиций. В приходе создается такая атмосфера, в которой любой его член вынужден отбросить «все свои стереотипы и интересы и заботиться о том, чтобы всегда быть со Христом» [10]. К этому, как отмечают авторы, подталкивают накопившиеся в приходах проблемы и искажения: 1) отход от «христоцентричности» в общинах и перенос акцента с Христа на священника, обряды (устав), «эксклюзивность», или на восприятие церкви как организации, предоставляющей определенного рода услуги (1); 2) разобщенность духовенства и мирян, которая проявляется в привилегированности духовенства по отношению к остальным прихожанам, в иерархичности приходской системы, когда приближенность к настоятелю обеспечивает более высокий статус, определенные выгоды и признание; 3) отсутствие совместных приходских проектов, которые были бы для всех, а не только для «узкого круга».

В итоге авторы приходят к выводу о необходимости «воспитания нового поколения пастырей в духовных учебных заведениях, для которых богослужебная жизнь вне общинной была бы очевидной ненормальностью» [5].

Предполагается не только сглаживание вертикали иерархической власти в приходе (о дисфункциональности принципа иерархии с точки зрения церковных реформ, прежде всего для протестантской церкви, писал Луман, отмечая в качестве альтернативы другие программы и персональные структуры) и превращение ее в горизонталь отношений, которые бы объединяли всех прихожан, но и продолжительная катехизация (в течение полугода) крещаемых и новообращенных, перевод текстов богослужения на понятный для большинства язык (русификация богослужения), совместное прочтение и обсуждение отрывков Евангелия и апостола, продолжение литургии в общем делании, пересмотр вопроса об исповеди как обязательной в качестве допуска к причастию и т.д.

Примечательно, что к подобному подходу все больше склоняются общественные деятели, известные публицисты и представители интеллигенции. Например, в обсуждении таких проблем современных приходов, как отток молодежи из православных храмов при действующих в большом количестве воскресных школах, известный библиист А. Десницкий замечает, что молодежь уходит из храмов, так как не хочет преждевременно стареть вместе с теми бабушками, которые в свое время сберегли и сохранили церковь. Их образ жизни и отношение к церкви не вписывается в представления молодых, их старость и пассивная позиция, при которой ничего от них не зависит, сегодня малопривлекательны.

Десницкий предлагает не только предоставить молодежи место в храме, но и разнообразить литургические практики, начав совершать одну из древнейших литургий апостола Иакова, проводя богослужения на национальных языках, включая русский, вернув в богослужения кондаки «как драматические поэмы-проповеди» [8], т.е. обеспечить определенный плюрализм деятельности внутри общины, уйти от привычной церковной архаики.

Обращает внимание, что в статье почти не затрагивается вопрос о преемственности традиций, связи поколений, роли старших и т.д., что всегда являлось неотъемлемой частью приходской жизни, да и жизни вообще. В связи с этим уместно вспомнить еще один отрывок из работы О.В. Аксеновой, которая в контексте обсуждения роли технологических систем в современном обществе пишет о высокотехнологической цивилизации и обращает внимание на одну ее особенность: «Высокотехнологическая цивилизация принимает строго сетевую форму, концентрируясь в потоках и соединяющих их узлах. На всей прочей территории начинаются процессы своего рода архаизации (чаще употребляется термин сомализация), возникает новое варварство. В отличие прежнего четкого разделения мира на первый, второй и третий, граница между цивилизационными и архаизированными территориями может пролегать внутри первого мира» [1. С. 41].

Возвращаясь к микромиру православного прихода, можно заметить, что современные церковные модернисты думают и действуют вполне в духе времени, т.е. высокотехнологической цивилизации, исключая архаику как нечто варварское и отжившее. Кроме того, основная часть приходских исследований сегодня связана с использованием сетевого подхода — это не только самые читаемые, но и самые цитируемые работы. Однако отсутствие иной альтернативы приводит к тому, что приходская община вообще не рассматривается как не сетевое образование,

которое, возможно, и не нуждается в сетевизации — исследовательский мейнстрим просто не допускает таких вопросов.

Одной из интересных попыток осмысления, что сегодня представляет собой православный приход, является проект А.Ю. Багриной, которая подчеркнула обусловленность развития христианских общин от позиции по отношению к ним государства и власти. Именно от этой позиции зависит усиление и ослабление вертикальных и горизонтальных связей общины, с ней же связаны своеобразные болезни роста общины. С точки зрения стен и мест присутствия приходы — вертикальные и заметные, община же — душа прихода (2), имеет горизонтальное измерение. Общины, как горизонтальные сетевые структуры, «пружиняют», но при изменении политики власти, например, при ее сочувственном отношении к церкви, могут «начать расти иерархией», т.е. Багина связывает иерархичность приходов с лояльным отношением власти к церкви. Во времена гонений на церковь, напротив, ее иерархичная структура рассыпается, «„уплощается“, становится гибкой и сетевой, ждущей возможности для следующей исторической сборки» [3. С. 202]. В разные исторические периоды преобладает то одна, то другая форма. В итоге об общине можно говорить как о более гибкой и «незаметной» форме, а о приходе — как о том, что, «вписываясь в политические и властные государственные матрицы, приобретает „стены“, ...и тогда именно «поддержка государства стимулирует рост приходов» [3. С. 203]. Община надмирна и воплощает в себе не просто ценности, а сверхценность, которая выражена в самопожертвовании ради другого. «Перед лицом самопожертвования закон бессилён... Поэтому община — это очень страшно для любой политической власти. Ведь это ее граница, конец» [3. С. 203].

Можно заметить, что о приходской общине автор пытается говорить как о живом и подвижном организме, который, с одной стороны, всегда и открыт и гоним, с другой — в неблагоприятном окружении может закрываться, в другие периоды — искушаться институционализацией и отношениями с властью. Поэтому возникающие в связи с этими динамичными процессами отклонения можно разделить на несколько типов: условные «телесные» — отклонения приходской общины по приходскому типу, и излишне «духовные» — когда «без естественного телесного приходского барьера, физической стяжки и воплощенности, т.е. без прихода, община расплывается в аморфности, слабеет ее иммунитет, возможны мутации» [3. С. 205]. «Телесные» отклонения могут проявлять себя и в нехватке ресурсов, и в перегрузке священников, и в том, что приход становится административной единицей или начинает действовать как франшиза, предоставляя религиозные услуги, и т.д. Отклонения духовного характера проявляют себя прежде всего в отсутствии знаний приходской общины о самой себе, в поиске самоопределения.

Но есть отклонения и другого рода, которые возникают в результате поиска приходской общины баланса между своей открытостью/закрытостью. Если этот поиск оказывается неуспешен, приходская община демонстрирует отклонение по приходскому типу, проявляя человеческую душевную немощь: либо появляется сильный харизматический лидер, и все в общине выстраивается вокруг него,

а приход становится сектой, либо сильного лидера нет, но есть сильный мирской проект и мирянская активность, которая уводит приходскую общину в сторону клуба по интересам религиозной направленности. Примечательно, что «общины-секты и общины-клубы — типичные сценарии для протестантских церквей, потеврявших священство» [3. С. 206]. В связи с отклонениями и динамикой приходских общин Багрина говорит о жизненном цикле приходской общины (табл. 1).

Таблица 1

Приходская община: признаки и причины трансформации

Типы	Признаки трансформации	Причины трансформации
<i>Приход</i>	Иерархизация (вертикаль) в условиях политического одобрения Церкви властью	Поиск баланса в отношениях с властью; перевес в сторону одобрения и поддержки
<i>Община</i>	Распад прихода по горизонтали, особенно в период гонений на церковь	Поиск баланса в отношениях с властью; перевес в сторону гонений
<i>«Телесная» приходская община</i>	Уход общины в отклонения приходского типа, когда главным становятся ресурсы общины	Поиск баланса между «душой» и «телом»; перевес в сторону «тела»
<i>«Душевная» приходская община</i>	Нет приходского каркаса, размывается идентичность	Поиск баланса между «душой» и «телом»; перевес в сторону «души»
<i>«Община-секта»</i>	Есть сильный харизматический лидер и все завязано на нем	Поиск баланса открытости/ закрытости с миром
<i>«Община-клуб»</i>	Нет сильного харизматического лидера, но есть мирской проект	Поиск баланса открытости/ закрытости с миром

Иными словами, доминирует в изучении приходской общины все тот же системный подход в разных вариациях, что не случайно — системность является основой современного общества и охватывает все стороны общественной жизни. Однако системный подход имеет и свои ограничения: православный приход, будучи в ситуации тотальной системности, неизбежно начинает приобретать ее черты, особенно когда вопросы о современности Церкви становятся крайне значимыми (а в отдельных случаях и болезненными) для церковной общественности и администрации. Тогда появляются те, кто говорит о модернизации (выше был обозначен этот дискурс), предлагая соответствующие управленческие решения. Не всегда Церковь реагирует на них однозначно, в этом смысле она медлительна и консервативна, но сегодня заметны серьезные сдвиги в сторону таких системных изменений, как ослабление иерархичности и укрепление связей по горизонтали в приходах, их саморегулируемость и адаптивность. При этом за разговорами о структурных изменениях приходов вновь потерялся субъект с его нуждами, ожиданиями и запросами на духовность. Это не случайно — системный подход его не предполагает, хотя в реальности приход действует и развивается в результате активности отдельных личностей (это не всегда только священник), способных брать на себя ответственность, быть инициативными.

Одним из наиболее серьезных вызовов для православной приходской общины сегодня, помимо требований внутрицерковных модернистов, является вызов со стороны технологической системы. Она понимается нами не как исключительно информационная, хотя информационные технологии играют в ней заметную роль, в первую очередь, это особые способы мышления и рефлексии (3) и, соответ-

ственно, новый человек, которого известный отечественный философ С.С. Хоружий называет «человек-технократ» [15], «постчеловек» или «человек оконечивающийся» [14. С. 7]. Ближайшее будущее он связывает с такими «героями времени», как киборг, мутант, клон, говоря о них как о трех версиях постчеловека. Об обществе киборгов пишет и британский социолог Дж. Урри [11]. В случае киборга мы имеем дело с компьютерными технологиями, в случае мутанта и клона — с биотехнологиями. Если в отношении киборга есть некое представление и определенность, например, отмечается, что практиках киборгизации «технологические практики сливаются воедино с соматическими и даже с практиками себя» [14. С. 6], происходит расширение «интерфейса мозг—машина», а предтечей киборга является виртуальный человек, но киборг человеком не является, то в отношении мутанта и клона прогнозы более пессимистичны, потому что здесь нет определенности, и непонятно, что же мы получим в результате смешивания генов человека с генами других видов [12].

Говоря об изменениях будущего человека, Хоружий задается важным вопросом — где же рубеж между человеком и постчеловеком — и дает вполне конкретный ответ: предикатом человеческого существования является его познающий разум, соответственно, переходом к постчеловеку будет «апгрейд» разума, т.е. «кардинальное усиление способностей познающего разума сверх всех пределов, доступных и мыслимых для человека» [14. С. 7]. При этом ожидается притупление всех других свойств и способностей, вплоть до исчезновения. В первую очередь это интегральные характеристики и проявления человека — «экзистенциальные предикаты (каковы бытие-к-смерти, забота, тревога и др.); любовь; интересубъективные проявления, образующие сферу общения; эстетические восприятия и проявления из религиозной сферы» [14. С. 8]. Последнее для нас имеет особый интерес, так как указывает на глобальные изменения в этой сфере и возможную утрату религиозности человеком будущего. Рационализация приходской жизни по системному принципу, намеренная сетевизация общины с ростом горизонтальных связей и ослаблением иерархии могут быть первым сигналом происходящих изменений. Трансформация православного прихода в соответствии с требованиями технологической системы может привести к серьезным и необратимым последствиям, при которых православная община (с ее глубоко субъектной самоорганизацией, не важно исходит инициатива от священника или от прихода) перестанет быть сама собой.

Под предлогом включения в глобальную систему и соответствия современности в постсоветской России произошли изменения, затронувшие все сферы жизни российского общества. Не обошли они стороной и Русскую православную церковь, которая пытается встраиваться в современные процессы не только с помощью реформ, но и привлекая технологии.

Не будучи сама по себе технологичной, Русская православная церковь с трудом включается в эти процессы, хотя и появляются соответствующие инфор-

мационные ресурсы и профильные специалисты, но результат этой деятельности не только минимален, но и вызывает определенные нарекания и споры. Очевидно, что система современных технологий — чужеродное для церкви образование, приспособиться к которому есть желание, но нет склонности. Глобальное влияние (в том числе мировых церковных институций) играют здесь не последнюю роль, порождая интерес Русской православной церкви к технологической системе и ее использованию. В результате технологическая система переформирует взаимодействующие с ней общности в соответствии со своей логикой, чему посвящены десятки работ современных социологов-футурологов, обращающих внимание на всевозможные и, как правило, необратимые риски.

Одним из главных рисков является изменение самого человека, в связи с чем антропологический вопрос становится сегодня наиболее актуальным, а возвращение действующего субъекта в поле социологической науки — крайне важным. К сожалению, современная социология и философия с большим интересом относятся к человеку играющему [4], человеку-актанту, сетевому индивиду, и в значительно меньшей степени говорят о реальном субъекте, который хотя и стал виртуальным, но еще не утратил своей человечности. Излишне переключаясь на системы — сетевые, технологические и др., мы рискуем упустить из виду частную жизнь человека, которая по-прежнему наполнена болью, смертью, любовью, страданиями, переживаниями за ближних, верой в Бога. Последняя наполняет жизнь людей, составляющих приходские общины, которые пока еще остаются носителем и хранителем ценностей. Из-за риска серьезных последствий в результате вымывания культурной составляющей православия из основ российского общества крайне важно бережно относиться к православной общине. Нельзя утратить ни ее субъектности, ни ее способности к спонтанной самоорганизации.

Преобразование общины в хорошо управляемую и отлаженную систему или сеть означает ее рационализацию, которая, казалось бы, крайне необходима и решает назревшие проблемы, но в то же время лишает общину самого дыхания жизни. «Выпрямление» ее связей и отношений согласно требованиям технологической системы означает переход к иной модели приходской общины, которая неизбежно будет алгоритмична и формализована. И хотя современный человек, изрядно испорченный технологиями, найдет себя в такой общине, вряд ли она в полной мере будет христианской, так как будут исключены одни из главных ее принципов — любовь и свобода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Об этом подробно писано в работах Н. Лумана, на основе которых во многом создают опросники современные протестантские теологи. Работы Лумана встречаются как критику, так и положительные отзывы, которые формируют определенное мнение современных теологов. Церковь рассматривается большинством из них прежде всего как подсистема, удовлетворяющая потребительские функции, как организация «неслучайного соединения двух случайных обстоятельств: решения о членстве (вход и выход) и фиксации структурных признаков». Луман уточнял, что различия между «мирскими» и «духовными» делами

в управлении церковью проводятся непоследовательно, решения принимаются в административной подсистеме, которая не имеет представления о религиозных смыслах и функциях. Луман приходит к выводу, что сама иерархическая структура церкви не проясняет разницу между духовным и мирским, что мало отличает ее тогда от любой другой организации. Как последователь эволюционной трактовки общества, Луман в нынешней ситуации неопределенности религии видит ее развитие в обдуманном структурном планировании и когнитивном оснащении ее «персонала». Церковь как организация, согласно Луману, существовала не всегда, и переход к церкви как организации на Западе был осуществлен лишь в новое время. Теперь это тенденция все более усиливается, вырабатывая соответствующие подходы к реформированию церкви.

- (2) Данную аналогию, например, проводит протестантский исследователь приходов в России Дж. Берджесс, богослов и профессор Питтсбургской теологической семинарии. Подробнее см. в [4].
- (3) Например, в статье А.А. Аргамаковой предлагается начать готовиться к технологической будущности уже сегодня, участвуя в соответствующем проектировании и развивая определенные социальные практики, в том числе игровые [1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аксенова О.В.* Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М., 2016.
- [2] *Аргамакова А.А.* Между технологической утопией и антиутопией: игры и социальное проектирование // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 54. № 4.
- [3] *Багрина А.Ю.* 3000000 «недоприхожан»: община, переход, приход, приезд // Альманах «Лодка». М., 2016.
- [4] *Берджесс Дж.* Приходская жизнь в США и России: вопросы об общине и воцерковлении // *Приход Русской православной церкви в России и за рубежом*. Вып. 2 / Отв. ред. И.П. Рязанцев, ред.-сост. М.А. Подлесная. М., 2013.
- [5] *Великанов Павел, прот., Ртищев Федор, свящ.* О жизни приходской // <http://www.bogoslov.ru/text/4408505.html>.
- [6] *Воронцова Е.* Теологическая рецепция социологии религии Никласа Лумана: Материалы семинара «Социология религии». 2010 // <http://socrel.pstgu.ru>.
- [7] *Гурьянов В.Н.* Никлас Луман: общество как аутопойетическая система // *Философские исследования*. 2009. № 3.
- [8] *Десницкий А.* Если мы хотим увидеть молодежь в Церкви — нам нужно подвинуться // <http://www.pravmir.ru/esli-mi-hotim-videt-molodej-v-tserkvi>.
- [9] Послание президента РФ Путина В.В. Федеральному собранию от 01.03.2018 г. // <https://ria.ru/politics/20180301/1515501294.html>.
- [10] *Ртищев Федор, свящ.* К уточнению понятия «приход открытого типа» // <http://www.bogoslov.ru/text/4524604.html>.
- [11] *Урри Дж.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М., 2012.
- [12] *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. М., 2004.
- [13] *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *THESIS*. 1993. Вып. 2.
- [14] *Хоружий С.С.* Постчеловек, виртуальный человек и их социум // *Вестник МГОУ*. 2016. № 3. С
- [15] *Хоружий С.С.* Русская религиозно-философская мысль об изменениях человека под воздействием техногенной среды // <http://www.bogoslov.ru/text/4551920.html>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-431-442

TECHNOLOGICAL SYSTEM AND A PARISH COMMUNITY*

M.A. Podlesnaya

Saint Tikhon's Orthodox University
Novokuznetskaya St., 23-5A Moscow, Russia, 115184
(e-mail: yamap@yandex.ru)

Abstract. The article considers the issue of how the Orthodox community as the most traditional social community adapts to the contemporary system of technologies. First, the author describes the phenomenon of technological system, identifies its main features, capabilities and limitations. Among the key features of the technological system, the article focuses on decentralization, weakening hierarchy and strengthening horizontal links, flexibility, self-regulation, adaptability, totality and the use of man as an algorithmically acting subject. The author emphasizes that the system approach in sociology plays an important role in the study of technological systems, and N. Luhmann's approach is relevant for the study of parish communities, though the author mentions the limitations and critique of his works. The article examines contemporary church discourse about modernization of parish communities, which is also determined by the popularization of the views of Luhmann and other representatives of the system approach. The author also focuses on the most important question of the contemporary world under the technological development, which is the future of the mankind, and the article mentions concepts 'cyborg', 'mutant', 'clone', 'virtual person', and 'posthuman'. The author makes a number of conclusions about how the parish community will react to the changes of the mankind, and what the most possible risks for the parish communities are considering such changes. Thus, the transformation of the parish community into a well-managed and well-functioning system or network means its rationalization, which at first seems necessary and solving urgent problems, but then one can see that it deprives the community of its vitality: a man finds himself in the community, but it does not seem to be Christian any more.

Key words: technological system; parish community; subjectivity and subjectlessness; system; network; anthropological issue

REFERENCES

- [1] Aksenova O.V. *Paradigma socialnogo dejstviya: professionaly v rossijskoj modernizatsii* [Paradigm of Social Action: Professionals in the Russian Modernization]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [2] Argamakova A.A. Mezhdru tehnologicheskoy utopiej i antiutopiej: igry i socialnoe proektirovanie [Between technological utopia and anti-utopia: Games and social design]. *Epistemologiya i Filosofiya nauki*. 2017; 4 (In Russ.).
- [3] Bagrina A.Yu. 30000000 "nedoprihozhan": obschina, perekhod, prihod, priezd [30000000 'not-quite-parishioners': Community, transfer, and arrival]. *Almanah "Lodka"*. Moscow; 2016: 196—228 (In Russ.).
- [4] Burgess J. Prihodskaya zhizn v SShA i Rossii: voprosy ob obschine i vosterkovlenii [Parish life in the US and Russia: Questions about the community and churching]. *Prihod Russkoj pravoslavnoj tserkvi v Rossii i za rubezhom. Materialy k izucheniyu prihodskoj zhizni* Vyp. 2. Otv. red. I.P. Ryazantsev, red.-sost. M.A. Podlesnaya. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [5] Velikanov Pavel, prot., Rtishchev Fedor, svyasch. O zhizni prihodskoj [On the life of the parish]. <http://www.bogoslov.ru/text/4408505.html> (In Russ.).

* © M.A. Podlesnaya, 2018.

- [6] Vorontsova E. Teologicheskaya retsepciya sociologii religii Niklasa Luhmanna: Materialy seminara “Sociologiya religii” [Theological reception of the sociology of religion by Niklas Luhmann: Proceedings of the seminar “Sociology of Religion”]. <http://socrel.pstgu.ru> (In Russ.).
- [7] Guryanov V.N. Niklas Luhmann: obschestvo kak autopojeticheskaya sistema [Niklas Luhmann: Society as an autopoietic system]. *Filosofskie Issledovaniya*. 2009; 3 (In Russ.).
- [8] Desnitsky A. Esli my hotim uvidet molodyozh v Tserkvi — nam nuzhno podvinutsya [If we want to see the youth in the Church we have to move]. <http://www.pravmir.ru/esli-mi-hotim-uvidet-molodej-v-tserkvi> (In Russ.).
- [9] Poslanie prezidenta RF Putina V.V. Federalnomu sobraniyu ot 01.03.2018 g. [Message from the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly on March 1, 2018]. <https://ria.ru/politics/20180301/1515501294.html> (In Russ.).
- [10] Rtishchev Fedor, svyasch. K utochneniyu ponyatiya “prihod otkrytogo tipa” [Clarification of the term an ‘open parish’]. <http://www.bogoslov.ru/text/4524604.html> (In Russ.).
- [11] Urri J. *Sociologiya za predelami obschestv. Vidy mobilnosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Outside Societies. Types of Mobility for the 21st Century]. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [12] Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushee* [Our Posthuman Future]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [13] Habermas J. Otnosheniya mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyah pozdnego kapitalizma [Relations between the system and the life world under the late capitalism]. *THESIS*. 1993; 2 (In Russ.).
- [14] Khorugy S.S. Postchelovek, virtualnyj chelovek i ih socium [A post-man, a virtual man, and their society]. *Vestnik MGOU*. 2016; 3 (In Russ.).
- [15] Khorugy S.S. Russkaya religiozno-filosofskaya mysl ob izmeneniyah cheloveka pod vozdeystviem tekhnogennoj sredy [Russian religious-philosophical thought on human changes in the technogenic environment]. <http://www.bogoslov.ru/text/4551920.html> (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-443-451

INTERNATIONAL SECURITY CHALLENGES IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN STUDENTS*

D.E. Slisovskiy, N.P. Medvedev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: de373@mail.ru; medvedev_rudn@mail.ru)

Abstract. How are the security issues perceived and evaluated not only by the global world leaders, experts, and scientists, but also by representatives of different social groups? Can their opinions and ideas change anything and reduce the level of international tension, or nothing depends on them? Answers to these questions are the methodological key to understanding the complexity of what is happening in the contemporary world considering the challenges of its global and local security. There must be something encouraging and reducing misunderstandings and mistrust in the field of peace-keeping and harmonization of international relations, even though we recognize the high level of influence of propaganda on the attitudes of people in different countries to the issues of security and other relevant questions in both Russia and throughout the world. The article presents the results of the analysis of the data of a number of surveys conducted among Russian students to find out their attitudes to the issues of global, regional, information and personal security. Based on the sociological research the authors describe how the younger generations (students) in Russia today react to the news on international security issues, how they interpret basic concepts of security and their meanings, what are their expectations, feelings and intentions, goals and fears. The results of the analysis of the students' ideas and representations of the international security issues prove a more positive perception of the future directions of international cooperation and provide more grounds to hope for the joint efforts of the leading countries of the world to counter security threats than one can expect relying on the mass media information, politicians' forecasts and expert community's estimates. Perhaps, this part of the younger generations worldview can be considered irrational and even naive. However, one should take into account that the current social status of this group will inevitably change in the near future, which promises that the Russian participation in the public and political international activities will help to decrease the level of international tension and confrontation. Thus, there are hopes for the development of dialogue forms of relations and paths to trust and joint efforts to counter threats and challenges of global security.

Key words: security threats; regional security; personal security; Russia-US relations; Russia-EU relations; Russian students perception of security challenges; Russian students perception of the Ukrainian crisis

Information attacks (the so-called 'stove-piping') in the public discourse concerning global, regional, and information security issues at the level of both professional discussions and daily conversations are becoming more common and notable in the Russian, European, American, and Asia-Pacific media space [see: 10; 15]. Such stove-piping activity were mentioned and considered not only during the Security Conference held

* © D.E. Slisovskiy, N.P. Medvedev, 2018.

in Munich in February 2017, but also during the VI Moscow Conference on International Security (MCIS-2017) held in April 26—27 [see: 23].

Security issues have always played [see: 13; 14] and still play a significant role in the Russian information space and scientific debates. Today no one in Europe, America or Russia would disagree with the statement that security issues have become a rather difficult problem to solve. The speech of Bill Gates at the Munich conference sounded especially cautious and alarming. He found it necessary to claim that the world leaders today think differently about public health and national security [5]. Such an approach is not a response to the existing challenges but rather a just recognition of the new international reality lacking a single power center or ruling authorities to study and accept different opinions and ways to interpret and solve security challenges.

As the level of the global, regional, and information security tensions increases, the development of a security strategy as the national doctrine becomes an urgent task not only in the USA [see: 21], but also in Russia [see: 20]. We believe that is the reason why more and more attention of researchers and mass media is given to the future perspectives and ways to interpret security challenges in terms of imagination and positions of political and government leaders, experts, and, finally, certain social groups, which are structured according to the political, social, ideological, and other diverse grounds and interests. Taking into account such a situation, we can refer to the selection of analytical papers of the Munich Security Conference [see: 1], and a series of articles in the leading European media [see: 2; 3]. The Russian position was made clear in the speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov [8], and in the speech of the Minister of Defense of the Russian Federation, Army General Sergei Shoigu at MCIS-2017 [19].

Thus, the study of the theoretical and practical aspects of the impact of the mass media and contemporary information technologies on the younger generations of Russia, especially students, should be rather common than exceptional part of the analysis of international security challenges. For instance, a survey aimed at understanding how the global, regional, and information security is perceived by Russian students and foreign students in Russia can be a significant case.

Under the current conditions of international security, it is important to learn about the students' perception of the global, regional, and information security challenges. Such a topic of the research is justified also in terms of comparison of the results of our study with the data of the all-Russian survey conducted by 'Levada-Center' [6; 7] to reveal the attitudes of the Russians not only to security issues, but also to other topics related to the international security, such as attitudes towards the USA, the EU, Ukraine, the North Korean nuclear incident, etc. We conducted a survey of more than 600 students from different universities; the sample consisted of both Russian students from different regions of Russia and foreign students from a dozen of countries studying Russian and other foreign languages (English, French, Chinese, Arabic, etc.). The results of the study presented below include the authors estimates and the expert opinions of the representatives of the target group (Alina Boroday, David Khachayan and

Rodion Beresnev) that participated in the research, so that to outline the younger Russian generations understanding of security issues, their thoughts and preferences.

Based on the formalized data obtained in the survey, we made the following conclusions, theoretical and practical generalizations.

- ◆ Even the increased level of global tensions in the contemporary world together with the significant decline of trust between countries and their leaders, the growing threats to international security and the on-going rise of the flow of information and disinformation, could not seriously upset the younger generations in Russia, stimulate their aggressive behavior and hostile attitudes towards the leading actors of the international order such as the USA and European Union, and also to Ukraine and other countries.
- ◆ Despite serious concerns in the Russian youth's perception of global, regional, and information security, there are no empirical indicators of the persistent images of 'the enemy' as if acting inside or outside the country and threatening it.
- ◆ International security and the related threats are not an issue of priority life importance for the majority of students. For them, the insecure realities are emotional rather than rational image. At the same time, such realities for students are not just a topic 'bloated' by state propaganda or mass media, but a serious concern. However, the content, supporting mechanisms and structure of the security threats are still not clear enough for the majority of students.
- ◆ Unsatisfied curiosity and interest of students to the issues of international security certainly stimulates their desire to discuss such issues more openly and more relevantly for their level of knowledge.

We believe that the results of the survey can be discussed only if, first, one trusts the survey data, and second, we note the grounds for their critique when we present and analyze them. The first question of the survey conducted a week after February 20, 2017, was as follows: "What do you know or what have you heard about the Security Conference in Munich?". The results show that 97% of the respondents haven't heard anything about this particular conference and about the fact that this conference is held annually, unites high-ranking politicians, scientists and global experts, and is supported financially and organizationally by both the participating countries and international mass media holdings. For the remaining 3% of the respondents the conference itself and the issues discussed became a kind of 'ground noise' at the background of the huge and rapid flow of all other international and national news. A similar question concerning the Security Conference in Moscow in April 2017 gave somewhat different results: 60,4% have not heard anything, while 39,2% have heard something about the event, but did not follow the information. The explanation for these differences in the perception of information messages on specific events concerning security issues can be found in the fact that the second conference was held in Moscow, and the students who reside in this city had the opportunity to learn about it.

Such responses of students are fully predictable and not difficult to explain for they could be easily predicted. The social-political 'deafness' of the youth is not determined mainly by the timeframe (albeit a short one, separating one event from

another) or by quite aggressive and sophisticated presentation of the increased flow of information on the topic in the mass media. Political apathy, infantilism, and low level of social and political interest and responsibility of students and younger generations in general in the countries with stable political regimes and advanced and sustainable economies has long ago been noted by many scientists and experts [see: 17; 22]. However, under all situations and conditions, manifestations and motives of the youth and students do not dependent so clearly and directly on information attacks.

The survey findings on the issues of the international security were also quite predictable and easy to explain. 98% of the respondents agreed that the security issue is the real, obvious, and pressing. In April 2017, during the Moscow conference, 83,3% of the respondents agreed that this problem is a significant and acute one. There are no significant differences in the opinions observed as compared to the previous survey: this problem is still obvious, clear and pressing, its ratings in the sample remain the same. However, as the comparison of the two groups of the responses of students shows, their answers concerning the new information about the international conferences prove the total mass ignorance of the information messages on security, which were declared in the mass media, public discussions, and political debate. At the same time, we revealed an equally widespread acceptance of the importance of the security issue as a private problem, even a personal and individual. There are indications that for the youth and students security is, on the one hand, a great and essential problem of the contemporary world in its broadest manifestations; on the other hand, this problem becomes visible for them only through personal experience that makes the younger generations consider the problem of security as acute and of a great importance. However, due to the fact that Russian students in general do not have such an experience, they do not demonstrate sustainable and dramatic empathy and perception of the security as an acute social problem.

There is a certain contrast between the students' attitudes and the views common for politicians and experts concerning the question whether or not international terrorism is the main threat of our times. Only 20,5% of the respondents consider international terrorism a major threat for the contemporary society. The same share of the respondents (20,5%) names the high level of mistrust between countries and their leaders as the main threat to the global situation and peace-keeping. About 50% of the students believe that concerns in the field of international relations can determine serious security risks. And 37,5% of the students find the threats in the unresolved internal contradictions of the country.

According to the students' opinions, political and economic challenges rank the first places among the threats to the security. Specific needs and forms to ensure international and regional security became obvious under the aggravation of the situation concerning the policy of North Korea. We succeeded in tracing the students' perception of the development of the Korean crisis. The opinions of the students on the statement of the US President "North Korea is a global threat and a problem that we have to finally solve" divided as follows: 55,7% of the responders agreed with this estimate of the US President Donald Trump, 16,5% disagreed with it, and 27,7% refused to express their opinion

on the problem and the statements of President Trump. In such responses of the students, we consider the most important the nuances of the national perception of the causes and consequences of the situation even if the students do not seek and are not ready to be involved in this process at least at the level of mass media. Fragmentary, incomplete information, and its expressionless format play an important role in not letting the students to understand clearly the problems and contradictions of the protracted crisis surrounding the nuclear threat to the world posed by the North Korean government; however the situation becomes more clear due to the fact that the unresolved conflict and unwillingness of the leading countries and all the parties involved to solve the conflict by negotiations jeopardizes the lives of millions of people.

One can expect that the media policy in Russia as being controlled by the state and pro-government structures should lead to anti-American sentiments in the worldview of the students. This line in the propaganda campaign and politics has long been discussed by the critics and opponents of the Kremlin. In fact, we see that 44,2% express mutual trust, another 18,8% would like to share the responsibility for the global peace and stability with the USA. Moreover, 63% of the respondents tend to mutual respect and responsible behavior of Russia and the USA in relation to the fates of their own peoples and the world in general. The remaining group of respondents (pragmatics, who found it difficult to express an opinion, and so on) cannot be called Americanophobes or opponents of the American way of life and political strategy in the international arena.

Let us admit that the attitudes towards the USA expressed in the students' opinions are not a very interesting phenomenon to focus on. It reflects the worldview priorities of a segment of the Russian population concerning the USA, which seems to differ from what many people in Europe, America, and even Russia tend to think. It is not so important that such a sociological snapshot of views and relations considers not a large proportion of the average population. What is really important is that we talk about the future generations of the country that express its hopes and creates an illusion of changing attitudes and expectations after the Crimea and imposition of sanctions. This is another reality, an absolutely new reality for the future. The youth and students demonstrate a gradual improvement in the attitudes towards the USA determined by the illusions of the changing global situation. This is a very high share (72% against 28% of those who advocate absolutely positive and pragmatic relations of Russia with the USA) characterized by the unexpressed positive connotations in the students' feelings. The results of the situational responses and clarifications show that (though with 28,8% of those who refused to express their opinion) just a small share equal to the statistical error expressed skepticism and indifference concerning the Russia-US relations. Thus, we come to the conclusion that there are no students with hostile feelings, in particular, towards the USA [see also: 11; 12].

We believe that the clarifying question "Who destabilizes Europe?" allow to justify and reinforce our findings. Thus, just 10,1% of the respondents tend to consider the USA as playing a destabilizing role in Europe, while 8,6% assign the same role to the European Union.

In Russia, we are not prone to illusions that the majority of Russian students are aware and interested in security issues, in the subjects that threaten social security. However, we believe it necessary to learn what students think about the current political and global agenda. It is also not surprising that western observers do not focus on this topic for even in Russia itself this problem is hardly recognized and analyzed through the identification of public expectations and sentiments [16]. Nevertheless, this is the reality of the Russian political and social life. We are convinced that through the prism of security issues we can not only clearly see the most acute political contradictions, but also change the attitudes to the seemingly sustainable and long-accepted ideologemes at both global and regional levels.

In the survey, we also asked the students about the crisis in Ukraine. It is quite possible that the students' responses to the question and the very wording of it were influenced by propaganda and the general information policy of the Russian mass media. However, the availability of different information (printed materials, TV-news, and especially the Internet) in English and other languages in the European and American media reduces the effect of the single-channel and unilateral perception and understanding of the situation in Ukraine. The students estimate of the security threats from the specific region (Ukraine) are not obvious though quite careful. The most important and noteworthy are the responses of 21% of the respondents, who have their own opinion regarding the main culprits of the crisis in Ukraine, while 35% refused to express a clear opinion, and 41,3 accuse Western countries of the crisis in Ukraine. Thus, 56% of the students do not lay the blame for the crisis in Ukraine on the European and American leaders. We come to the conclusion that students have a clear and reasonable explanation of the current situation in Ukraine as not having definite culprits.

We can be disappointed by a kind of outsiders' attitude of the students to the seemingly topical issues in the news and especially to the very problem of security. When we consider the youth and students in Russia, there are some signs of infantilism, political indifference, social passivity, generational dependency, even laziness and apathy with regard to politics, while there are sharp social and economic contradictions both in the country and in the world. Perhaps, that is why we witness frequent practices and relapses of overtures to the youth for the sake of winning their cheap authority from party leaders, state officials, and representatives of scientific and expert communities. However, at the same time we hear irritated sentiments that the younger generations today are much more authoritarian and much more aggressive than it was 20—30 years ago. Such critics say that the today's youth is very primitive, very happy with themselves, adhere to very consumer and cynical views, and are satisfied with what is happening around [6]. It seems so strange that this part of the Russian expert community are not able to think as freely as the youth, and to express more positive thoughts to the younger generations.

We believe that the high share of the students who are not exposed to the information attacks and are unaware of the acute social problems related to the national security can be explained by the current social-political situation in the country and

in the global world. Though the blame for such situation is often laid only on the corrupt, selfish, and arrogant state authorities, which has put itself above the law, this is just an echo of the idealized legend, which has had a devastating impact even on its creators. Due to paltry experience and knowledge, the students in Russia are not yet capable of conducting a comprehensive analysis of complex issues and processes. Their images of the threats to the world are quite vague. These ideas are mainly formed by the contemporary information civilization characterized by the dominance of aggressive communicative technologies that can easily heat up protest sentiments. In this situation, the Russian students despite clear evidence of their indifference to the acute issues of our times manage to understand the significance of the security problem for the world. Their adequate response and desire to find a way to mutual respect and responsibility is their unconscious contribution to the solution of this problem. There are no hostile feelings towards the USA, European countries, and Ukraine in the youth's worldview. They expect the same attitude to themselves and to their country yet not doing anything except getting knowledge and professional skills.

We do admit the limitations of our survey results and of the methodology used to obtain and interpret the data. We also recognize the need for regular measurements of the students' attitudes and perception of relevant information about important political and historical events in Russia and worldwide. At the same time, it is noteworthy that the students themselves express readiness and interest in further studies of the younger generations' values, priorities, fears and interpretations of the security issues. We have already scheduled a program of further activities for the detailed public discussion of the research findings of the project "History and Politics" (2017—2018) [see also: 18].

We will be grateful for the feedback to those experts who are ready to share with us their concerns and observations and will appreciate their thoughtful, open-minded but rigorous criticism. We would also like to express our gratitude to our assistants and active participants of the study, the RUDN University and the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) students.

REFERENCES

- [1] Analyses and Press Reports. [https:// www.securityconference.de/en/news/article/what-happened-at-the-munich-security-conference-2017-analyses-and-press-reports](https://www.securityconference.de/en/news/article/what-happened-at-the-munich-security-conference-2017-analyses-and-press-reports).
- [2] Applebaum A. The specter of Trump in Munich. https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2017/02/19/the-specter-of-trump-in-munich/?postshare=2561487530149481&tid=ss_tw-bottom&utm_term=1e618b8aa0a6.
- [3] Delcker J. Germany will take own time to boost defense, Merkel tells Pence. <http://www.politico.eu/article/germany-will-take-own-time-to-boost-defense-merkel-tells-pence>.
- [4] Europe is starting to get serious about defense. <https://www.securityconference.de/debatte/monthly-mind/detail/article/monthly-mind-februar-2017-wie-umgehen-mit-trump-was-europa-jetzt-tun-und-lassen-sollte>.
- [5] Gates B. When nature is a terrorist. Editorial Board. *Washington Post*. 2017; 23.
- [6] Gudkov L. Vozhdi i natsiya [Leaders and the nation]. <http://www.levada.ru /2017/02/21/vozhdi-i-natsiya/print> (In Russ.).

- [7] Kuritsa uzhe nemnogo ptitsa [Chicken is already a kind of bird]. <http://www.levada.ru/2017/02/03/kuritsa-uzhe-nemnogo-ptitsa> (In Russ.).
- [8] Lavrov S. I hope world chooses post-West order. https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2017/02/19/the-specter-of-trump-in-munich/?postshare=2561487530149481&tid=ss_tw-bottom&utm_term=.1e618b8aa0a6.
- [9] Medvedev N.P. Vliyanie ekstremizma i terrorizma na konfliktogennost Severo-Kavkazskogo regiona [The impact of extremism and terrorism on the conflict potential of the North Caucasus]. *Voprosy Politologii*. 2015; 2 (In Russ.).
- [10] Munich Security Report 2018. To the Brink — and Back? <https://www.securityconference.de/en/discussion/munich-security-report/munich-security-report-2018>.
- [11] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Neighboring countries' images: Persistent stereotypes of the Russian student youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (3).
- [12] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Socialnoe samochuvstvie molodezhi postsocialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexhii): sravnitelnyj analiz strahov, nadezhd i opasenij (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2) (In Russ.).
- [13] Obzor konferentsiy, proshedshih v 2012—2016 gg. v Moskve [Review of the conferences held in 2012—2016 in Moscow]. <http://mil.ru/mcis/2012-2016.htm> (In Russ.).
- [14] Podborka materialov 5 Moskovskoy konferentsiyi po mezhdunarodnoy bezopasnosti, 2016 [Selection of papers of the 5-th Moscow International Security Conference]. https://ria.ru/trend/conference_international_security_27042016.htm.
- [15] Post-Truth, Post-West, Post-Order? www.securityconference.de/de/debatte/munich-security-report/munich-security-report-2017.
- [16] Slizovskiy D.E. Paradoksalnost molodezhnyh nastroyeniy i otnosheniy k vyboram-2016 [Paradoxicality of the youth's attitudes and relations to the election-2016]. *Communicology*. 2016; 5 (In Russ.).
- [17] Slizovskiy D.E., Amiantov A.A. Sotsialno-politicheskiye predpochteniya molodezhi 18—20 let: kontrast mezhdru zayavleniyami i dannostyu [Social-political preferences of 18—20 year-old youth: The contrast between statements and reality]. *Locus*. 2016; 4 (In Russ.).
- [18] Slizovskiy D.E., Medvedev N.P., Shulenina N.V., Kashin, V.M. Issledovatel'skiy proekt: otnoshenie molodezhi k revolyutsii 1917 goda i povliyaet li ono na vybory 2018 [Research project: The youth's attitudes towards the Revolution of 1917, and whether it will affect the presidential elections of 2018]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2017; 1 (In Russ.).
- [19] Speech of the Minister of Defense of the Russian Federation, Army General Sergei Shoigu. <https://www.youtube.com/watch?v=Sb6Z2RTziXY> (In Russ.).
- [20] Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda [The National Security Strategy of the Russian Federation up to 2020]. <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (In Russ.).
- [21] The National Military Strategy of the United States of America, 2015. http://pentagonus.ru/load/3/strategii_i_koncepcii/the_national_military_strategy_of_the_united_states_of_america_2015/31-1-0-1287.
- [22] Trotsuk I.V. Some 'indicators' to 'measure' patriotism in the contemporary world. *Serbian Sociological Review*. 2017; LI (3).
- [23] VI Moscow Conference on International Security. <http://eng.mil.ru/en/mcis/index.htm>.
- [24] What happened at the Munich Security Conference 2017? <http://www.economist.com/news/europe/21717391-under-pressure-donald-trump-herbivores-are-thinking-about-eating-meat-europe-starting>.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА*

Д.Е. Слизовский, Н.П. Медведев

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: de373@mail.ru; medvedev_rudn@mail.ru)

Как мыслят и ощущают политику безопасности не только мировые лидеры, эксперты и ученые, но и представители самых разных социальных групп, зависит ли от их мнения что-либо для понижения градуса международной напряженности? Ответы на эти вопросы — методологический ключ к пониманию всей сложности происходящего сегодня в мире в контексте его глобальной и локальной безопасности. На этом пути, несомненно, должно быть что-то обнадеживающее и снижающее градус недопонимания и недоверия в деле поддержания мира и согласия, даже если мы признаем высокий уровень влияния пропаганды на отношение граждан к вопросу безопасности и связанным с ней проблемам как в России, так и во всем мире. В статье представлен анализ данных, полученных в ходе опросов российских студентов на тему глобальной, региональной, информационной и личной безопасности. Показано, как современное молодое поколение (студенчество) в России реагирует на новости по проблемам международной безопасности, как трактует для себя это понятие и его смыслы, чего ожидает в будущем и к чему стремится. Результаты социологического анализа позволяют утверждать, что оценки российских студентов демонстрируют гораздо более позитивное видение перспективных направлений международного сотрудничества и надежд на совместные усилия ведущих стран мира в деле противостояния угрозам безопасности, чем можно было бы ожидать, учитывая доминирующие дискурсы медийного пространства, политических прогнозов и оценок экспертного сообщества. Возможно, данный срез молодежных представлений не рационален и даже наивен. Однако следует учитывать, что лишь пока социальный статус этой группы не высок, но в ближайшем будущем он вырастет, что обещает важную роль российского участия в общественной и политической международной практике с точки зрения понижения градуса международной конфронтации. Все это дает основания надеяться на развитие и утверждение диалоговых форм отношений, укрепление настроения на путь доверия и совместного противодействия угрозам и вызовам глобальной безопасности.

Ключевые слова: угрозы безопасности; региональная безопасность; личная безопасность; российско-американские отношения; отношения России и ЕС; восприятие российскими студентами проблем безопасности; мнения российских студентов об украинском кризисе

* © Слизовский Д.Е., Медведев Н.П., 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-452-469

PEARL INDUSTRY IN THE UAE REGION IN 1869—1938: ITS CONSTRUCTION, REPRODUCTION, AND DECLINE*

K. Aqil

United Arab Emirates University
P.O. Box 15551, Al Ain, Abu Dhabi, United Arab Emirates
(e-mail: a.kazim@uaeu.ac.ae)

Abstract. The article focuses on the United Arab Emirates' pearl industry during the period of British colonialization of the Arabian Gulf region, and, specifically, during the rise and decline of the pearl industry. The article aims to explore and analyze the development of the pearl industry in the UAE region, how it was constructed and reproduced from 1869 to 1938. One of the objectives of the study is to show that the pearl industry in the UAE region was a social construction in which the minority profited from financing the pearl extraction and export of pearls. The research also reveals political, economic, and cultural factors of the reproduction of the pearl industry. The author shows that it was the colonial power behind the construction and reproduction of the pearl industry that was hierarchically structured. Within the hierarchical structure, the British rule implanted the financiers of the pearl industry, who served at the top level of the hierarchy. Other classes within this hierarchy consisted of local *tujar* merchants, *tawawish* middlemen, *nawakhodha* ship captains, *ghawasim* divers, *siyub* divers' assistants, etc. The research proves the exploitative nature of the pearl industry financial distribution among different strata. The differences within the hierarchy in terms of role, power, myth, and financial distribution further helped this reproduction. In the late 1920s and early 1930s, several factors led to the decline of the pearl diving industry, such as the spread of Japanese cultural pearling. This decline led to the decline of all the classes in the UAE pearling industry and to the rise of new classes related to the oil industry. The article considers a wide range of approaches ranging from statistical, from British archival materials, to discursive analysis of the relationships between colonial and local, rules and citizens, local and non-local, and different strata within the hierarchy of the pearl industry.

Key words: British colonialism; United Arab Emirates region; pearl industry; pearl industry construction; pearl industry reproduction; organizational hierarchy

The UAE is situated on the Arabian Gulf. It is about 83 thousand square kilometers, with a population of about 10.5 million as of 2018. It is comprised of 7 emirates: Abu Dhabi, Dubai, Sharjah, Ras Al-Khaimah, Fujairah, Ajman, and Um Al-Quwain. The UAE became independent on December 2, 1971; for about 150 years prior to this it had been under the British mandate. During this period, the UAE region had been reliant on the traditional economy including trade, agriculture, fishing, and, later on, the pearl industry.

First, the author analyzes pearls as a commodity embodied in social relationships; second, demonstrates that the pearl industry was socially and discursively constructed; third, shows how British colonialism constructed the pearl industry; fourth, analyzes

* © K. Aqil, 2018.

the hierarchical structure of the pearl industry and the role of its different strata; fifth, identifies main causes of the decline of the pearl industry, and its consequences for different social strata within the pearl industry. Methodologically, the study is based on the social-discursive analysis in understanding the pearl industry. This means that the author analyzes political, economic and cultural construction of the pearl industry in relation to socially constructed power relations within it. This approach allows to identify different discourses within the pearl industry strata.

The study implies several other approaches to the analysis of the pearl industry. One approach is social-historical. The author considers the pre-colonial and colonial periods of pearl production in the region, which allows to see the colonial role in its construction. The second approach takes into account political, economic and cultural construction of the pearl industry, and the strata within it. The third approach considers the pearl industry within the global context. In addition, the study uses macro-analysis to cover different social-historical periods. Micro-analysis is also used to explain each stratum in relation to other strata within the colonial discourses. The sixth approach is comparative: pre-colonial and colonial periods are compared, and different strata are compared. The seventh approach is statistical: the figures from the archives help to describe the pearl industry production and reproduction.

The article is divided into three parts. The first part shows how the pearl industry was constructed in 1869 in relation to earlier periods. The second part examines different strata involved in the industry, its revenue distribution, and its hierarchical structure, and explains how the pearl industry continued to reproduce itself discursively for such a long period. The third part considers global and regional factors of the decline of the pearl industry, and its consequences for the UAE economy in general, for the pearl industry's social strata, and the UAE relations with British colonialism.

CONSTRUCTION OF THE PEARL INDUSTRY

To understand the importance of the pearl industry for the UAE society during the period before the UAE independence from British colonialism (December 2, 1971), it is necessary to describe how the industry was constructed (1). The pearl industry had existed in the Arabian Gulf long before this period, and the Classical Arab writers, in fact, often referred to the pearl industry and how it functioned. During the Classical Period (620—1500), however, the industry coexisted with other productive economic sectors in the Arabian Gulf. Writers such as Al-Idrisi and Ibn Battuta also describe a pearl industry structured very differently from the one established in the UAE region in 1869—1938. In his book, *Nazhat al-Mushtaq* (1100), Sharif al-Idrisi provides details about pearl fisheries that existed in the Arabian Gulf at that time. His descriptions include the personnel involved, locations of the pearl banks, and activities of the fisheries [6. P. 387—391]. Ibn Battuta in 1300 also discussed pearl fisheries in the Arabian Gulf. He described the locations and techniques of pearl diving, crews of the pearling ships, etc. [38. P. 290]. Both al-Idrisi and Ibn-Battuta describe the extensive commerce characterizing the Arabian Gulf during the corresponding periods. The exports of the Arabian Gulf commercial cities during that period included agricultural products, crafts,

textiles, etc. The UAE and Oman region, in addition to this, had a prosperous ship-building industry. It was also a maritime center on the Indian Ocean; its trading cities were entrepôts, or intermediary trading centers, for the export of the Muslim regional products, and the re-export of other goods such as Chinese porcelain, Indian spices, etc., as well as pearls. Its commercial stratum heavily invested in the Indian Ocean commercial enclaves and regional inter-trades [12. P. 35—55].

Marco Polo, travelling to the Arabian Gulf in the late 1270s, did not consider pearling an important sector of the Arabian Gulf economy, he did not mention it as an important source of income for the Gulf region, but he did mention the Gulf commercial cities, such as Qais, as important entrepôts of trade between the Abbasids and India [25. P. 650]. Ma Huan, who in 1413 accompanied Cheng Ho in the Indian Ocean voyages of the 1400s that the Emperor Yung Lo ordered, returned to China with a detailed description of the commercial cities of the Arabian Gulf, such as Hormuz. He went into some detail about the strata comprising the society of Hormuz. According to Ma Huan, Hormuz as a society included physicians, artisans of all kinds, and entertainers. Ma Huan also named an agricultural stratum when he mentioned that the agricultural area of Hormuz produced several kinds of fruits and vegetables, but he did not mention the pearl sector. However, Ma Huan visited the Hormuz market place, and there he saw precious stones from many different parts of the world offered for sale, and utensils made out of jade and crystal. He also found such textiles as velvets, brocade, silks, and woollens [31. P. 165—172]. During this period, Hormuz was connected with both cities along the Central Asian silk route, and with commercial cities in the UAE region and Oman, such as Suhar, Khur Fakkan, Qalhat, and Julafar, all of which functioned as satellites to Hormuz [16. P. 57].

After 1500, the Indian Ocean was seized by the European colonial powers such as the Portuguese, Dutch, British, and French. However, in 1869—1938, the export of pearls became the only source of income for both the UAE region and the Arabian Coast of the Gulf due to the process by which the Portuguese entered the Indian Ocean/Arabian Gulf in 1497, and the Dutch and British in the early 1600s, and the subsequent British colonial process, which shifted trade routes, destroyed the UAE and the Arabian Gulf region's long-distance merchant stratum, and engendered the concomitant impoverishment of the agricultural sector, and even of the tribal-pastoral sector. For example, in the early 1800s, the Al-Qawasim tribal confederation of the UAE's region possessed a fleet of more than 500 vessels and a population of 390,000. During the 1819 war between the British and Al-Qawasim (2), most of the commercial ports and commercial fleets of the UAE region were destroyed by British colonialism [10. P. 26—27; 11. P. 77]. As a result of the British-imposed type of their economy under the treaties, the people of the UAE region faced poverty. The increased impoverishment of the UAE region could be seen in the early 1900s, when the Al-Qawasim had only forty non-pearl, non-fishing vessels and Al-Qawasim population fell to 50,750 [10. P. 26—27; 11. P. 77; 29. P. 6; 30. P. 18].

Aside from the fact that pearls became the UAE region's most important export commodity during 1869—1938, the significance of the pearl industry for the economy

of the UAE increased, as seen in both the rise in the monetary value of pearl exports between 1744 and 1913, and in the percentage of the male population employed in it. In 1744, for example, the exports of pearls from the entire Gulf region amounted to 50,000 English Pounds. By 1874/1875, the value of these exports had reached 734,000 English Pounds. For 1903/1904, these exports amounted to 1,434,000 English Pounds. By 1912/1913, the value of the Gulf region pearl exports had reached 2,000,000 English Pounds [7. P. 8]. The UAE region's total population amounted to 200,000 during the 'heyday of the pearl fisheries' in 1912—1913, when the revenues from pearl exports were at their highest. Until the outbreak of World War II, 80 percent of UAE labor force was engaged in the pearling sector, not only as crew members on pearling ships, but also as ship builders, vendors of water, rice and spices to supply the ships, etc. The remaining 20 percent of the labor force worked in agriculture, fisheries, etc. [7. P. 8; 9. P. 6, 11; 29. P. 2256; 40. P. 63].

Aside from recruiting a significant percentage of the male labor force in general, the pearl industry specifically diverted a large percentage of the male labor force from the agricultural sector. Thus, at the beginning of the pearling season, there was a large migration of males northward, from Al Ain and other agricultural regions such as al-Liwa to the Coastal UAE, and a reverse southward migration of women from the Coastal UAE region to Al Ain and other agricultural areas to participate in harvesting [1. P. 514—520; 17. P. 169]. This situation indicated that the recruitment of male labor force in the pearl industry was so extensive that women had to do all works during harvesting including the traditionally done by men. The increased demand for Gulf pearls in Europe also led to the recruitment of crew members on pearling dhows from the tribal-pastoral sector of the UAE economy at the end of the nineteenth century [23. P. 200].

The massive recruitment in the pearl industry of men from both agrarian and tribal labor force of the UAE region in the nineteenth century was determined by the ongoing decline of trade and, thus, the impoverishment of the agrarian and tribal-pastoral sectors. The Abu Dhabi income from the pearl sector reached 95 percent in the early 1900s, and this was also true for other emirates. This meant that agriculture was now mainly aimed at local consumption rather than long-distance export. Nor did the tribal sector continue to play its supportive role for overland long-distance trade which lost its importance in the colonial era. Thus, both sectors ceased to earn surplus, and men from agrarian and tribal labor forces sought employment in the pearl industry, which under British colonialism became the only important sector in UAE region's economy [17. P. 179].

The construction of the pearl industry had to be described in the context of the British installation of regular steamer service in the Arabian Gulf after 1862, first as a mail service, and later as a cargo and passenger service as well. In 1862, the British India Company (BI), a private company receiving subsidies from the British Government of India, won a contract from Bombay for providing mail service between Calcutta, Bombay and Karachi in India, and Basra and other ports on the Arabian Gulf [27. P. 25—26]. Mackinnon Mackenzie and Co., which managed BI's trade services along the Indian Coast, took responsibility for establishing BI operations in the Arabian Gulf. In 1865, Mackinnon Mackenzie (MM) & Co. and BI established the enterprise of Gray, Paul

and Co. as their agency in Bushire and Bandar Abbas, then established agency in Basra in 1869, and later an office in Lingeh, a city within Qasimi territory on the Persian littoral of the Arabian Gulf. This port served as a transshipment center for traffic to and from Bahrain and UAE and other ports in the Gulf region [26. P. 149].

To ensure that the Gulf ports for BI ships could pay for the imports from Britain, the BI began to encourage most of the Gulf ports to develop their own cash commodities for export mainly by providing them with shipping and investments. In Bushire, whose imports usually exceeded exports in value in 1865—1870s, the chosen cash commodity was opium due to the ready market in Hong Kong, Singapore, and later in Britain and the US. In addition, Bushire was important for Gray, Paul and Co. as a significant importer of British goods such as cotton goods, shirting, copper and arms [27. P. 36—38]. Bandar Abbas also was a significant export depot for Persia's opium. Basra was another significant importer of British goods, its trade was also important to Gray, Mackenzie and Co. for exports to Europe, America, and Australia. On the other hand, Lingeh's initial importance for Gray, Paul and Company can be explained by its function as a port of mail delivery [27. P. 41—42, 44—47]. However, Lingeh became a very significant pearl exporter for all the pearls from the banks of UAE region were exported to British India via that port. This trade began to decline after the end of the pearling season of 1901—1902 due to stricter customs regulations that the officials of the Qajar shah [13. P. 220—228] (who had taken Lingeh from the Al-Qawasim in 1887 [33. P. 242]), imposed after that year. Dubai began to gain significance as an Arabian Gulf port after 1887, when the port of Lingeh, to which it had hitherto been linked, begun to decline and Dubai became a major port for steamers [35. P. 774]. Prior to the decline of Lingeh, during the rule of Sheikh Hashar bin Maktoum (1859—1886), Dubai was becoming an important port where pearls of the UAE region were exported by pearl merchants. After the decline of Lingeh, however, the pearl merchants of the UAE region used the Dubai port to export pearls directly to the Moti Bazaar pearl market in Bombay.

Because the UAE and Gulf region lacked the financial capability to invest in the pearl industry as the only cash commodity after 1869, the British colonials reconstructed the pearl industry (so that it was no longer indigenous merchants who invested in the industry), sold pearls within the Indian Ocean commercial system, and set the price for pearls. It was now an external commercial force sponsored by the British that made investment, set prices, and sold pearls in Europe. The British used natives from elsewhere in the Indian Ocean as instruments for the British control of the UAE economy. British colonialism was able to fit these 'natives' into the UAE region's economy after gaining political control of the UAE, completing the destruction of the UAE long-distance trade stratum, and reconstructing the pearl industry into a major export industry for the European and North American markets.

The 'natives' from elsewhere in the Indian Ocean who became prominent in the pearling sector were Banyan merchants from India. They comprised a specific stratum within the British hegemonic structure that was constructed in relation to the English East India Company's penetration in the Indian Ocean and the Arabian Gulf during

the 17th century. Typically, a Banyan merchant initially had a certain amount of capital to invest and took an opportunity of attaching himself to an East Indian Company merchant or official, starting with the lower positions in the Company hierarchy and moving to more important ones as he gained capital and experience. During the 18th century, Banyan merchants in the East India Company served as cross-cultural agents for the commercial affairs or sometimes contributed capital to a commercial venture that a Company official entered on his own account and shared the profits. Banyan merchants benefitted further during the late 18th century because as company servants they enjoyed the same exemptions that the British did from tolls on transported goods in and out of the Mughal Empire [19. P. 175]. During the 19th century, members of Banyan merchant families often became full partners with British entrepreneurs in banking, insurance, shipping centers and commercial agency houses.

Banyan merchants increased their activities in the UAE region after the arrival of the steamer in the Gulf region after 1869 [1. 82; 34. P. 169], as the pearling industry grew as a result of increased capital investment and because pearl exporters created the demand for pearls in Europe, just as the British East India Company in 17th and 18th centuries created the demand for other Indian Ocean commodities such as textiles, spices etc. [12. P. 122—123]. Banyan merchants, both in Bombay and in the Arabian Gulf, served as the main financiers of the pearl industry for their partnership with British entrepreneurs had provided them with capital, they enjoyed special protection as British subjects, and because Muslims were forbidden by the Islamic Law from charging interest rates [1. P. 105]. Pearls became the main export commodity in the UAE and in the rest of the Arabian Gulf after 1869, and the peak period for pearl exports was in the 1870s and through the 1920s until the collapse in 1938 [7. P. 8]. Banyan merchants also dealt with textiles, but more importantly, in the Arabian Gulf and India they served as financiers of this industry by lending money to local *tujar* merchants from the Arabian Gulf who sold pearls they had bought from smaller merchants to Banyan pearl exporters at the Moti Bazaar in Bombay [1. P. 82]. The Banyan merchants also controlled the process of preparing pearls for export to Europe, i.e. categorization, polishing, bleaching, drilling, packaging, etc. They exported pearls to London, Paris, and New York from Bombay [1. P. 82—83; 21. P. 171; 29. P. 2240; 40. P. 64—65], thereby controlling their price on the world market. The Banyan exporters also unilaterally set the price they paid for pearls shipped to India from the Arabian Gulf, or brought there by *tujar* or *tawawish* merchants, *tawawish* usually bought pearls from the *nawakhodha* captain to sell to *tujar* or *tawawish* merchants [2. P. 67]. *Tujar* or *tawawish* could be local or Banyan. Among *tujar* merchants, it was usually the Banyans who lent money to local *tawawish* pearl merchants in the Arabian Gulf and sold pearls from the Gulf to the Bombay exporters. Some of the *tawawish*, or pearl merchants who did not own dhows and obtained pearls either directly from fleets or from smaller local sellers on shore, were also Banyan [29. P. 2236]. The interest rates that the Banyan *tujar* charged the local *tawawish* or *tujar* merchants often amounted to 25 percent and sometimes more than 35 percent [36. P. 138].

THE STRUCTURE AND REPRODUCTION OF THE PEARL INDUSTRY

In terms of the actual work of the pearl industry, pearling ships or dhow were usually owned by *tujar* merchants or *tawawish* though some were also owned by *nawakhodha* captains (4) [5. P. 11]. Sometimes, the *nawakhodha* would be hired by *tujar* or *tawawish* merchants for pearling. The wealthier pearl merchants owned a large number of ships [39. P. 10—11]. Financially the pearling industry was a hierarchy. Both the local *tujar* and *tawawish* merchants borrowed from the Banyan *tujar* financiers, and, in turn, *tawawish* merchants extended advances to *nawakhodha* captains of the pearl ships [29. P. 2227]. The *nawakhodha* used these advances to make payment advances to *ghawasin* pearl divers and *siyub* who were responsible for hauling each diver out of the water at the end of each dive. These advances to the pearling ship's crew took the combined form of coin, rice and coffee. One of these cash advances called *salafiyah* was at the beginning of the pearling season and was to support the diver's family when the diver was at sea, and the second called *tisgam* was at the end of the pearling season to support the diver's family during the off-season period, when the diver was not working. The third advance was called *kharjiyyah* and served as pocket money for the diver and his family until the next season, and it was given in anticipation of the diver's commitment to the *nakhodha* captain for that season. The size of the sib's advances amounted to a third of those allocated to the ghawas [39. P. 25].

The pearl-diving season normally lasted from May to September, or from June to October, when the waters of the Arabian Gulf were warm enough for diving. The peak season, called *al-ghaws al-kabir*, or 'the great dive', lasted from early June to September. It was during this period that all the dhows went to *al-maghasat*, or the pearl banks, and that the greatest number of oysters was collected.

On the pearling ship, together with *nakhodha* and several *ghawasin*, or divers, the crew included the *mujddimi*, who was second in command and responsible for discipline on the ship, and the *siyub*, who were responsible for hauling divers out of the sea by rope. The largest pearling ships had additional crew members. These included *rawadif*, or assistants, to carry out such duties as helping *siyub*, cleaning, and attending to the *nakhodha*'s request, and *jelasin* who were employed to lay open the oyster shells or to be on standby to replace *siyub* during their prayers or other works. Each pearling ship crew also included *tabbakh*, a cook, and *tabbabin*, or youths who helped the crew to open the oyster shells and served water and food [37. P. 51]. The *tabbabin* were usually the sons of *nawakhodha*, *ghawasin*, or *siyub*, who later adopted their fathers' occupations [1]. The pearling ship's crew also included the *nahham*, or singer, whose job was to lighten the work on pearling dhows by singing or leading the other crew members in song [8. P. 26]. Usually, these songs were related to pearling, their rhythm reminded of the waves, and they depicted the hardship of the industry as well as the joy at completing the season. Each crew member on the pearling ship had a specific job title and a specific role under the supervision of *nakhodha* captain and his *mujddimi* [24. P. 335].

Each pearling ship was theoretically a profit-sharing venture, but the reality was that the lower strata of the pearling hierarchy remained in debt. A description of how revenues

in the pearling industry were disposed illustrates this. If a *tawwash* borrowed money from a Banyan *tajir* merchant, and then made a cash advance to a *nakhodha*, then *nakhodha* sold to the *tawwash* the season's catch of pearls at a 15 to 20 percent discount as a repayment of both the sum that the *tawwash* had advanced, and what tacitly amounted to interest on the cash advance. The *nakhodha* then divided these proceeds between himself and the rest of the crew. If the *nakhodha* owned the ship, his earnings amounted to a fifth of the revenue from the sale to the *tawwash*. Out of the remainder of the total revenue, minus the *nakhodha* earnings, were paid taxes to the ruling *sheikh*, travel expenses, and the shares of each member of the crew. The monetary value of each individual share was calculated first by the total number of shares to be paid to the crew. This was done by multiplying the number of individuals in each crew by the number of shares to which each was entitled. The *nakhodha* and *ghawas* were entitled to three shares each, for example. Each *sib* was entitled to two shares, the *radif* and *jalas* to one share each, and the *tabbab* to none. The sum of revenue (minus the owner's one fifth) left after paying taxes to the ruling *sheikh* and travel expenses would be divided by the total number of shares to which the crew members were entitled. That would yield the monetary amount of each share, and payment to each crew member [15. P. 451; 18. P. 119—120; 29. P. 2232—2233; 39. P. 55] (5).

It was the pearl merchants who reaped the profits, while the extractors of pearls were chronically in debt. The most privileged in this hierarchy were the Banyan *tujar* financiers and exporters in Bombay. An example of the substantial profits that were made from the exports of Gulf pearls to Europe can be seen in the Kumzar Pearl Case of 1899—1901. Here, a valuable Gulf pearl was sold to local Sharjah merchants for about 2,668 rupees, but once it had been sold to Bombay exporters it was valued as 400,000 rupees for sale to Europe [29. P. 2243, 2252]. Another Gulf pearl was purchased by Miss Barbara Hutton in Paris after 1926 for a price of 200,000 rupees [14. P. 29].

There were also wholesale *tujar* merchants, local or Banyan, who made the substantial profits from purchasing vast numbers of pearls from both larger and smaller *tawawish* merchants and selling to the Banyan exporters at the Moti Bazaar in Bombay. Since these exporters charged such astronomical prices for the Gulf pearls they sold to the European markets, they were able to buy pearls from the *tujar* or larger *tawawish* merchants at substantially higher prices than the latter two paid for them. Some of these wholesale *tujar* merchants, most of them Banyan, also made monetary advances or loans to *tawawish*. Merchants who financed the pearl industry could make profits of 20 to 70 percent on these loans [9. P. 28].

The *tujar* merchants, advanced funds to the *nawakhodha* for the purchase of the ship's supplies during the pearling season, and sometimes owned several pearling ships. This meant that a given *tawawish* was both likely to reap tacit interest on the advances to the *nawakhodha* by purchasing pearls from him at a discount price, and to obtain back the sum of one fifth of his payments to the captains for the pearl catches as the owner's share. Furthermore, the *tawwash* got additional profit in selling pearls to the *tujar* merchants [29. P. 2236]. The *tujar* merchants also bought pearls from the smaller *tawawish* merchants who were shore-based and did not own ships,

and who purchased pearls to sell them to other merchants at constantly increasing prices. All but the smallest *tawawish* merchants made as much as a tenfold profit on their pearls with every sale to a larger *tawawish*. The smallest *tawawish* merchants bought pearls directly and cheaply from the *nawakhodha* who had not borrowed enough money to sustain the ship's food supply for the season. Larger *tawawish* merchants bought pearls from smaller ones, and the largest ones either sold pearls to the *tujar* or sometimes went to Bombay [9. P. 28]. Local *tujar* or *tawawish* merchants selling their pearls in India did so with the help of the *dallal* who was usually from the Arabian Gulf but had settled in Bombay. The *dallal* kept himself familiar with pearl market conditions and knew the prices at which different types of pearls could be sold. He earned his commissions both from the Banyan exporters in the Moti Bazaar and from the *tujar* and *tawawish* merchants from the Arabian Gulf by linking them together and mediating in setting the price of pearls [1. P. 80—83].

With the profits of the pearl merchants, Banyan exporters and Banyan financiers, there was the chronic indebtedness of the *nawakhodha* and *ghawasin*. The *nawakhodha* were rarely able to harvest a haul of pearls sufficient to pay their debts to the *tawawish* or to buy more than a bare subsistence [18. P. 111]. As mentioned above, the *ghawasin* and *siyub* obtained the *salafiyah*, *tisgam*, and *kharjiyyah* advances to support themselves and their families during the year. However, once the revenue actually earned from the sale of pearls was divided among the crew, and the share owed to the owner of the ship was paid, the *ghawas* rarely earned enough even to pay his debt to the *nakhodha* for that year. A *ghawas* debt from one season carried over into the next with a delinquency penalty added on, and this forced the diver to work for that *nakhodha* for the second season, during which he usually got an additional debt. Furthermore, as the divers were usually illiterate, the *nakhodha* could falsify the amount of debt to make it irredeemable. Sometimes, the *nawakhodha* would falsify the accounts of the most productive divers simply to keep them. If a *ghawas* died and left a debt, his sons would inherit it, and this obliged them to become *ghawasin* [39. P. 54—56]. 90 percent of the *ghawasin* were in debt to their *nawakhodha* at that time in the 1920s [21. P. 167]. Furthermore, the Treaty of 1879, signed by the British with each of the UAE regional *sheikhs*, allowed the extradition of any indebted *ghawas* who attempted to escape to another sheikhdom (6) [32. P. 142]. Therefore, the Treaty of 1879 between the British and the regional *sheikhs* made it difficult for divers and pearling ships' crew members to escape their debts, which ensured the ongoing extraction of pearls and, consequently, the continued profits of pearl *tujar* merchants and, most importantly, of the Banyan financiers of the industry who were protected British subjects [12. P. 146].

The *nakhodha* too was constantly in debt, because he borrowed money from the *tawwash* to supply the pearling vessel and to give cash advances to the *ghawas* and *sib*. In fact, his debt situation usually bound the *nakhodha* to the *tawwash* who extended the advance in a manner similar to that which bound the diver to the *nakhodha* [17. P. 178].

Disputes on debts were resolved in a special court that the ruling *sheikhs* established for the pearling industry. This court was under the control of pearl merchants, and it

could state that a *nakhodha* who could not pay off his debts was to lose his boat and his divers [17. P. 179]. As for the *ghawasin*, they never won an arbitration case against the *nakhodha* because it was in the interests of pearl merchants that a *nakhodha* pay a *ghawas* as little as possible in order to enable the *nakhodha* to pay pearl merchants as much as possible in redeemed debts [18. P. 123—124].

The hierarchical structure of the pearl industry can be seen in the distribution of merchants in relation to the *ghawasin*, *siyub* and the other strata physically involved in pearl extraction. In 1903—1913, the total number of large pearl merchants in the UAE region was 950 [9. P. 28]. Out of them, 408 were Indian, 194 — Banyan, and 214 — Khoja, or Indian Muslims. Both the Khojas and Banyans were British subjects and enjoyed special privileges and protection in the UAE region [22. P. 207; 31. P. 2379, 2383]. After the merchants (*tujar* and *tawawish*) came the *nawakhodha*. In 1907, these numbered 1,215. The remaining 20,830 men employed in the pearl industry were *ghawasin*, *siyub*, *rawadif*, *jalasin*, and *tabbabin*. These figures show that the overwhelming majority in the pearl industry were employed in the lowest strata and only a small minority were in the upper strata. It was this majority, and particularly the *ghawasin* and *siyub*, who were the most exploited within the industry not only in terms of indebtedness but also in terms of their treatment.

For the *ghawasin*, pearl diving was a brutally exhausting work. Aside from facing the possibility of paralyzing stings from jellyfish and devil rays, the *ghawas* faced constant submersion in seawater which frequently led to skin rashes [29. P. 2231] and even to blindness. Repeated exposure to water pressure while submerged in rapid contrast with ordinary air pressure after the dive frequently led to suppuration of the eardrums as well as to respiratory hemorrhages. In addition, the *ghawasin* often got rheumatism and arthritis as a result of constant submersion. Many eventually died from these ailments and from sheer exhaustion [17. P. 175].

The work of the *sib* was also difficult. It was *the sib* who propelled the boat by means of rowing in the direction of pearl banks, especially if there was insufficient wind. It was also the *sib's* task to pull the *ghawas* out of the water after each dive and to stay right at the side of the ship at all times to do this as the *ghawas* would otherwise drown. This meant standing all day in the sun and submitting one's hands to rope cuts from pulling every few minutes [1. P. 91].

The ruling *sheikhs* obtained a share of the seasonal revenues from the pearl industry by the nub tax that each *sheikh* put on each pearl ship fishing in the waters under his jurisdiction. This tax was payed either by the *nakhodha* or by the ship's owner. Pearling ships from other towns that came to places such as Umm al-Qawain for provisions for the pearling season also paid a taraz tax to the sheikh [18. P. 120—121]. The nub tax was calculated in accordance with the size of the ship, and the taraz tax — with the size and composition of the crew. Sometimes taxes were paid in kind rather than in cash. When the tax was in kind, payment frequently took the form of bags of rice [29. P. 2284—2284]. The cash tax was calculated similar to the *nakhodha* or *ghawas* share which was equal to three shares of the season profits [35. P. 308]. Because the UAE region *sheikhs* were earning a small amount of tax revenues from

the industry, they probably had little incentive to improving agriculture in their sheikhdoms or trying to maintain pastoral as a viable sector [17. P. 179].

The British role in the pearl industry in the UAE region and in the rest of the Arabian Gulf was mainly protecting the profits of the Banyan pearl exporters and financiers and ensuring the pearl industry's sustainability. The British did these, first, by extending special privileges and protections to Banyan *tujar* pearl exporters and financiers as British subjects. Second, the British imposed the above-mentioned treaty on each UAE regional *sheikh* requiring from each sheikhdom to extradite runaway debtors from the pearl industry. This also protected the profits of the Banyan merchants. Finally, the British assigned warships to patrol the *maghasat*, the pearl banks along the Arabian littoral of the Arabian Gulf, to prevent fighting or other disturbances during the pearling season [18. P. 94]. It was in the British interest to curb forcibly strife that was to develop among the sheikhdoms around shares in the pearl banks for pearls were the UAE only export commodity. This strife was rooted in the manner in which the sheikhdoms were divided by British colonialism (without discernable borders from each other), and in the general poverty that all of the British-imposed treaties determined in the UAE region [12. P. 149—155]. A profitable pearl industry was also important to the British because it ensured the reproduction of the two strata upon which the British relied for the preservation of stability in the Arabian Gulf, namely, the UAE regional *sheikhs* and the Banyan merchants. It also provided employment for the population that might otherwise develop a form of trade more independent of British colonialism or might resist British colonialism.

Pearls as a commodity sold on the world market implied a social relationship in which the minority profited from financing the extraction of pearls and exporting them, while the majority, who were chronically in debt, did the extraction work. Despite the harshness of work aboard the pearling ships and despite the fact that this work was done by the majority within the industry, there was very little collective resistance for several reasons, and this lack of resistance enabled the power relations in the pearl industry to reproduce themselves.

The factors contributing to the sustainability of power relations were economic, political and cultural. Two particularly important economic and political factors were the constant indebtedness of the lower strata of the pearl industry, and that the UAE regional economy and the rest of the Arabian Gulf did not offer alternative works. The economics of indebtedness bound the *ghawasin* and *siyub* to the pearl industry and ensured its reproduction for when a debtor died his sons inherited his debt and were obliged to work for the *nakhodha* as *ghawasin* or *siyub*. Considering the alternative work, the political and economic reality of the European penetration and British colonization had constructed the UAE regional economy and that of the rest of the Arabian Gulf as a producer of a single commodity for the world market. British colonization achieved this with the destruction of the UAE long-distance trade route and with the marginalization of its agriculture. This made escaping to another sheikhdom futile for the *ghawasin* or *siyub* for it could, at best, result in employment with another *nakhodha*. Even this form of resistance was eliminated by the British imposition of the Treaty of 1879 providing extradition among the sheikhdoms of runaway divers and other debtors.

Cultural, economic and political realities of segmentation within the pearl industry and of the UAE region into several sheikhdoms were also factors that helped to preclude consolidated collective resistance on the part of *ghawasin* or *siyub* to their exploitation in the pearl industry. The segmentation of the UAE region itself contributed to this situation because different fleets of pearling dhows represented different sheikhdoms, and the ships were associated with their sheikhdoms rather than with other *ghawasin*. Segmentation also prevailed among the crew members of each pearling ship for each crew consisted of individuals from urban, agrarian and tribal formations, and these individuals tended to differentiate themselves on this basis. For example, the *siyub* were mainly from the Badia (desert), while the *ghawasin* were usually from agrarian and urban areas [36. P. 137]. Segmentation across the industry manifested itself in the fact that the average pearling boat usually had about eighteen crew members only, and there was insufficient communication among crew members of various dhows for the development of consolidated resistance. In addition, the lower strata of the pearl industry were unaware of the extent of their exploitation. Specifically, they knew nothing about the upper strata. *Ghawasin*, *siyub*, *rawdif*, *jalasin* and *tabbabin* were unaware of the profits earned by the Banyan pearl exporters and financiers of the industry in Bombay and in the UAE region, and were only partially aware of the relationship between the *nawakhodha* and *tawawish* for they had relationship with their *nawakhodha* but not with any of the higher strata of the pearl industry.

The segmentation on each boat could also be seen in the fact that all of the *ghawasin* were in competition. In addition, members of the crew were paid at different rates. Whereas the *ghawas* was entitled to three shares of the ship's earnings, the *sib* was entitled to two, the *radif* and *jalas* only to one, and the *tabbab* to none. This made the *sib*, *radif*, *jalas*, *tabbab* and cook view the *ghawas* as being privileged, and made the *tabbab* and cook see all other members of the crew as having advantages over him. These differences too precluded any consolidation of resistance efforts aboard a given ship.

Although political, economic and cultural factors precluded the development of consolidated resistance to exploitation both in the pearl industry at large and among the crew members of pearling dhows other cultural-ideological factors played the dual role both in legitimizing the power relationships between the upper and lower strata of the pearl industry and enabling these power relationships to reproduce themselves, and in constituting a form of individual resistance. These factors were the various myths of the lower strata within the pearl industry. This mythology was a mixture of folklore constructed within the pearling industry itself and of particular interpretation of Islam. The songs chanted by the *nahham*, for example, tended to glamorize the pearling voyage and to praise the *ghawasin* and other members of the crew for their skill and strength; the songs had verses about far-away diving places, beautiful pearls, and the skill and strength of the crew [20. P. 28].

Within the lower strata of the pearl industry, there was folklore blaming the sufferings of the *ghawasin* on supernatural forces such as *shayatin* (demons) and *jan*, rather than on the upper strata [10. P. 85—104]. This mythology legitimized the upper strata of the pearl industry in the eyes of the *ghawasin*, so that they actually believed themselves to be beneficiaries of the controlling strata of that industry rather than exploited

by them. It also constructed the *shayatin* and *jan* as ‘others’ to whom the blame for these sufferings could safely be affixed since, existent or non-existent, *shayatin* and *jan* had no connections to the pearl industry. At the same time, however, these stories about supernatural forces were sometimes constructed to free *ghawasin* from the brutally strenuous work they were doing. In one example, the *ghawas* emerged from a dive stiff and, trembling, acted as if possessed by *shayatin*, and refused to talk until sundown, despite the *matawwa*’s continuous reading of the Qur’an over him. When the *ghawas* finally spoke, it was with the voice of a woman who identified herself as a *shaitanah* (female demon) and warned the other crew members not to let him dive again because he had killed her child while fishing. The ‘*shaitanah*’ warned that if the *ghawas* dived again, she would kill him in revenge. However, she also stated that she had no objection to his being made a *sib*. Obviously, the *ghawas* had constructed this affair to escape from diving which was exhausting and would kill him.

There also were myths about the chance that an exceptional pearl harvest would make the crew rich. The central figure of one such myth was a poor Bedouin who began as a pearl diver, earned good shares of the revenues during each season, eventually became a *nakhodha* and then a pearl merchant selling his pearls in Bombay and China [20. P. 33]. In addition, the *ghawasin* tended to view the vicissitudes of the pearl industry and its revenues and their exploitation as the will of God and entered each pearling season hoping to earn what ‘God might allow’ [7. P. 9]. Finally, just as the ongoing indebtedness of the *ghawasin* and *siyub* enabled power relationships within the pearling sector to reproduce, so did the fact that members of pearling crews made it a point to instill a love for this kind of work in their sons. They did this by bringing them on board pearling dhows for training, re-telling miraculous success stories and instilling in their sons the belief that this sort of work was something that only the exceptionally strong and courageous could do.

THE DECLINE OF THE PEARL INDUSTRY

The Gulf pearl industry began its decline in the late 1920s. By the late 1920s and early 1930s, the Japanese had developed their cultured pearl industry into a global export, and this spelled the demise of the Gulf pearl fisheries altogether [22. P. 197]. This overriding factor in the decline of the Gulf pearl industry developed in conjunction with two others — the onset of the Great Depression, and the decreasing yields from the overfished pearl banks [23. P. 220]. The decline of the pearl industry can be seen both in the decrease in the number of *dhows* from 1904 to 1946, and in the contrasting aggregate revenue figures for pearl exports from the entire Arabian Gulf for the peak year 1912/1913, versus those for 1946. Figures for pearling *dhows* in the UAE region show that 1,215 *dhows* were used in the industry in 1904 [28. P. 2256]. By 1946, this number declined to 250 for the UAE region combined both with Qatar and the pearling ports on the Persian littoral [17. P. 169]. The export value for the Arabian Gulf pearls in 1912/1913 was 2 million GBP. In 1946, that value had plummeted to 62,000 GBP [7. P. 8].

The decline in revenues from the Gulf pearl exports was particularly significant for it engendered the decline of what was left of the UAE larger local merchants’ stratum.

As the pearl industry declined under the impact of the global market for Japanese cultured pearls, the *tujar* and *tawawish*, all of whom had previously become wealthy as pearl merchants, went bankrupt due to their debts to Banyan financiers. Declining pearl revenues made local merchants unable to send a large number of *dhow*s on pearling expeditions for the lack of money to supply them, and due to the declining sales prospects for the pearls in the world market. The decline in revenues also made local merchants indebted to the Banyan *tujar* and exporters who purchased pearls from them and credited them.

In response to the increased Banyan complaints of non-repayment by the local merchants, the British Political Resident intervened in the UAE region during the 1920s and 1930s both to force the ruling *sheikhs* to ensure that local pearl merchants repaid their debts to their Banyan creditors, who were British subjects, and to ensure the safety of the Banyan *tujar* when tensions arose in this situation, for example, in Dubai in 1930, after an influential Dubai merchant Abdallah bin Yusuf lost 150,000 Rs. when his Banyan creditor forced him to sell his pearls in an unfavorable market to pay his debt. After repaying 80,000 Rs., he was arrested in Bombay, placed on trial, and forbidden to return to Dubai until he paid his Banyan creditors the remaining 31,000 Rs. When the ruler of Dubai threatened to seize all the Banyans if Abdallah bin Yusuf was not released, the British Political Resident dispatched the H.M.S. *Lupin* to the Dubai harbor to protect the Britain's Banyan subjects. In 1929, another local merchant, Mohammed Bin Bayat, was declared bankrupt because his debt to the Banyan *tujar* was to 600,000 Rs. Another merchant, Mohammed bin Ahmad bin Dalmuk, was in debt to the merchant Hajji Mohammed Ali Zainal in Bombay because of slow sales of his pearls in Paris. To pay this debt, he was obliged to borrow a sum of 200,000 Rs. from a Banyan merchant Ganshamdeshk at an interest rate of 36 percent [32. P. P. 169].

As for the *ghawasins*, *siyub*, *rawadif*, *jalasins* and *tabbabin*, the decline of the pearl industry determined their displacement from the only steady form of employment that remained available to them no matter how harsh it was. Thus, they became a marginalized stratum finding casual employment as porters or in other positions in the British-controlled import trade [23. P. 250—251]. In some cases, this displacement resulted in their leaving the UAE region.

This history of the decline of the pearl industry illustrates the interrelationship under the colonial period of the British colonialism, Banyan merchants, local pearl merchants, and ruling *sheikhs*. More importantly, it demonstrates how the pearl industry was constructed by the British colonialism through its historical relationship with Banyan merchants. The article describes different strata, revenue distribution and hierarchical construction of the pearl industry to prove that the dependency of the UAE region on the pearl economy continued from 1869 to 1938 and integrated the UAE into the world market with the help of a single commodity. The decline of the pearl industry in the Arabian Gulf, and the global and regional factors for its decline, spelled the demise of the most significant part of the UAE pearl stratum during this period. Subsequently,

the British government intervened more directly in the economic affairs of the UAE region, and correspondingly gave the ruling *sheikhs* regular rent payments through oil concession arrangements. British colonialism also took over UAE region shipping traffic making the city of Dubai entrepots for British goods. The pearl merchants attempted to counteract this trend by the unsuccessful Reform Movement of 1938 in Dubai. This marked the end of the pearl *tujar* and *tawawish*, and the rise of the new *tujar*, who were engaged in the gold trade and the imports and exports of the British goods to the UAE region by the steam ships. The discovery of oil in Abu Dhabi in 1958 and its production set up a new turning point in the UAE region's economy, a new round of integration into the world market economy, and a new structure and process of society's reproduction.

NOTES

- (1) Coastal Oman, Coastal Emirates, Trucial States, Trucial Coast were the names of the UAE region before the establishment of the UAE and during the British domination in the Arabian Gulf.
- (2) The Al-Qawasim were an Arab mercantile system coexisting with a tribal confederation called the Beni Yas and living in the area extending from the boundary of Qatar, southward to Dubai, and westward to Liwa, and the eastward to Al-Ain.
- (3) Qajar Dynasty came to power in Iran in 1794 and lasted until 1924. The customs were reformed for the Qajar *Shah* Mozaffar al-Din needed more revenues and cash to go to Europe for cure, and the Belgian customs adviser M. Naus employed by the *Shah* revised tariffs to produce to provide him with more revenues.
- (4) *Dhow* has no equivalent in Arabic, it is a term used by the Western seamen to denote any of the wide range of local lateen-rigged sailing ships. Arab *dhow*s, such as the larger size *boums* and *baghlah*, the mid-sized pearling *sambuk* and *battil* were of various shapes and sizes reflecting their diverse uses.
- (5) First the *nakhodha* rarely made profit selling his catch of pearls for he usually sold them to the *tawwash* at a discount rate to repay the *tawwash* loan to him. Second, since the *nakhodha* was constantly in debt due to borrowings from the *tawwash* to take care of provisions on the ship, it is unlikely that he was entitled to a portion more than a half of total profits from the catch. Third, it is unlikely that the *nakhodha* was entitled to the same percentage of the revenues for the catch irrespective of whether or not he owned the vessel.
- (6) The *sheikhs* of Coastal Oman signed a mutual extradition treaty among themselves in 1879. This treaty particularly pertained to pearl divers and sailors, who were chronically in debt to their employers. According to the treaty each *sheikh* was obliged to extradite runaway debtors under the threat of the fine and the obligation to pay the runaway's debts. The British government's representative called the 'Native Agent' was to demand the extradition of the runaway and to head the arbitrations if facts about a runaway's case were in dispute.

REFERENCES

- [1] Abdallah Abd al-Rahman, Al-Imarat fi Dhakirat 'Abna'iha. *Al-Hayat al-Iqtisadiyyah* [The Emirates in the Memories of its Sons]. Vol. 2. Economic Life. Dubai: Al-Qara'at lil Jamia lil Nashr wa al Tawzia`; 1990 (In Arab.).
- [2] Aldarura A. *Malama min Tarikh Allula fi al khalij* [The Characteristics of Pearl in the Arabian Gulf]. Markaz Zayed Lliturath wa al Tarikh; 2002 (In Arab.).

- [3] Al-Faris M. *Alawtha` Al Iqtasadiyah fi Imarat al Sa`l, 1862—1965* [Economic Conditions in Coastal Emirates, 1862—1965]. Abu Dhabi: Emirates Center for Strategic Studies; 2000 (In Arab.).
- [4] Al-Ghunaim Y.A. *The Book of the Pearl*. Kuwait University; 1998.
- [5] Al-Hijji Y. *Kuwait and the Sea: A Brief Social and Economic History*. London: Arabian Publishing; 2011.
- [6] Al-Idrisi S. *Nazhat al-Mushtaq*. Vol. 1. Port Said: Maktabat al-Thaqafat al-Diniyyah; N.D.
- [7] Al-Kuwari A.K. *Oil Revenues in the Gulf Emirates: Patterns of Allocation and Impact of Economic Development*. Boulder: Westview Press; 1978.
- [8] Al-Mutawa M.A. *Al-Tanmiyyah wa al-Taghyir al-Ijtima`i fi al-Imarat* [Growth and Social Change in the Emirates]. Beirut: Dar al-Farabi; 1991 (In Arab.).
- [9] Al-Oteiba M.S. *Petroleum and the Economy of the United Arab Emirates*. London: Croom Helm; 1977.
- [10] Al-Qasimi S.M. *The Myth of Arab Piracy in the Gulf*. London: Groom Helm; 1986.
- [11] Aqil K. The rise of Dubai: A social history of the commercial cities in the Gulf. *Encounter*. 2010; 2.
- [12] Aqil K. *The United Arab Emirates A.D. 600 to the Present: A Socio-Discursive Transformation in the Arabian Gulf*. Dubai: Gulf Book Center; 2000.
- [13] Armajani Y. *Middle East: Past and Present*. New Jersey: Prentice Hall; 1970.
- [14] Belgrave C. Persian Gulf — past and present. *Journal of the Royal Central Asian Society*. 1968; 55.
- [15] Belgrave C.D. Pearl diving in Bahrain. *Journal of the Royal Central Asian Society*. 1934; 21.
- [16] Bouchon G., Lombard D. The Indian Ocean in the fifteenth century. Ashin Das Gupta, Pearsons M.N. (Eds.). *India and the Indian Ocean, 1500—1800*. Calcutta: Oxford University Press; 1987.
- [17] Bowen R. LeBaron Jr. The Pearl fisheries of the Persian Gulf. *The Middle East Journal*. 1951; 5 (2).
- [18] Butti O.A. *Imperialism, Tribal Structure, and the Development of Ruling Elites. A Socio-Economic History of the Trucial States Between 1892 and 1939*. PhD Dissertation. Georgetown University; 1992.
- [19] Curtin P. *Cross-Cultural Trade in World History*. Cambridge: Cambridge University Press; 1986.
- [20] Daniels J. *Abu Dhabi: A Portrait*. London: Longman; 1974.
- [21] Harrison W.P. Economic and social conditions in East Arabia. *The Moslem World*. 1924; 14.
- [22] Hawley D. *The Trucial States*. New York: Twayne Publishers Inc.; 1970
- [23] Heard-Bey F. From trucial states to the United Arab Emirates. *The Middle East Journal*. 1951; 5 (2).
- [24] Hibert M. *Musouat al Ghwas wa Al llula fi Al Amarat wa al Khalij al Arabi qable al Nafat* [Encyclopedia of Pearl and Diving in the Emirates Society before Oil]. Vol. 2. Markaz al Drasat wa al Wasaq; 2005 (In Arab.).
- [25] Houtsma M.T., Arnold T.W., Basset R., Hartmann R. *The Encyclopedia of Islam: A Dictionary of the Geography, Ethnography, and Biography of the Muhammadan (Muslim) Peoples*. Leiden: E.I. Brill; 1913.
- [26] Hussian A. *Tajarat Dubai bina Mustahil al qaran al Ashreen wa Muntasafeh* [Dubai Trade Between the Beginning of the Twentieth Century and its Middle: A lecture organized by the Dubai Municipality]; 2013 (In Arab.).
- [27] Jones S. The management of British India steamers in the Gulf, 1862—1945: Gray Mackenzie and the Mesopotamia Persian Corporation. *The Gulf in the Early 20th Century*. R.I. Lawless (Ed.) Durham, England: Center for Middle Eastern & Islamic Studies: University of Durham; 1986.

- [28] Lorimer J.G. *Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia*. Vol. 1: Historical Part. Westmead, England: Gregg International Publishers Ltd.; 1970.
- [29] Lorimer J.G. *Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia*. Vol. 2: Geographical and Statistical. Croom Helm; 1977.
- [30] Lotiskiyavitch F.K. *Al-Imarat al 'Arabia al-Mutahidah* [The United Arab Emirates]. Trans. by H. Ishaq. Damascus: Dar Maisel; 1979 (In Arab.).
- [31] Ma Huan. *The Overall Survey of the Ocean's Shores*. Transl. and ed. by Feng Ch'eng-Chun. Cambridge: Cambridge University Press; 1970.
- [32] Mann C.C. *Abu Dhabi: Birth of an Oil Sheikdom*. Beirut; Khayats, 1969.
- [33] Molly Izzard. *The Gulf: Arabia's Western Approaches*. London: John Murray; 1979.
- [34] Morsy A.M. Changes in the economy and political attitudes, and the development of culture on the coast of Oman between 1900 and 1940. *Arabian Studies*. 1975; 2 (In Arab.).
- [35] Mustafa H. *Musouat al Ghwas wa Al Ilula fi Al Amarat wa al Khalij al Arabi qable al Nafat* [Encyclopedia of Pearl and Diving in the Emirates Society before Oil]. Vol. 1. Markaz al Drasat wa al Wasaq; 2004 (In Arab.).
- [36] Mutuwali M. *Hawdh al-Khalij al-'Arabi: al-Awdha`al-Siyasiyyah wa al-Iqtasadiyyah* [The Arabian Gulf: Political and Economic Conditions]. Vol. 2. Cairo: Anglo-Egyptian; 1981 (In Arab.).
- [37] Niblock T. (Ed.) *Social and Economic Development in the Arab Gulf*. London: Croom Helm; 1980.
- [38] *Rehlat Ibn-Batuta*. Beirut: Dar al-Kutub al-'Almiyyah; 1992 (In Arab.).
- [39] Rumaihi M.G. The mode of production in the Arab Gulf before the discovery of oil. Niblock T. (Ed.). *Social and Economic Development in the Arab Gulf*. London: Croom Helm; 1980.
- [40] Said-Zahlan R. Hegemony, dependence and development in the Gulf. *Social and Economic Development in the Arab Gulf*. Niblock T. (Ed.). London: Croom Helm; 1980.
- [41] Villiers A. *Sons of Sindbad*. UK: Arabian Publishes; 2006.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-452-469

ИНДУСТРИЯ ЖЕМЧУГА В ОАЭ В 1869—1938: СОЗДАНИЕ, ВОСПРОИЗВОДСТВО И УПАДОК*

К. Агил

Университет Объединенных Арабских Эмиратов
15551, Аль-Айн, Абу-Даби, Объединенные Арабские Эмираты
(e-mail: a.kazim@uaeu.ac.ae)

В статье рассматривается индустрия жемчуга в Объединенных Арабских Эмиратах в период британской колонизации Персидского залива, и особый акцент сделан на причинах расцвета и упадка данной индустрии. Автор стремится реконструировать логику развития индустрии жемчуга в регионе ОАЭ, причины ее становления и воспроизводства в период с 1869 по 1938 годы. Кроме того, в статье показано, что социальная структура индустрии жемчуга в ОАЭ позволяла меньшинству получать выгоду от финансирования добычи жемчуга и его экспорта. Автор подчеркивает значение политических, экономических и культурных факторов в воспроизводстве индустрии жемчуга, отмечая, что

* © Агил К., 2018.

именно колониальный режим ответственен за ее создание и воспроизводство в таком формате, который всегда имел жестко иерархическую структуру. Именно иерархическая модель позволила британскому режиму ввести в индустрию жемчуга финансовых игроков, которые оказались на вершине этой социальной пирамиды. Другие группы в этой иерархии состояли из местных туджаров (купцов), тававишей (посредников), навакходха (капитанов судов), гхавасинов (ловцов жемчуга), сийюбов (помощников ловцов жемчуга) и др. Автор настаивает на том, что именно механизм распределения финансов между вовлеченными в индустрию жемчуга акторами обусловил ее эксплуатационный характер. А различия в иерархических позициях всех участников индустрии с точки зрения их ролей, власти, мифов и финансовых потоков лишь поддерживало воспроизводство индустрии. В конце 1920-х — начале 1930-х годов целый ряд факторов привел к упадку индустрии, основанной на труде ловцов жемчуга, в частности, развитие японской индустрии не добычи, а выращивания жемчуга. Этот упадок обусловил разорение всех групп, формирующих индустрию жемчуга в ОАЭ, и появление новых страт благодаря нефтедобыче. Автор опирается на разнообразные подходы и источники, начиная от статистических данных из британских архивов и заканчивая дискурсивным анализом взаимоотношений между колониальными и местными практиками, а также юридическими и неформальными аспектами взаимодействия местных и неместных групп внутри иерархически организованной индустрии жемчуга.

Ключевые слова: британский колониализм; Объединенные Арабские Эмираты; индустрия жемчуга; создание индустрии жемчуга; воспроизводство индустрии жемчуга; организационная иерархия

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-470-480

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (результаты сравнительного проекта)*

В.Н. Иванов, М.М. Назаров, Е.А. КублицкаяИнститут социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, 6-1, Москва, 119333, Россия

(e-mail: vilen_ivanov@bk.ru; vy175867@yandex.ru; eakubl@yandex.ru)

В статье приводятся результаты сравнительного анализа политико-идеологических представлений российского населения относительно ценностей свободы, демократии, социальной справедливости, роли государства и др. Временная перспектива анализа охватывает почти четверть века — замеры осуществлялись по единой методике среди жителей Москвы в 1992 и 2016 году. Результаты сравнительного исследования фиксируют, что структура отношения к базовым политическим ценностям не претерпела кардинальных изменений. В российском обществе продолжают существовать различные, зачастую полярные представления социально-политического плана, что ярко проявляется при противопоставлении свободы и неравенства, демократии и социализма, социальной справедливости и индивидуализма. Характерно, что доли респондентов, высказавших противоположные оценки, оказалась примерно равными. Вместе с тем зафиксированные в конце прошлого века представления об исследуемом перечне оценочных суждений не остались неизменными, прежде всего это относится к оценке роли индивидуальной активности в формировании жизненной траектории: наблюдается рост поддержки утверждений о значимости индивидуализма при противопоставлении его социальной справедливости или ожиданиям различных видов государственной поддержки. Результаты многомерной статистической классификации показали, что правомерно говорить о наличии среди респондентов нескольких групп с разными политико-идеологическими ориентациями — от сторонников либерально-демократических идей до отдающих предпочтение социалистическим ценностям. При этом в большинстве групп серьезную поддержку продолжают находить патерналистские идеи советского периода — представления о значимости социальных гарантий и роли государства.

Ключевые слова: политические ценности; свобода; равенство; идеология; политическая культура; социальная справедливость; массовое политическое сознание

При обсуждении вопросов развития современного российского общества мы неминуемо выходим на проблематику базовых политических ценностей, в том числе представлений о демократии, государстве, рынке, индивидуализме, социальной справедливости, социализме и др. Актуальность этой проблематики связана с тем, что кардинальные трансформации социального порядка, которые

* © Иванов В.Н., Назаров М.М., Кублицкая Е.А., 2018.

происходят в нашей стране на протяжении последних нескольких десятилетий, с очевидностью находят свое проявление в ценностной сфере. Соответственно, возникают следующие вопросы: Каково отношение общества и его групп к ключевым ценностям социально-политического порядка? Какова динамика этих представлений во времени? Можно ли выделить устойчивые типы ценностей, которые присущи тем или иным социальным группам, и идентифицировать значимые ценностные субкультуры? Ответы на эти вопросы позволят принимать более продуманные решения в области социального управления.

В фокусе исследования находятся политические ценности, разделяемые в обществе или отдельных социальных группах. Базовые политические ценности лежат в основе конкретных установок, предпочтений, оценок в политической сфере, придавая им целостность и согласованность. На эмпирическом уровне предметом исследования являются политические установки, которые часто определяются как базовые политические ценности. Последние основываются на согласии с нормами, в соответствии с которыми должны функционировать государство и социальные институты. Фактически речь идет об изучении политических установок и ценностей как составляющих идеологий.

В работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области: генезис и эволюция распространенности отдельных политических ценностей среди населения в целом и в различных социальных группах [1; 8; 9]; специфика политических представлений в связи с социокультурной дифференциацией по типу поселений [2]; политические ценности как основания партийно-политических идеологий [6]; отличия в отношении к политическим ценностям среди россиян и граждан других стран [4; 8]; методология изучения политических ценностей и представлений [7; 14].

Зарубежные исследования политических ценностей имеют продолжительную традицию. Так, согласно результатам исследований, идентификация населения с конкретными политическими ценностями не соответствует строго структуре наиболее влиятельных идеологических систем [12].

Степень соответствия ценностей массового политического сознания наиболее распространенным в обществе идеологическим системам зависит от состояния и фактических «координат» политической ситуации [15]. В структуре политических идеологий традиционно выделяют так называемые «левые» и «правые», либеральные и консервативные воззрения [11]. Вместе с тем взгляды на содержание и структуру политического сознания претерпевали изменения. По современным оценкам, политические воззрения людей с трудом могут быть организованы в координатах какого-либо одномерного континуума [13]. Актуальной оказывается задача изучения многомерной картины политико-идеологических представлений.

В рамках исследования было зафиксировано отношение людей к базовым политическим ценностям в двух временных точках — в 1992 и 2016 году. Как известно, для перестроечного и последующего периодов новейшей российской истории характерна важная роль средств массовой информации (СМИ) в трансформации общественных настроений [5]. При этом информационное пространство выступает не как арена обмена мнениями, диалога разных групп общества, а как

инструмент доминирования. Среди основных функций СМИ перестроечного периода можно выделить переопределение базовых ценностных констант советского общества — на первый план были выдвинуты ценности демократии и рынка, т.е. информационное пространство стало отражением борьбы идеологий — от традиционной социалистической до радикально-либеральной. Эти идеологии служили основой укрепления сложившихся ранее или формирования новых политико-идеологических представлений у разных групп населения. В рамках исследования мы исходим из расширительной трактовки идеологии как совокупности идей, социальных ценностей, представлений, чувств и верований, делая особый акцент на роли идеологических институтов, которые воспроизводят социальные идентичности и легитимируют властные отношения.

Учитывая эти обстоятельства, на этапе разработки инструментария были использованы текстовые фрагменты из СМИ: применялась двухступенчатая процедура отбора эмпирических индикаторов, выявляющих установки индивидов по отношению к политическим ценностям. На первом этапе было отобрано 100 текстовых фрагментов, опубликованных в популярных тогда газетах и журналах и касающихся проблем, которые были предметом острой политической полемики и представляли собой своеобразные полюса политических ценностей, оказавшихся в фокусе общественного внимания. На втором этапе с помощью процедуры экспертного оценивания были отсечены высказывания, содержащие двусмысленности, и обосновано включение в инструментарий высказываний, максимально дифференцирующих аудиторию. Таким образом, выбор конкретных переменных определялся тем, что все они были важными элементами наиболее влиятельных на тот период идеологий и имели большой дифференцирующий потенциал:

1 — «Главное, чтобы люди надеялись на самих себя и перестали ждать помощи от государства»;

2 — «Свобода есть высшая ценность, ради которой можно смириться с ростом экономического неравенства»;

3 — «Государство должно осуществлять контроль над ценами на потребительские товары»;

4 — «История показывает, что демократия приводит к свободе и процветанию, а социализм к рабству и нищете»;

5 — «Государство должно обеспечивать каждому гарантированный жилищный минимум»;

6 — «Теперь каждый человек ответственен за свой успех или неудачу, а потому категория социальной справедливости теряет свой смысл».

Отношение к оценочным суждениям фиксировалось с помощью шкалы, где 1 — «полностью не согласен», 5 — «полностью согласен». Первый замер был проведен в Москве в мае—июне 1992 года ($N = 708$): отбор респондентов проводился методом анкетирования квотной выборки со связанными параметрами (род занятий, пол, возраст). Повторный опрос с использованием тех же индикаторов было проведено среди жителей столичного мегаполиса в июне 2016 года ($N = 705$).

Динамика отношения к оценочным суждениям, отражающим ключевые политико-идеологические ценности, приведена в таблице 1. Эти данные позволяют увидеть особенности массовых политических представлений на временном интервале почти в четверть века. Во-первых, общее распределение оценок — о значимости индивидуальных усилий, ценностях демократии, свободы, социализма, социальной справедливости и необходимости поддержки со стороны государства в тех или иных областях — не претерпели кардинальных изменений, т.е. доли согласных и несогласных с соответствующими суждениями (в большей их части) среди респондентов как в 1992, так и в 2016 году, примерно совпадают.

Таблица 1

**Динамика отношения к оценочным суждениям
политико-идеологического содержания (в %)**

№	Оценочное суждение	1992		2016	
		Согласен	Не согласен	Согласен	Не согласен
1	Главное, чтобы люди надеялись на самих себя и перестали ждать помощи от государства	56,4	30,6	69	28,3
2	Свобода есть высшая ценность, ради которой можно смириться с ростом экономического неравенства	39,7	38,6	46	43,5
3	Государство должно осуществлять контроль над ценами на потребительские товары	74,8	16,9	71,9	17,6
4	История показывает, что демократия приводит к свободе и процветанию, а социализм к рабству и нищете	37,4	32,7	40,6	37,3
5	Государство должно обеспечивать каждому гарантированный прожиточный минимум	86,7	5,5	92,8	5,2
6	Теперь каждый человек ответственен за свой успех или неудачу, а потому категория социальной справедливости теряет свой смысл	34,1	44,5	49,1	33,9

Во-вторых, нельзя сказать, что зафиксированная в 1992 году картина отношения к исследуемому перечню суждений осталась неизменной. Прежде всего это относится к представлениям о роли собственной активности в формировании жизненных траекторий. Так, очевиден рост поддержки тезисов о значимости личностных усилий при противопоставлении социальной справедливости или ожиданиям разных видов государственной поддержки (на 14% и 13% соответственно).

В-третьих, наряду с некоторым сдвигом настроений в сторону индивидуализма прослеживается устойчивость отношения к ценностям, в которых акцентируется социальная роль государства. Фактически абсолютной является поддержка тезиса о необходимости обеспечения гарантированного прожиточного минимума, и здесь наблюдается рост доли согласных с 87% до 93%.

В-четвертых, приведенные данные отражают тот факт, что в обществе существуют большие социальные группы, которые отличаются разным отношением к фундаментальным ценностям. Так, это ярко проявляется при противопоставлении

ставлении свободы и неравенства, демократии и социализма — здесь доли согласных и несогласных с оценочными суждениями оказались примерно равными.

Обратимся к дифференциации политико-идеологических представлений в социально-демографических группах (в Таблице 2 приведены данные за 2016 год). Согласно полученным данным, отличия в ценностных представлениях разных социально-демографических групп не ярко выражены, хотя можно выделить некоторые различия в возрастных группах, а также в группах с разным доходом. Наблюдаются несколько большие предпочтения свободы по сравнению с экономическим неравенством в возрастных группах 14—29 лет и 30—49 лет по сравнению с группой 50 лет и старше — 50%, 48% и 40% соответственно. Более либерально настроены в этом вопросе респонденты с высокими доходами.

Таблица 2

Доля согласных с оценочными суждениями в социально-демографических группах (относительные значения и индексы)

Группы		Значимость индивидуальных усилий		Свобода vs экономическое неравенство		Контроль за ценами на потребительские товары		Демократия vs социализм		Гарантии прожиточного минимума		Социальная справедливость не имеет значения	
Пол	мужской	70%	101	48%	104	71%	99	42%	104	92%	99	50%	101
	женский	68%	99	44%	96	73%	101	39%	97	94%	101	49%	99
Возраст	14—29	73%	106	50%	109	69%	96	39%	97	92%	99	45%	92
	30—49	71%	102	48%	104	70%	97	46%	112	90%	97	51%	104
	50+	63%	92	40%	87	76%	106	36%	88	97%	104	50%	102
Доход*	низкий	71%	103	54%	117	76%	106	49%	122	96%	103	64%	130
	средний	69%	101	39%	84	74%	103	37%	91	93%	100	44%	90
	высокий	71%	103	50%	109	71%	99	40%	98	93%	100	48%	97
	очень высокий	61%	88	49%	108	64%	90	47%	116	87%	94	54%	110
В целом		69%	100	46%	100	72%	100	41%	100	93%	100	49%	100

*Индикаторы дохода: низкий — «денег хватает только на еду / не хватает даже на еду»; средний — «денег хватает только на продукты и одежду»; средневысокий — «доступно большинство товаров длительного пользования, кроме автомашины»; высокий — «денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать».

Индекс фиксирует отношение группа/массив, умноженное на 100. Если индекс больше 100, то относительная доля в группе больше, чем в выборке; если индекс меньше 100, то справедливо обратное.

Для ответа на вопрос, в каком сочетании политико-идеологические представления находят поддержку в отдельных группах, была применена комбинация факторного и кластерного анализа. С помощью факторного анализа была проведена группировка схожих (в статистическом плане) оценочных утверждений в макрокатегории, что позволяет сократить размерность данных — число переменных — и сформировать обобщенные координаты структуры восприятия ценностных суждений в массовом сознании. Факторный анализ был реализован с помощью метода главных компонент с последующим варимакс-вращением. Было выделено два фактора, объясняющих 59% вариации исходных переменных. Первый фактор включает в себя высоко коррелирующие между собой суждения либерального плана — о приоритете индивидуальных усилий, предпочтении свободы как абсолютной ценности и неприятии идеи социальной справедливости. Второй фактор характеризуется высокими коэффициентами корреляции по сужде-

ниям, поддерживающим роль государства в обеспечении социальных гарантий. Таким образом, перед нами укрупненные смысловые координаты, в пространстве которых происходит оценка политико-идеологических суждений.

Для определения того, в какой комбинации оценочные суждения находят поддержку среди респондентов, была проведена процедура двухступенчатого иерархического кластерного анализа. В результате было выявлено несколько групп, статистически однородных внутри и отличающихся друг от друга, т.е. респонденты, относящиеся к разным кластерам, отличаются друг от друга по своим ориентациям в пространстве политико-идеологических суждений (табл. 3).

Таблица 3

Средние значения переменных в кластерах (2016 год)

№	Доля в массе, %	Значимость индивидуальных усилий	Свобода vs экономическое неравенство	Контроль за ценами на потребительские товары	Демократия vs социализм	Гарантии прожиточного минимума	Социальная справедливость не имеет значения
1	22,8	3,49	3,44	2,05	3,15	3,64	3,29
2	27,3	4,45	4,18	4,14	3,98	4,64	4,04
3	32,0	3,83	2,31	4,53	2,68	4,89	3,15
4	17,9	1,94	1,49	4,46	1,55	4,96	1,73

Приведены средние значения оценочных суждений по шкале, где «1» — не согласен, «5» — согласен.

В кластере 2 сосредоточены респонденты, разделяющие либеральные взгляды на индивидуализм, свободу, социализм, социальную справедливость. Вместе с тем они выражают поддержку представлениям о значимости роли государства в контроле цен и обеспечении прожиточного минимума. Представители кластеров 3 и 4 выражают большую поддержку социально ориентированным оценочным суждениям. При этом респондентов кластера 4 можно отнести по совокупности их ответов к сторонникам социалистической организации общества и экономики. Респонденты кластера 3 более умеренны и сильнее, чем представители кластера 4, поддерживают идею индивидуальных усилий. Группа респондентов в кластере 1 не выразила явных предпочтений по большинству суждений, исключением стала поддержка тезиса, что государство должно обеспечивать каждому гарантированный прожиточный минимум.

Приведенные особенности политико-идеологических представлений сопряжены, среди прочего, со спецификой социальных трансформаций, которые переживала наша страна на протяжении последних десятилетий. В этой связи напомним, что ценностно-эмоциональный фактор играл существенную роль в политических процессах перестроечного и постперестроечного времени, когда произошли кардинальные изменения в социально-политическом устройстве государства и его экономическом базисе. Тогда важнейшие политико-идеологические ценности оказались в фокусе общественного внимания — в опоре на них формировались новые идеалы и перспективы развития страны.

Как известно, потребности властных групп в конкретно-исторический период определяются, среди прочего, необходимостью поддержания «своей картины

мира», поэтому в рамках доминирующей идеологии обеспечивается производство определенных версий реальности и латентных правил их восприятия, что предполагает обеспечение возможности как выражения, так и подавления посредством исключения определенных языковых практик. Так, среди целей реформирования советского общества были выдвинуты: быстрое вступление страны в лоно мировой цивилизации, интеграция в мировую экономическую систему и рынок. В качестве образца «нормального», «цивилизованного» развития общественному мнению предъявлялись социальные результаты (в первую очередь, высокий уровень материального благосостояния) в странах, которые принято называть индустриально развитыми. Вопросы о реальности подобных вариантов развития, о возможной социальной цене реформ и т.п. отодвигались на второй план. В первой половине 1990-х годов доминирование либерально-демократического дискурса в медийном пространстве было очевидным, причем уровень охвата и доверия населения к демократически ориентированным СМИ был существенно выше влияния информационных средств иной политико-идеологической направленности [3]. Все это, видимо, сыграло определенную роль в формировании приоритетов массовых политико-идеологических представлений.

Наши данные начала 1990-х годов говорят о существенной поддержке ценностей либерального плана — более трети опрошенных были согласны с тезисами о значимости индивидуализма, свободы и демократии. Более того, отношение к оценочным суждениям говорит о том, что наряду либерально-демократическими представлениями широкое распространение в массовом сознании имели патерналистские ожидания. По всей видимости, респонденты не хотели отказываться от лучшего, что было в советской системе, прежде всего от различных социальных гарантий, и предполагали совместить их с положительными чертами капитализма и западного образа жизни. Показательно, что отношение респондентов к аналогичным индикаторам-суждениям, зафиксированным по истечении почти четверти века (в 2016 году), не претерпели кардинальных изменений.

Рассматривая политико-идеологические суждения сквозь призму концепции доминирующей идеологии, можно утверждать, что они являются производными повседневного сознания и социальных практик. Соответственно, устойчивость распределения политико-идеологических представлений можно связать с неизменностью доминирования либерального дискурса — в части укрепления базовых ценностных констант принятой ныне капиталистической модели. Показательно, что на протяжении всего постсоветского периода для доминирующего медийного дискурса неизменным был акцент на радикально-либеральных подходах в экономике и социальной сфере, равно как и на антикоммунизме как инструменте обоснования критики советского периода.

Вместе с тем последние четверть века российской истории принесли далеко неоднозначные результаты. Постсоветское реформирование объективно привело к падению уровня жизни широких слоев населения, что сопровождалось болезненными и противоречивыми процессами в социально-политической, экономической и культурной сферах. Стабильное распределение политико-идеологических представлений говорит, среди прочего, об устойчивости (в общем и целом) ценностной

картины мира в российском обществе, хотя нельзя не заметить и изменения в ценностном «каркасе» российского общества. Наиболее ярким из них является рост поддержки идеи о важности индивидуальных усилий и снижение важности идеи социальной справедливости (с 34% в 1992 году до 49% в 2016-м).

Применительно к другим ценностным суждениям политико-идеологического содержания изменения оказались не столь значительными. Так, в отношении согласия с экономическим неравенством в пользу ценности свободы наблюдался примерно одинаковый рост числа как поддерживающих (с 39% до 46%), так и не поддерживающих (с 38% до 43%).

Сходная ситуация наблюдается с тезисом о демократии как антитезе социализму: рост согласия (с 37% до 40%) и рост несогласия (с 32% до 37%). Показательно также, что отношение к суждениям патерналистского плана за четверть века развития страны по капиталистическому пути также не претерпело существенных изменений — это касается поддержки тезисов о необходимости государственного контроля за ценами на потребительские товары (74% в 1992 году и 71% в 2016-м) и обеспечения государством гарантированного прожиточного минимума (86% и 92% соответственно).

Представляется, что наличие отдельных, но не кардинальных изменений в политико-идеологических представлениях за четверть века говорит о следующем. Ценностный расклад в 1992 году отражал в значительной мере ожидания массового сознания и существовавшие в этой связи политико-идеологические приоритеты. В обществе были как сторонники, так и противники капиталистического реформирования, что отразилось в существенных долях респондентов, как поддерживающих, так и не поддерживающих его базовые идеологические тезисы. По прошествии почти четверти века произошла смена советской социально-политической системы, и страна пошла по капиталистическому пути. Картина ценностных приоритетов, наблюдаемая в 2016 году, говорит о том, что, во-первых, для части общества их ожидания от реформ либерально-демократического порядка так или иначе оправдались, и респонденты продолжают разделять соответствующие ценности. Во-вторых, достаточно большие группы продолжают поддерживать идеи социалистической направленности. В-третьих, массовую поддержку продолжают находить патерналистские идеи, представления о значимости социальных гарантий и роли государства.

Как полученные результаты соотносятся с дискуссиями об изменении ценностных констант российского общества? Одно из ключевых направлений обсуждений связано с оценкой важности ценностных трансформаций для движения российского в сторону западной либеральной демократии, рыночной экономики, инновационного пути развития в целом.

На основе разных исследований российского населения или отдельных его групп делается вывод, что ценностные ориентации россиян в связи с изменениями образа жизни за последние два-три десятилетия все более сдвигаются в сторону либеральной модели. Однако интерпретации желательности или нежелательности

ценностных трансформаций зависят от авторских позиций, поэтому зачастую сходные эмпирические тренды могут получать разные трактовки. Наши эмпирические данные фиксируют стабильность ценностных представлений в их политико-идеологической части, причем очевидна высокая однородность большей части ценностей в разных социально-демографических группах. Результаты многомерной классификации показывают, что современные политико-идеологические ценности населения является некоторым интегральным выражением — как традиционных ценностей советского порядка, так и либерально-демократических ориентаций. Для характеристики такого политико-идеологического комплекса можно использовать такие понятия, как преемственность или соседство традиционных и модернистских элементов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бызов Л.Г.* Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы. М.: РОСПЭН, 2013.
- [2] *Гудков Л.* Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. 2012. Май—июнь. С. 6—31.
- [3] *Назаров М.М.* Типы политического сознания (Москва, середина 1991 г.) // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 64—71.
- [4] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 131—155.
- [5] *Ненашев М.Ф.* Иллюзии свободы. Российские СМИ в эпоху перемен (1985—2009). М.: Логос, 2010.
- [6] *Никифоров А.Р.* Психологический анализ политических ценностей в структуре партийных идеологий // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 4. С. 19—29.
- [7] *Селезнева А.В.* Методология исследования политических представлений и ценностей // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. № 2. С. 42—53.
- [8] *Селезнева А.В.* Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Политическая наука. 2016. № 5. С. 149—169.
- [9] *Троцук И.В., Сохадзе К.Г.* Ценностные ориентации молодежи: подходы, методики и задачи социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20.
- [10] *Хавенсон Т.Е., Миголь Е.В.* Социально-профессиональный статус и политические ценности России, Германии, США (сравнительный анализ) // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 61—72.
- [11] *Conover P.J., Feldman S.* Origins and meaning of liberal/conservative self-identifications // American Journal of Political Science. 1981. Vol. 25. P. 617—645.
- [12] *Converse Ph.* The nature of belief systems in mass politics / Apter D. (Ed.). Ideology and Discontent. New York: Free Press of Glencoe, 1964.
- [13] *Heath A., Evans G., Martin J.* The measurement of core beliefs and values: The development of balanced socialist/laissez faire and libertarian/authoritarian scales // British Journal of Political Science. 1994. Vol. 24. P. 115—133.
- [14] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4. С. 7—19.
- [15] *Nie N., Verba A., Petrocik J.* The Changing American Voter. Cambridge: Harvard University Press, 1976.

POLITICAL VALUES OF THE RUSSIAN SOCIETY (results of the comparative research)*

V.N. Ivanov, M.M. Nazarov, E.A. Kublitskaya

Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences

Fotieva St., 6-1, Moscow, 119333, Russia

(e-mail: vilen_ivanov@bk.ru; vy175867@yandex.ru; eakubl@yandex.ru)

Abstract. The article presents the results of the comparative study of political-ideological views of the Russian population on the values of freedom, democracy, social justice, the role of the state, etc. The research covers almost a quarter of a century — the surveys based on the same questionnaire were conducted among Muscovites in 1992 and 2016. The results of the comparative study show that the structure of the views on basic political values has not changed significantly. However, there are still different, often opposite social-political representations in the Russian society, which is clearly manifested when opposing freedom and inequality, democracy and socialism, social justice and individualism. Moreover, the shares of respondents expressing opposite views are approximately equal. At the same time, the attitudes structure revealed at the end of the last century has changed if compared to the data of 2016 survey, especially considering the role of individual activities in determining life trajectories. There is growing support for the importance of individualism as opposed to social justice and for the expectations of various types of state social guarantees. The results of the multidimensional statistical classification prove that there are several groups with different political-ideological orientations — from supporters of liberal democratic ideas to those who prefer socialist values. However, most groups still support the paternalistic ideas of the Soviet period such as the importance of social guarantees and social role of the state.

Key words: political values; freedom; equality; ideology; political culture; social justice; mass political consciousness

REFERENCES

- [1] Byzov L.G. *Kontury novorusskoj transformatsii. Sociokulturnye aspekty formirovaniya sovremennoj rossijskoj natsii i evolyutsiya socialno-politicheskoy sistemy* [Shapes of the New Russian Transformation. Social-Cultural Aspects of the Contemporary Russian Nation Formation, and the Evolution of Social-Political System]. Moscow: ROSPEN, 2013 (In Russ.).
- [2] Gudkov L. Socialnyj kapital i ideologicheskie orientatsii [Social capital and ideological orientations]. *Pro et Contra*. 2012; May-June: 6—31 (In Russ.).
- [3] Nazarov M.M. Tipy politicheskogo soznaniya (Moskva, seredina 1991 g.) [Types of political consciousness (Moscow, mid-1991)]. *Sociologicheskiye Issledovaniya* 1992; 6: 64—71 (In Russ.).
- [4] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Socialnoe samochuvstvie molodezhi postsocialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazahstana i Chehii): sravnitelnyj analiz tsennostnykh orientatsij (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1): 131—155 (In Russ.).
- [5] Nenashev M.F. *Illyuzii svobody. Rossijskie SMI v epohu peremen (1985—2009)* [Illusions of Freedom. Russian Media in the Era of Transition]. Moscow: Logos; 2010 (In Russ.).
- [6] Nikiforov A.R. Psihologicheskij analiz politicheskikh tsennostej v strukture partijnykh ideologij [Psychological analysis of political values within the parties' ideologies]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*. 2013; 4: 19—29 (In Russ.).

* © V.N. Ivanov, M.M. Nazarov, E.A. Kublitskaya, 2018.

- [7] Selezneva A.V. Metodologiya issledovaniya politicheskikh predstavlenij i tsennostej [Methodology of the political views and values research]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*. 2011; 2: 42—53 (In Russ.).
- [8] Selezneva A.V. Rossijskoe obschestvo v postsovetskij period: dinamika tsennostnyh izmenenij elity i grazhdan [Russian society in the post-Soviet period: The dynamics of changes in the values of the elite and citizens] *Politicheskaya Nauka*. 2016; S: 149—169 (In Russ.).
- [9] Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Tsennostnye orientatsii molodezhi: podhody, metodiki i zadachi sociologicheskogo analiza [The youth's value system: Approaches, techniques, and objectives of the sociological analysis]. *Teoriya i Praktika Obschestvennogo Razvitiya*. 2015; 20 (In Russ.).
- [10] Havenson T.E., Migol E.V. Socialno-professionalnyj status i politicheskie tsennosti Rossii, Germanii, SShA (sravnitelnyj analiz) [Social-professional status and political values in Russia, Germany, and the USA: A comparative analysis] *Sociologicheskiye Issledovaniya*. 2011; 9: 61—72 (In Russ.).
- [11] Conover P.J., Feldman S. Origins and meaning of liberal/conservative self-identifications. *American Journal of Political Science*. 1981; 25: 617—645.
- [12] Converse Ph. The nature of belief systems in mass politics. Apter D. (Ed.). *Ideology and Discontent*. New York: Free Press of Glencoe; 1964.
- [13] Heath A., Evans G., Martin J. The measurement of core beliefs and values: The development of balanced socialist/laissez faire and libertarian/authoritarian scales. *British Journal of Political Science*. 1994; 24: 115—133.
- [14] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 4: 7—19.
- [15] Nie N., Verba A., Petrocik J. *The Changing American Voter*. Cambridge: Harvard University Press; 1976.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*****М.Л. Ивлева¹, С.Н. Курилов², В.И. Россман³**¹Российский университет дружбы народов
*ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*²Московский энергетический институт
*ул. Красноказарменная, 14, Москва, Россия, 111250*³Университет международного бизнеса и экономики
Хуйксин Донгжие, 10, Пекин, Китай, 100029
(e-mail: ivleva_ml@pfur.ru, kurilov85@mail.ru,
vjrossman@yahoo.com)

В статье рассматривается отношение молодежи к религии и роли религиозных ценностей. Авторы утверждают, что в российском обществе произошла трансформация отношения к религии в последние два десятилетия. Религия формирует ценности, которые присутствуют в любой культуре, определяя сознание разных поколений. В современном секуляризованном обществе религия играет роль нравственного арбитра, формирует национальный менталитет и картину мира. Молодежь как динамичная социальная группа не склонна к следованию консервативным традиционным ценностям, по ее взглядам можно понять дальнейшие траектории общественного развития. Понимание молодежью смысложизненных ценностей существенно отличается от понимания тех же ценностей людьми старших поколений. Молодежи свойственны такие черты, как социальный динамизм, психологическая лабильность, непостоянство в отношении культурных традиций и ценностей. Молодые поколения находятся в перманентном поиске инноваций и процессе пересмотра сложившихся традиций. Религиозные же ценности по природе традиционны и консервативны, скорее обращают человека в прошлое, нежели в будущее, поэтому среди молодежи наблюдается неравное отношение к религии. Данные зарубежных и отечественных исследований показывают, что отношение к религии у молодых поколений скорее прагматичное, они воспринимают религиозные практики как психотерапию. Статья основана на материалах социологического исследования, в котором религиозные ценности сравнивались с другими ценностями культуры: художественными, научными, моральными и жизненно-практическими. Согласно полученным данным, число интересующихся религией и вопросами веры в сравнении с позднесоветским периодом значительно выросло, однако религиозные ценности для молодежи не приоритетны, поскольку другие ценности культуры занимают более высокие позиции.

Ключевые слова: религиозные ценности; религиозные традиции; студенты; молодежь; вера; духовность; церковь; пострелигиозное общество, постсекулярное общество

В постсоветские годы религия заняла свое прежнее место в системе общественных отношений, но говорить о том, что в России произошло возрождение религиозных ценностей, преждевременно. С начала 2000-х годов наблюдается определенный отход и разочарование россиян в религии и деятельности различных религиозных учреждений. Такая ситуация объясняется тем, что в годы пере-

* © Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Россман В.И.

Статья подготовлена при поддержке гранта РУДН «Религия как фактор стабильности современного российского общества».

стройки в общественном сознании присутствовали слишком большие ожидания от религиозных институтов и довольно высокая степень их идеализации.

В последние два десятилетия проводилось множество исследований религиозности разного характера и масштаба. Так, Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) и Аналитический центр Юрия Левады изучали отношение граждан к Русской православной церкви, к патриарху, восприятие взаимосвязей церкви и государства [6; 8], участие конфессий в социально-политической и культурной жизни, мнение людей относительно поведения и приговора группе Pussy Riot, отношение к гендерным религиозным дифференциациям [9]. Благодаря многолетнему мониторингу ВЦИОМа получены данные, которые наглядно показывают трансформацию религиозных ориентиров в российском обществе за последние 25 лет. Многолетнее исследование жизненного мира россиян, которое проводилось с конца 1980-х до середины 2010-х годов под руководством Ж.Т. Тощенко, показало, что 25,8% респондентов могут себя назвать верующими, атеистами — 4,1%, однако 47,4% называют себя верующими, но не воцерковленными, т.е. не следуют всем заповедям и канонам [3. С. 362]. «Религиозность тех, кто считает себя верующим, часто носит ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, отличающееся значительной подвижностью» [1. С. 328]. Нередко представители той иной нации отождествляют религиозные ценности с народной традиционной культурой, через призму которой формируется их самоидентификация.

Исследования религиозности осложнены тем, что этот феномен многозначен и по-разному понимается как верующими, так и атеистами. Молодые поколения вкладывают иной смысл в такие понятия, как *вера*, *духовность*, *религиозность*, *традиции*, *обряды*, *каноны*, нежели представители старших поколений. В силу большей информированности и свободы действий молодежь смотрит более демократично на те религиозные принципы, которые столетиями определяли мораль, нравственность и идеологию в нашей стране. Религиозность как неотъемлемая черта русского мировоззрения даже в советский атеистический период доминировала в сознании, так как общество сохраняло многие традиционные черты. И только в последние десятилетия периода демократизации произошло ментальное «раскрепощение» в понимании и следовании культурным и религиозным традициям.

Понимание религиозных ценностей и, соответственно, их изучение на смысловом уровне различается в зависимости от специфики социальных групп. В исследованиях необходима дифференциация по социально-демографическим критериям: полу, возрасту, социальному положению, месту проживания и др. Формулировки вопросов, общая логика анкеты должны принимать во внимание особенности респондентов, социально-психологические черты опрашиваемой группы. Например, исследуя религиозность в молодежной среде, необходимо учитывать социокультурные реалии, в которых прошла социализация молодых поколений. Современная молодежь выросла в условиях не только пострелигиозности, но и постсекуляризма, что обуславливает двойственное отношение к ценностям [2. С. 99—114; 5]. Молодежи присущ определенный ценностный максимализм и нетерпение к представителям не своей веры и конфессии, что порождает проблему стереотипизации в области этнорелигиозных отношений.

В последние годы написано много работ на тему религиозных ценностей и отношения к ним молодежи. Отметим статью Г.С. Широкаловой, О.К. Шиманской и А.В. Аникиной «Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи?», в которой представлены данные масштабного исследования религиозности студентов Нижегородской области в 2015 году — религиозной самоидентификации, мнений о роли религии в культуре. Важнейшим выводом статьи стало утверждение, что у молодежи отношение к религиозным воззрениям и обрядам скорее прагматическое, нежели альтруистическое, для поколения молодых индивидуалистов и эгоистов на первый план вышла «терапевтическая функция веры» [9. С. 82], сформировалось представление о религиозных традициях и обрядах как о разновидности психотерапии, а не о системе принципов, которая определяет мышление и поведение.

Существует множество зарубежных исследований религиозности в молодежной среде, которые имеют продолжительную историю и накопили богатый эмпирический материал. Отметим работу английского социолога С. Коллинз-Майо «Молодежь и религия: международные перспективы», в которой он приходит к следующим выводам: сегодня затруднена передача религиозных ценностей и традиций от старшего поколения к младшему в связи с демократизацией культуры и общества; концепты веры и религиозной практики не связаны в сознании молодежи; религиозное мировоззрение может быть сформировано и «работать» только в группе, на уровне отдельной личности оно утрачивает силу; религиозность перестает играть роль в жизни молодежи, поэтому «меньшинство молодых людей в большинстве стран Запада идет в церковь» [11. Р. 90].

И отечественные, и зарубежные исследования по рассматриваемой тематике обширны и многоаспектны, причем мониторинг религиозных ценностей и их трансформаций продолжается, обогащаясь новыми фактами. Однако во многих исследованиях не хватает аналитических выводов, так как акцент делается на статистике, но такой феномен, как религиозность, требует качественного анализа и методически комплексного подхода. Целью исследования религиозности как социокультурного феномена должно стать проникновение в причины и факторы его существования, объяснение функционирования религиозных ценностей, их эволюции и востребованности в современном обществе.

Лаборатория социологических исследований при кафедре философии, политологии, социологии Московского энергетического института проводит замеры религиозности среди студентов разных вузов — РУДН, МЭИ, МГТУ им. Н.Э. Баумана, РХТУ им. Д.И. Менделеева, МИФИ, ВГИКа им. С.А. Герасимова. Религиозность исследовалась в рамках проекта «Портрет студента. Студент и нравственная культура», а также в рамках международного проекта «Молодежь в постсоветском пространстве: картина мира, ценностные установки, стратегии самореализации», реализованного совместно с Институтом социологии НАН Беларуси.

Проведенные в 2001—2011 годы опросы подтвердили, что в нашем обществе произошли заметные изменения в отношении к религии, и студенчество не могло остаться вне этого влияния. Из атеистически настроенного большинства, в котором верующие составляли 2—3%, российское общество превратилось в весьма симпатизирующих религии людей, среди которых 43% считают для себя этот культур-

ный феномен важным, 34% относятся к нему индифферентно, и только для 15% оно не имеет значения. Брак с представителями другой конфессии допускают 45%, не допускают — 26%. Среди студентов 46% считают себя верующими, 25% — неверующими. 55% ушли от вопроса «Какая конфессия Вам ближе?», мнения остальных таковы: православие — 19%, христианство — 15%, буддизм — 3%, атеизм — 2%. Поскольку вопрос был открытым и многие ушли от ответа, то судить о состоянии атеистического сознания студентов сложно. Не следует полагать, что атеизм среди студентов исчез, скорее он растворился среди не ответивших, поэтому необходим специальный опрос, посвященный атеистическому мировоззрению.

Вопросы веры сегодня являются одними из ключевых в определении общекультурных компетенций студентов. Одним из таких непростых вопросов стало определение «Кого можно назвать православным?» (табл. 1). Причем в вариантах ответов был не один, а три правильных ответа, что, видимо, дезориентировало студентов. Большинство ориентировалось на внешние второстепенные признаки веры или на те, что можно отнести и к другим вероисповеданиям, например, на соблюдение обрядов и традиций. Общая доля правильных ответов составила 15%. Не исключено, что реальная доля давших правильный ответ была еще меньше, так как каждый респондент мог выбрать три ответа. Различие «гуманитариев» и «технарей» оказалось статистически несущественно. В целом ответы студентов на данный вопрос можно охарактеризовать как полную некомпетентность.

Таблица 1

Кого можно назвать православным? (в % к ответившим)

Варианты ответов	Вузы		Всего
	гуманитарные вузы	технические вузы	
1. Того, кто родился в православной семье	3,7	2,4	2,9
2. Того, кого крестили по православному обряду	15,2	10,5	12,3
3. Кто сам считает себя православным	15,8	16,9	16,5
4. Того, кто ходит в православный храм	6,9	5,8	6,2
5. Того, кто выполняет хотя бы основные православные обряды	7,1	8,7	8,1
6. Русского	2	1,2	1,5
7. Того, кто признает Символ веры	4,8	3	3,7
8. Того, кто верит в Иисуса Христа	12,1	9,8	10,6
9. Того, кто стремится приобщиться к православной традиции	4,6	5,6	5,3
10. Того, кто знает, чем православие отличается от других вероисповеданий, и признает его учение	4,8	4,7	4,7
11. Того, кто считает историю и культуру православной Руси своими	1,8	1,8	1,8
12. Того, кто считает историю и культуру православной Руси своими, но при этом еще и верит в Бога	6,7	9,0	8,1
13. Того, кто в быту ведет себя как православный	4,8	5	4,9
14. Другое	0,7	0,8	0,7
15. Затрудняюсь ответить	9	14,8	12,6

*Цветом выделены правильные ответы

В ответах на вопрос «Какие вероисповедания считаются традиционными российскими религиями?» (табл. 2) студенты проявили больше осведомленности и правильно назвали две традиционные для России религии с учетом их распространенности: православие (97%) и ислам (49%). Не избежали студенты и современных веяний, под влиянием которых буддизм для России оказался более традиционной религией (21%), чем католицизм (15%). Видимо, сказывается не потерявшее актуальности противостояние православия и католицизма. Вопрос по многим позициям вызвал существенные расхождения между «гуманитариями» и «технарями»: среди будущих технических специалистов оказалось больше «защитников» католицизма (на 7%), ислама (на 18%), буддизма (на 9%), т.е. взгляды будущих «инженеров» более плюралистичны.

Таблица 2

Какие вероисповедания считаются традиционными российскими религиями? (в % к ответившим)

Варианты ответов	Вузы				Всего	
	гуманитарные вузы		технические вузы		да	нет
	да	нет	да	нет		
1. Католицизм	10,9	89,1	17,8	82	14,6	85,2
2. Православие	95,2	4,8	97,5	2,5	96,8	3,2
3. Ислам	38,1	61,9	55,9	44,1	48,6	51,4
4. Лютеранство	3,1	96,9	4,4	95,6	3,8	96,2
5. Иудаизм	12,3	87,7	13,1	86,9	12,7	87,3
6. Свидетели Иеговы	5	95	4,1	95,9	4,6	95,4
7. Буддизм	15,7	84,3	24,9	75,1	20,8	79,2
8. Церковь объединения	3,4	96,6	3,6	96,4	3,5	96,5
9. Другие религии	3,1	96,9	7,4	92,6	5,3	94,7

В международном (совместно с Институтом социологии НАН Беларуси) исследовании 2017 года, посвященном ценностям молодежи, сотрудники социологической лаборатории Московского энергетического института опросили 1000 студентов разных вузов Москвы. Анкета содержала элементы психологического теста и состояла из 26 вопросов. Данные опроса интересны тем, что религиозные ценности сравниваются с другими культурными ценностями и реалиями: историческими, политическими, художественными, научными, жизненно-практическими. То есть отношение к религиозным ценностям и аллюзиям, связанным с религией, было рассмотрено комплексно в связи с многообразными культурными «артефактами» современности. Так, респондентам было предложено назвать предмет историко-культурной гордости: святые и подвижники Русской православной церкви заняли пятую позицию с конца, уступив наследию культуры «золотого» и «серебряного» веков (12,2%) (табл. 3). Иконописцы и мыслители русского Предвозрождения ассоциируются не только с историей русской средневековой культуры, но и с деятельностью Русской православной церкви, которая выступала силой, определявшей сознание людей на протяжении тысячелетия.

В современном общественном сознании часто противопоставляются советское коммунистическое прошлое и дореволюционное православное монархическое прошлое, православное мировоззрение часто воспринимается как антитеза левому атеистическому мировоззрению. В 1990-е годы наблюдался всплеск своеобразной моды на дореволюционное прошлое, в обществе обсуждался проект возврата к монархической идеологии и пересмотра отношения к гражданской войне.

Под влиянием ревизии советского прошлого белогвардейская идеология стала восприниматься как более нравственная, патриотическая, имеющая глубокие историко-культурные корни. Результаты опроса показали, что отношение студентов к Октябрьской революции занимает одну позицию с отношением к православным святым подвижникам (1,1%), однако достижениями советской науки и техники гордятся на 8,8% больше.

Таблица 3

**Что из нижеперечисленного можно назвать предметом Вашей гордости
(выберите не более 5 вариантов ответа)**

Варианты ответа	% к ответившим
1. Наследие «золотого» и «серебряного» века русской культуры (XIX — нач. XX вв.) (Пушкин, Достоевский, Толстой, Есенин, Глинка, Чайковский, Репин)	66,5
2. Победу СССР над нацистской Германией	60,7
3. Российские просторы, географическое положение страны и ее природные богатства	56,5
4. Космический полет Ю. Гагарина	56
5. Достижения советской науки и техники	49,5
6. Силу духа, верность традициям	29,7
7. Международный авторитет России	24,5
8. То, что Россия — общий дом многих народов	19,5
9. Творчество современных российских писателей, музыкантов, режиссеров и др.	17,3
10. Культуру советской эпохи	14,7
11. Возрождение России после упадка 1990-х годов	13,8
12. Воссоединение Крыма с Россией	12,8
13. Партизанское движение в годы войны	12,3
14. Величие дореволюционной Российской империи	11,5
15. Образ жизни, социальные и нравственные ценности современного российского общества	9,5
16. Принадлежность к «русскому миру»	7,5
17. Принадлежность к славянству	6,3
18. Русское Предвозрождение (Андрей Рублев, Максим Грек и др.)	6
19. Смену общественного строя в начале 1990-х годов, переход к рыночной экономике, демократии, «открытому обществу»	5,3
20. Октябрьскую революцию 1917 года	5,3
21. Святых и подвижников, канонизированных Русской православной церковью	5,3
22. Борьбу диссидентов против коммунистического режима	3,2
23. Создание Союзного государства России и Беларуси	3
24. Современную российскую демократию	2,5
25. Что-то еще (напишите)	0,7

Из предложенных исторических деятелей православные святые заняли предпоследнюю позицию, обогнав деятелей Белого движения (табл. 4). Так как в общественном сознании довольно часто религии противопоставляется научное

отношение к миру, интересно отметить, что выдающиеся ученые и инженеры советской эпохи набрали на 57% больше, чем подвижники веры среди «технарей». Деятельность религиозно-политического лидера древнерусского государства князя Владимира и крещение Руси вызывают уважение и симпатию у большего числа респондентов (примерно на 20%), чем подвижники православной веры в целом. Сравнение популярности православных подвижников в технической и гуманитарной среде показало, что во втором случае симпатизирующих на 12,8% меньше. Эти данные в некоторой степени разрушают стереотип о склонности «гуманитариев» к религиозному мировоззрению и его ценностям.

Таблица 4

**Кто из перечисленных исторических личностей
заслуживает наибольшего уважение и благодарности потомков? (в %)**

Варианты ответов	Направления подготовки		Всего
	1. Технические	2. Гуманитарные	
	Суммарная положительная оценка (симпатия + уважение)	Суммарная положительная оценка (симпатия + уважение)	Суммарная положительная оценка (симпатия + уважение)
1. Св. князь Владимир (крещение Руси)	52,9	62,2	57,7
2. Александр Невский	68	69,1	68,6
3. Петр Великий	87,9	86,8	87,4
4. А.С. Пушкин	83,6	92	87,9
5. Александр II (отмена крепостного права)	86,1	88,5	84,2
6. Деятели «золотого» и «серебряного» века русской культуры (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, П.И. Чайковский, А.А. Блок, И.Е. Репин и др.)	86,7	91,8	89,3
7. Николай II	35,5	35,2	35,3
8. П.А. Столыпин	54,4	58,3	55,4
9. Деятели Белого движения (А.В. Колчак, А.И. Деникин, И.Л. Солоневич и др.)	22	19	20,5
10. В.И. Ленин	34,9	38,1	36,5
11. И.В. Сталин	39,4	30,8	35
12. Выдающиеся ученые, организаторы науки и промышленности советской эпохи	90,6	90,6	90,6
13. Советские маршалы-победители (Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский и др.)	86,9	85,8	86,3
14. А.И. Солженицын	37,7	44,1	19,8
15. Православные святые и новомученики	33,7	20,9	20,5
16. Ю. Гагарин	87,5	91,9	92,3

В современной массовой культуре под влиянием СМИ и активной проповеди различных конфессий понятия веры и религиозности часть отождествляются, воспринимаются как синонимы. Однако данные опроса показывают, что эти

категории разведены в представлении респондентов, причем разрыв положительных оценок составил 26,5% в пользу веры (табл. 5). Вера — понятие, несомненно, более широкое, чем религиозность, с ним могут быть связаны все культурные ценности. Преобладание нейтральных оценок объясняется потерей интереса к деятельности церкви со стороны молодежи. Это связано отчасти с тем, что в медийном пространстве представлен широкий выбор других тем и проблем, а отчасти с тем, что в сознании молодежи церковь как социальный институт является носителем консервативных, традиционных ценностей (ценности консерватизма в положительных оценках занимают последнюю позицию).

Таблица 5

Скажите, пожалуйста, какие из нижеперечисленных слов (понятий) вызывают у Вас скорее положительные чувства, а какие — скорее отрицательные? (дайте один ответ по каждой строке, положительное значение — 1, отрицательное —3) (в %)

Понятия	Значения				
	Скорее положительное	Нейтральное	Скорее отрицательное	Не понимаю смысл слова	Средняя оценка
1. Солидарность	56,1	40,0	1,9	2	1,45
2. Права человека	72,3	23,6	3,3	0,8	1,3
3. Запад	27,3	62,6	6,8	3,3	1,79
4. Церковь	19,5	44,4	33,7	2,4	2,15
5. Традиция	48,2	40,9	9,6	1,4	1,61
6. Прогресс	87,9	9,8	1,2	1,1	1,12
7. Прошлое	39,5	48,8	9,8	1,8	1,7
8. Свобода	88,4	9,3	1,4	0,8	1,13
9. Индивидуализм	65,1	27,7	4,7	2,4	1,38
10. Патриотизм	44,7	42,8	10,9	1,6	1,66
11. Консерватизм	15	52,7	28,9	3,4	2,14
12. Сострадание	67,4	27,2	4,4	0,8	1,39
13. Вера	46	40,7	11,8	1,5	1,65
14. Мораль	71,8	24,4	2,9	0,9	1,31
15. Либерализм	25,3	60,9	9	4,8	1,83

Однако такая традиционная ценность, как семья, часто занимает первые позиции (табл. 6), что говорит об определенной консервативности взглядов молодежи. Объяснить низкий рейтинг единства по признаку вероисповедания можно тем, что опросы проводились в светских вузах: вероятно, если бы опрос проводился в духовных учебных заведениях, то картина была бы другая. В каждом вузе свой идейно-духовный климат, и в технических вузах преобладает еще атмосфера советского атеизма и научно-материалистическое мировоззрение. Религиозные ценности являются частью нравственных ценностей, и обычно такие моральные категории, как *вера, убеждение, идеал, смысл*, прямо или косвенно связаны с религией. В этой связи следует отметить, что общность по нравственным принципам набрала на 41% больше, чем единство по религиозным признакам.

Таблица 6

Как часто Вы чувствуете общность (единение) со следующими группами людей, о ком Вы могли бы сказать «это — Мы»? (выберите, ответ в каждой строке) (в %)

Группы	Часто	Редко	Практически никогда
1. С людьми того же материального достатка	36,4	41,8	20,8
2. С людьми, разделяющими взгляды на жизнь	81,4	15,9	2,5
3. С людьми того же уровня образования	57,0	35,5	7,2
4. С людьми той же профессии	54,8	35,2	9,8
5. С людьми, проводящими досуг так же, как я	65,7	25,5	8,3
6. С людьми моего вероисповедания	25,6	32,6	41,2
7. С моей семьей, близкими	83,5	13,7	2,8
8. С людьми моей национальности	42,5	38,1	18,9
9. С гражданами Российской Федерации	43,8	39,9	15,8
10. С людьми таких же нравственных принципов	66,6	27,2	5,6

Для христианского мироощущения и этики важны такие черты личности, как послушание и смирение, поэтому в представлении респондентов они отождествляются с религией. Сегодня принято противопоставлять толерантность и национальную идентичность, патриотичность. Православие выступает, безусловно, частью русской традиционной культуры, а понятие толерантности связано с либеральным мировоззрением, имеющим истоки в западной цивилизации. Из данных мы видим, что эти противоположные друг другу качества-ценности имеют небольшую разницу в оценках (табл. 7). Рациональность и прагматизм как этические смысловые установки воспринимаются как альтернатива традиционной религиозности, устоявшимся нравственным принципам. Первые принципы ценятся молодежью несколько выше, чем религиозность, однако разрыв небольшой, что в определенной степени развенчивает мнение о прагматизме молодых людей.

Таблица 7

Какие качества Вы больше всего цените в людях (выберите не более 5 вариантов ответа)

Качества	%
1. Честность	54,8
2. Доброта	38,4
3. Надежность	37
4. Воспитанность	36,6
5. Ум	36,6
6. Трудолюбие	25,3
7. Ответственность за себя и своих близких	25
8. Справедливость	23,7
9. Солидарность, готовность помогать людям, оказавшимся в трудном положении	23,6
10. Терпимость в отношении людей с другой точкой зрения	23,3
11. Самодисциплина, собранность	17,8
12. Внутренняя свобода, независимость	17,4
13. Рассудительность	15,2
14. Эрудиция	14,7
15. Самокритичность	12
16. Наличие твердых принципов и идеалов	10,7
17. Толерантность	10,2

Окончание таблицы 7

Качества	%
18. Предприимчивость, умение добиваться успеха	9,9
19. Твердая воля	9,6
20. Рациональность, прагматизм	9,5
21. Моральная чистота	8,6
22. Коллективизм, готовность к участию в решении общих дел	5,1
23. Активная общественная позиция	2,9
24. Религиозность, вера в Бога	2,9
25. Патриотизм	2,8
26. Законопослушание	1,7
27. Послушание, смирение	1,7
28. Следование традициям	0,9
29. Другие (укажите, какие)	0,8

В таблице 8 видно, что восприятие религиозности как жизненного пути не отличается у «технаррей» и «гуманитариев»: такие стратегии жизненного пути, как работа по специальности, занятие бизнесом и политикой, преобладают среди студентов, что подтверждает прагматическую и реалистическую направленность их мировоззрения. Уход в религию для многих — уход в аскезу, отказ от жизненных благ и удовольствий, аскетические идеалы — сегодня не популярны, что объясняется возможностями долгой и полноценной жизни благодаря новейшим технологиям в биологии и медицине.

Таблица 8

Какой жизненный путь Вы считаете для себя предпочтительным в будущем? (в %)

Варианты ответа	Направления подготовки		Всего
	Технические	Гуманитарные	
1. Работать по специальности, которую я выбрал	75,8	64,5	70
2. Уйти в бизнес	66,8	63,4	65,1
3. Заняться политикой, общественной деятельностью	52,5	45,5	48,9
4. Уехать работать за границу, в другие страны	43,7	46,8	45,3
5. Работать в госаппарате	23,5	24,4	24
6. Жить на природе, вдали от всей этой суеты	23,5	24,4	24
7. Попробовать себя в художественном творчестве	16,3	31,4	24
8. Служба в армии, полиции и т.п.	6	5	5,5
9. Другое	3,5	3,4	3,5
10. Уйти в религию	3,2	2,6	2,9

Проведенные исследования позволяют диагностировать отход молодежи от религиозных ценностей, которые популярны среди немногочисленных подгрупп молодежи. Среди студентов наблюдаются довольно негативные настроения по отношению к деятельности организаций, связанных с религией. Нивелирование религиозных ценностей в сознании молодых людей объясняется тем, что сегодня Русская православная церковь и другие конфессии ведут активную социальную, образовательную и культурную работу, что, по мнению многих молодых людей, противоречит конституционному положению о светскости государства. Если экстраполировать эти выводы на студенчество, то можно сделать вывод, что студенты относятся к колеблющимся и атеистам. Это инди-

катор трансформации ценностей в начале XXI столетия. Широко известен факт, зафиксированный в переписи 1937 года, что 57% назвали себя верующими, тем самым подтвердив востребованность религии в обществе, что в условиях государственного атеизма и репрессий показательно. В современных условиях, когда религиозные институты ведут активную миссионерскую деятельность и молодежь достаточно информирована в этой сфере, наблюдается некоторое недовольство по отношению к этой проповеди. Молодежь воспринимает любое принуждение негативно, особенно в сфере выбора идеологии и мировоззрения. Свободное мышление не отрицает духовности, веры, религиозности, но активное «навязывание» этих понятий со стороны любых социальных институтов неприемлемо для молодого поколения.

Повсеместное возрождение религиозных институтов, выражающееся в росте числа религиозных учреждений, духовных учебных заведений, печатных и электронных изданий, не привело пока к качественному подъему религиозности. В секулярном обществе религиозные ценности не воспринимаются светскими людьми как терминальные, определяющие их жизнь и поступки, — скорее как то, что присутствует в воспитании и образовании и перенимается молодым поколением автоматически. Поэтому, анализируя религиозные ценности, сравнивая их с другими ценностями культуры, молодежь дает им низкие оценки, понимая, что они присутствуют в их сознании как часть культурного багажа, но не как реальные руководства к действию.

Динамика религиозных ценностей органично встраивается в эволюцию культурных ценностей в целом, в пересмотр традиций новыми поколениями. «Последние четверть века российское общество находится в состоянии смены нравственных ориентиров, жизненных приоритетов, деформации традиций и устоев, но проблема заключается в том, что новые ценности пока не вполне понятны» [4. С. 215]. Этот процесс обусловлен тем, что современный молодой человек живет в пространстве Интернета, в котором может найти информацию практически любого содержания, как положительные, так и отрицательные отзывы о деятельности религиозных институтов, жизни и взглядах адептов любой конфессии. Если в 1990-е годы общество в основном получало информацию из телевизионных передач и чтения газет, то в 2000-е годы, благодаря появлению Интернета, информация стала многоканальной и индивидуализированной. В связи с этим во взглядах поколения, сформированного в 2000-е годы, наблюдается более сдержанное отношение к вере и религиозности в отличие от поколений, чьи взгляды сформировались в позднесоветский период и в 1990-е годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Гараджа В.И.* Социология религии. М., 2007.
- [2] Динамика ценностных ориентаций молодежи (2006—2014) / Под общ. ред. Е.П. Савруцкой. Нижний Новгород—СПб., 2014.
- [3] *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- [4] *Курилов С.Н., Андреев А.Л.* Рецензия на книгу «Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)» // Вопросы философии. 2016. № 8.
- [5] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.

- [6] Обыденный сексизм: существует ли в России равноправие полов // <http://www.levada.ru/2016/04/13/obydennyj-seksizm-sushhestvuet-li-v-rossii-ravnopravie-polov>.
- [7] Савченко И.А. Этнические стереотипы в студенческом сообществе // В мире научных открытий. 2011. № 3.1.
- [8] Церковь и государство // <http://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2>.
- [9] Широкалова Г.С., Шиманская О.К., Аникина А.В. Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи? // Социологические исследования. 2016. № 6.
- [10] Collins-Mayo S. Youth and religion. An international perspective // Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik. 2012. No. 11.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493

THE YOUTH'S PERCEPTION OF RELIGIOUS VALUES: A SOCIOLOGICAL STUDY*

M.L. Ivleva¹, S.N. Kurilov², V.J. Rossman³

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Moscow Power Engineering Institute
Krasnokazarmennaya St., 14, Moscow, 111250, Russia

³University of International Business and Economics
Huixin Dongjie, 10, Chaoyang District, Beijing, 100029, China
(e-mail: ivleva_ml@pfur.ru, kurilov85@mail.ru,
vjrossman@yahoo.com)

Abstract. The article considers the younger generations' perception of religion and the role of religious values. The authors argue that in the last decades the attitudes to religion in the Russian society have transformed. Religion determines values of every culture that influence the worldview of different generations. In the contemporary secularized society, religion plays the role of a moral referee, forms a national mentality and a worldview. Younger generations as a dynamic social group do not tend to follow conservative traditional values, which allows to understand further trajectories of social development. The youth's interpretation of key life values significantly differs from the understanding of the same values by older generations. Younger generations are usually characterized by social dynamism, psychological lability, changing perception of cultural traditions and values, constant search for innovations and revision of the established traditions. Religious values are traditional and conservative by nature, thus they turn people to the past rather than to the future, that is why the youth is often unclear about religion. The data of international and Russian surveys prove that the youth consider religion quite pragmatically, as a kind of psychotherapy. The article presents the results of the sociological research, in which religious values were compared with other cultural values — artistic, scientific, moral and practical. According to the data, the number of people interested in religion and faith issues has significantly increased compared with the late Soviet period but religious values for younger generations are not a priority for other cultural values seem to be more important.

Key words: religious values; religious traditions; students; youth; faith; spirituality; church; post-religious society; post-secular society

* © M.L. Ivleva, S.N. Kurilov, V.J. Rossman, 2018.

The research was supported by the RUDN University. Grant “Religion as a factor of stability in the contemporary Russian society”.

REFERENCES

- [1] Garadzha V.I. *Sociologiya religii* [Sociology of Religion]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [2] *Dinamika tsennostnykh orientatsiy molodezhi (2006—2014)* [Dynamics of the Youth's Value Orientations (2006—2014)]. Pod obsch. red. E.P. Savrutskoj. Nizhnij Novgorod — Saint Petersburg; 2014 (In Russ.).
- [3] *Zhiznennyj mir rossijan: 25 let spustya (konets 1980-h — seredina 2010-h gg.)* [The Life World of the Russians: 25 Years Later (late 1980s — mid-2010s)]. Pod red. Zh.T. Toshchenko. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [4] Kurilov S.N., Andreev A.L. Retsenziya na knigu “Zhiznennyj mir rossijan: 25 let spustya (konets 1980-h — seredina 2010-h gg.)” [Review of the book: The Life World of the Russians: 25 Years Later (late 1980s — mid-2010s)]. *Voprosy Filosofii*. 2016; 8 (In Russ.).
- [5] Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye orientatsii i socialnoe samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Value Orientations and Social Well-Being of the Student Youth (Results of the Empirical Study)]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [6] Obydennyj seksizm: sushchestvuet li v Rossii ravnopravie polov [Ordinary sexism: Is there gender equality in Russia?]. <http://www.levada.ru/2016/04/13/obydennyj-seksizm-sushhestvuet-li-v-rossii-ravnopravie-polov> (In Russ.).
- [7] Savchenko I.A. Etnicheskie stereotipy v studencheskom soobshchestve [Ethnic stereotypes in the student community]. *V Mire Nauchnykh Otkrytij*. 2011; 3.1 (In Russ.).
- [8] Tserkov i gosudarstvo [Church and State]. <http://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2> (In Russ.).
- [9] Shirokalova G.S., Shimanskaya O.K., Anikina A.V. Suschestvuyut li gendernye osobennosti religioznosti studencheskoj molodezhi? [Are there gender differences in the religiousness of the student youth?]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2016; 6 (In Russ.).
- [10] Collins-Mayo S. Youth and religion. An international perspective. *Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik*. 2012; 11.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-494-506

КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АКСИОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ*

А.А. Оносов¹, А.Т. Гаспаришвили¹, К. Шафранец²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

²Университет Николая Коперника
Фоса Старомейска 1а, 87-100 Торунь, Польша
(e-mail: o.ksandr@yandex.ru, gasparishvili@yandex.ru,
krystyna.szafraniec@umk.pl)

Статья основана на анализе эмпирических данных, полученных в ходе инициативного проекта, нацеленного на изучение миграционной ситуации в России. В рамках комплексного исследования для столичного региона — Москвы и Подмосковья — в статистическом виде и экспертных суждениях была выражена актуальная система ценностей, характерная для русского этноса, описана иерархия жизненных установок его представителей. В статье представлено социологическое описание содержания и уровней системы ценностей, наиболее значимых для русских; исследуется ее структурирующая функция в сознании русского этноса. Выяснение очертаний идентичности коренных жителей московского региона — в том виде, в каком она ими осознается — предваряется анализом социокультурной среды столичной агломерации. В ходе количественного исследования использовался расширенный набор критериев оценки идентичности, включающий помимо системы ценностей респондентов их личные жизненные установки. Авторы полагают, что *культурная* модель русской идентичности способна создать более широкое и вариативное поле социальных отношений для неконфликтного, конструктивного этнического взаимодействия русских с другими народами, чем модель *этнонациональная*. При этом оговаривается отличие культурной модели русской идентичности от западной модели мультикультурного многоконфессионального общества, уже обнаружившей свою недееспособность в кризисных условиях современности. Современный ценностный ландшафт русского населения московского региона выражает наряду с необходимостью сохранения традиционных черт русского характера, стремление к утверждению ценностей гражданского общества. Исходя из полученных данных, авторы обосновывают предположение, что в современной России *этническая идентичность* русского населения сосуществует с усиливающейся *гражданской идентичностью* на основе соответствующих ценностей и объединяющих идей и целей. Статья направлена на углубление и детализацию понимания этнической идентичности русских и коммуникативного потенциала культурной модели идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность; русский этнос; система ценностей; жизненные установки; культурная модель идентичности; общественное сознание; социологическое исследование; общественное мнение, экспертный опрос

Формирование этнической идентичности является одним из самых сложных и болезненных процессов в развитии общества и государства. Многие масштабные конфликты были связаны с противоречивым характером формирования идентич-

* © Оносов А.А., Гаспаришвили А.Т., Шафранец К., 2018.

ности, и в то же время сами становились акселераторами этого процесса. Проблема этнической самоиндефикации русских не нова, она в той или иной степени остроты сопровождает историю нашего государства. Сегодня эта проблема стоит особенно остро в связи не только со становлением новой российской государственности после распада Советского Союза, но и с характерными для современного мира процессами, такими как массовая трудовая миграция из-за рубежа.

В последние годы интерес к проблеме идентичности в научном сообществе заметно вырос. Этой теме посвящаются научные статьи [7; 77] и монографии [2; 8; 10]. Обсуждение вопросов, связанных с формированием национальной и этнической идентичности, ведется на площадках интернет-форумов [9] и научных конференций [1; 4]. В рамках исследовательского проекта коллективом ученых МГУ имени М.В. Ломоносова было осуществлено комплексное — количественное и качественное — социологическое изучение основных характеристик идентичности русского населения московского региона. В результате методами описательной статистики и экспертного анализа была выявлена и структурирована актуальная система ценностей, характерная для русского этноса, эксплицирована иерархия основных жизненных установок его представителей.

Эмпирическое описание процесса *этнизации массового сознания русских*, основные характеристики их *идентичности* в этническом, гражданском и религиозном измерениях представлены в отдельных статьях [5; 6]. Данная работа направлена на углубление и детализацию понимания этнической идентичности русских, аргументирование культурной модели русской идентичности и выяснение ее коммуникативного потенциала в системе межэтнических и межнациональных отношений.

Вопросы самоидентификации русского этноса традиционно порождают сложное, исторически многосвязное, отчасти даже мистифицированное концептуальное пространство, и потому требуют деликатности в обсуждении. Конфигурация и актуальное содержание этого пространства представлений лабильны, неизбежно реагируют на текущую социально-политическую, экономическую и социокультурную динамику, воспринимаемую в долгосрочном и широкоформатном историческом контексте. Исходя из этого выяснение очертаний идентичности коренных жителей московского региона — в том виде, в каком она осознается самим русским населением — целесообразно предварить анализом социокультурных параметров столичной агломерации.

КАЧЕСТВО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РУССКИХ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

Из опыта социологических исследований хорошо известно, что восприятие и переживание текущей жизненной ситуации, определение статуса и самоидентификация зависят от качества жизни и социального самочувствия [12]. В системе индикаторов, характеризующих социальное самочувствие, один из важнейших —

оценка респондентом *изменений экономической ситуации в регионе и собственного материального положения* [см., напр.: 3]. В соответствии с методологией количественного исследования сравнительные оценки строились в двух направлениях: *ретроспективном* — за минувшие пять лет, и *перспективном* — через предстоящие пять лет. Такие сопряженные временные ряды оценок задают более точное измерение динамики материального положения, причем в контексте определяющих тенденций экономического развития всего региона.

Полученные распределения свидетельствуют, что по этим показателям социальное самочувствие русского населения московского региона, во-первых, нельзя назвать благополучным, во-вторых, оценочный скепсис респондентов с уклоном в открытый негатив имеет устойчивый тренд: примерно 56—58% жителей Москвы и области ощущают, что и экономика региона, и их достаток не только стали хуже за последние пять лет, но и продолжат ухудшение теми же темпами в ближайшие пять лет (рис. 1). Даже доля тех, кто оценивает ситуацию как стабильную, не обнадеживает: лишь треть (34—36%) не испытали заметных изменений в прошлом, и четверть (23—25%) рассчитывает на сохранение status quo в экономике региона и на удержание своих материальных позиций в будущем. На этом тревожном фоне не удивительно, что группы оптимистов с положительными оценками экономической динамики немногочисленны (6—9%). Данные слабо дифференцированы по основным социально-демографическим признакам. Позитивная динамика в большей мере свойственна жителям Москвы, чем области, но и она сходит «на нет» в оценках личного благополучия на следующую пятилетку.

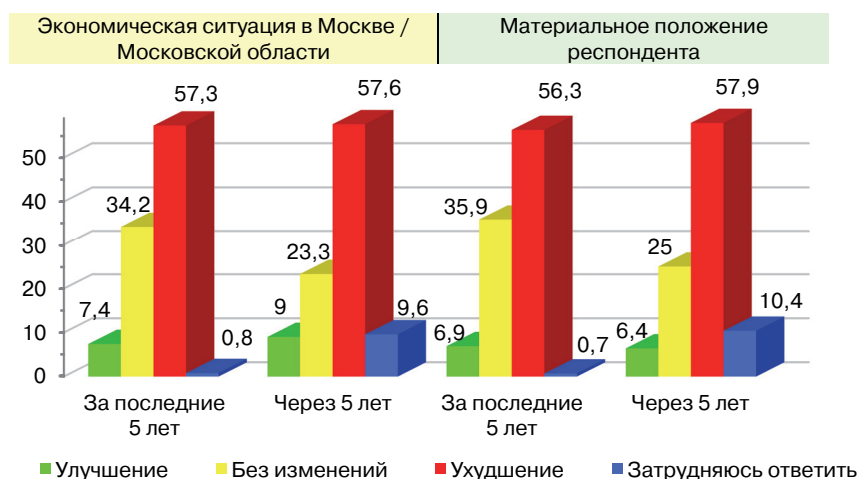

Рис. 1. Оценки ситуации (в %)

Другая грань социального самочувствия, служащая необходимым фоном для самовосприятия и идентификации представителей русского этноса в московском регионе, — оценка состояния российской культуры в сравнении с образцами прежних лет. Сегодня такой фон нельзя назвать благоприятным (рис. 2).

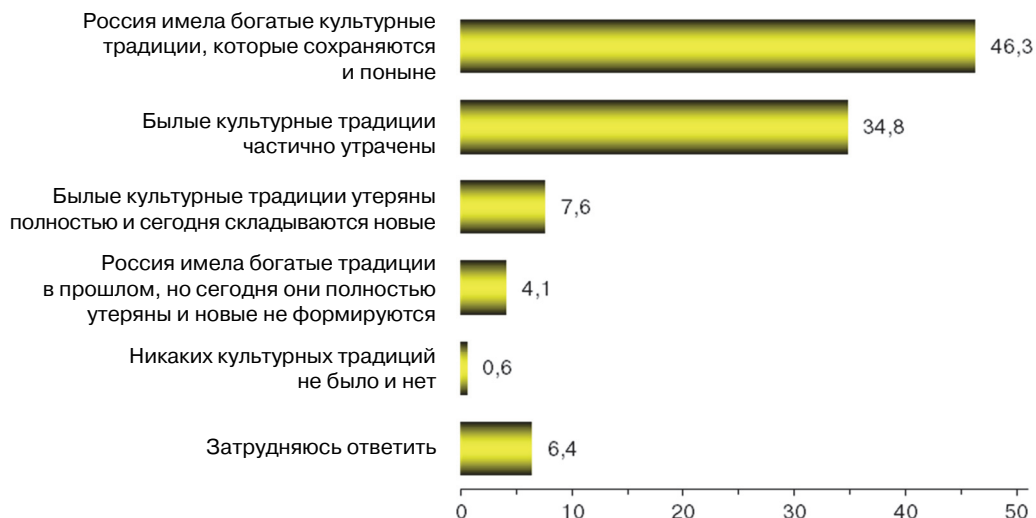

Рис. 2. «Что Вы можете сказать о культурных традициях России?» (в %)

Оценивая актуальные культурные традиции русского этноса и российского социума в целом, менее половины опрошенных (46,3%) убеждены, что Россия в полном объеме унаследовала и бережно сохраняет богатые традиции прошлого. Треть (34,8%) считает, что часть былых традиций утрачена, а еще 7,6% констатируют полную утрату культурного многообразия исторической России, но при этом полагают, что идет становление новых, отвечающих текущей динамике, традиций. Наконец, еще одна группа, балансирующая на грани статистической незначимости (4,1%), уверена, что взамен ранее традиционной культуры новая не возникает. Можно резюмировать, что 81,1% признают действенными культурные традиции в большем или меньшем их объеме. Напротив, считают их полностью утраченными 11,7%. При этом о культурной аномии сегодняшнего дня, о культурной неопределенности российского общества говорит почти каждый двадцатый (4,7%) представитель русского населения московского региона. И выявленная структура оценок с некоторыми колебаниями воспроизводится в большинстве основных групп опрошенных: мужчины демонстрируют чуть большую уверенность в незыблемости культурной основы общества, чем женщины; люди с высшим образованием чаще говорят о том, что с некоторыми потерями российская культура все же сохраняет актуальность и продолжает свою миссию в современных условиях.

Проявляющийся социокультурный узор, формируемый жителями московского региона из числа русских, дополняется еще одним паттерном, помогающим выстроить систему измерений этнической идентичности. Таким калибровочным вопросом может служить отношение к распаду СССР, на просторах которого декларировалась номинальная дружба народов, а явления массовой миграции и столкновения этнокультурных стереотипов не были известны в тех формах, в которых характерны для современной России. На вопрос о распаде Советского Союза, за последнюю четверть века растерявший свою *политическую* важность,

но продолжающий сохранять культурную значимость — как исторически, для понимания судеб страны, так и психологически, для сохранения идентичности, особенно для старших поколений, — большинство опрошенных (64,3%) ответили, что сожалеют о распаде СССР, причем половина из них до сих пор не смирилась с таким обрывом истории большой страны. Каждый четвертый-пятый (22,3%) не переживает по этому поводу, а 12,8% предпочитают не задумываться на эту тему, и чаще других это, естественно, представители постсоветского поколения (рис. 3).

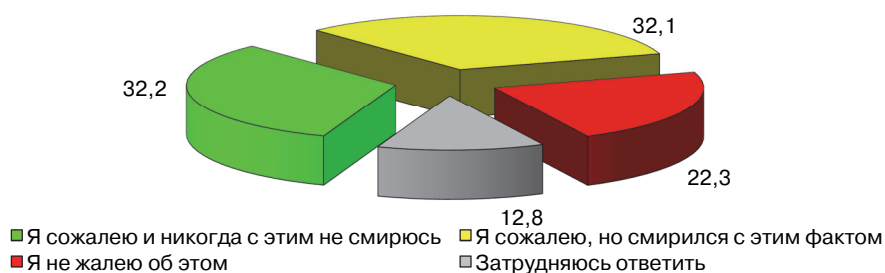

Рис. 3. «Как Вы относитесь к распаду СССР?» (в %)

Возвращаясь к реалиям современной России и учитывая исторический урок СССР, участники опроса имели возможность выразить свое мнение по поводу критических социальных процессов, представляющих прямую угрозу безопасности России как государству. Подобная информация способствует более глубокому и полному раскрытию «дрейфа» идентичности, пониманию содержательных акцентов в самовосприятии русского населения региона в контексте мировых событий. В предложенном респондентам перечне негативных процессов и явлений, создающих угрозу безопасности России, наиболее значимым, ушедшим в отрыв от остальных тревог и опасений, оказалось *избыточное количество мигрантов*, которое выводит проблему миграции на государственный уровень. Такова оценка более половины (58,5%) опрошенных, которые в повседневном бытийном аспекте выступают, по сути, в качестве стихийных экспертов. По своей злободневности эта угроза оказалась для москвичей даже более важной, чем метастизирующая во все уровни государственной власти *коррупция* (42,2%). Вровень с последней идет и прямая агрессия в виде *международного терроризма* (41,6%).

Пожалуй, впервые в практике социологических исследований последних лет зафиксирован столь высокий и беспрецедентный для современной России уровень тревоги, обусловленной миграционной волной. Под ее натиском утратили свой традиционный накал такие психологически окрашенные страхи, как *бедность* (16,1%), призрак нового *экономического кризиса* (10%) и социально значимый по своим последствиям *отказ от демократии* (9,4%).

Острота восприятия данной угрозы жителями региона определенным образом зависит от некоторых социально-демографических характеристик. Так, респонденты, не исповедующие какую-либо религию, чаще предъявляют «черную метку» миграционной угрозы (55,1% среди верующих и 78,6% среди атеистов). Она также вызывает большее беспокойство у людей со средним уровнем доходов (64,1%),

нежели у респондентов с высоким или низким достатком (49,4 и 41,1%, соответственно). Для последних более значима проблема коррупции, которая представляется им главной угрозой для целостности России. Что касается состоятельных граждан, то, очевидно, они имеют возможность нивелировать дискомфорт, вызванный трудовой миграцией в регион, а возможно именно ей и обязаны своим материальным благополучием.

Коррупция как общенациональная государственная угроза тоже неодинаково воспринимается в отдельных социально-демографических группах. Относительно большую озабоченность по поводу этого социального зла высказывают мужчины (46,3%, среди женщин — 39%), верующие (46,3%, среди «агностиков» — 20,6%) и, как уже отмечалось, люди с низким уровнем доходов (53,4%). Угрозу международного *терроризма* сильнее ощущают в области, чем в Москве (46,1 и 38,7%, соответственно), «воцерковленные» граждане (52,4%). Для обеспеченных людей терроризм — главная, наиболее серьезная угроза государству (51,8%). Некоторые позиции из «тревожного рейтинга» имеют своих адресных выразителей, например, *преступность* больше тревожит людей с невысокими доходами (37%) и среднего возраста (31,5%). На возможности *утраты национальной самобытности* чаще указывают мужчины, чем женщины (20,2 и 14% соответственно).

Максимально обобщая *экспертные оценки*, можно сказать, что у специалистов, привлеченных к описываемому социологическому исследованию, наибольшие опасения вызывают перспективы возможной *децентрализации России* и даже *распада государства* (эксперты сравнивают возможную ситуацию с распадом СССР). Данные угрозы возникают под воздействием множества факторов, которые условно можно разделить на следующие группы: внешнеполитические факторы; культурный упадок; межэтнические конфликты; демографические проблемы; внутривнутриполитические проблемы.

Говоря о внешних факторах, которые могут угрожать существованию государства и представлять угрозу национальной безопасности, эксперты отмечают необходимость обеспечения информационной безопасности в условиях риска формирования однополярного мира, когда, с одной стороны, США взяли на себя роль «мирового жандарма», а с другой стороны, отмечается постоянное давление Китая. «*Агрессивность мусульманского юга*», проникновение на территорию России «*радикальных мусульманских учений*», «*этнический сепаратизм, поддерживаемый из-за границы*» — все это, по мнению экспертов, может нести угрозу российской государственности.

Ряд экспертов выделяют в качестве опасной тенденции снижение общего культурного уровня населения, утрату *русскости*, «*потерю языка*». С другой стороны, подчеркивается, что упор на *этническую* идентификацию тоже угрожает целостности России, так как ослабляет общенациональное единство, превращая его в неустойчивую и необязательную ассоциацию в постоянно меняющемся пространстве частных интересов. В этой связи отмечается необходимость укрепления *гражданской* идентичности, основанной на культурно-идеологическом воспитании и понимании общности исторических целей всех представителей полиэтнического и мультикультурного суперэтнуса России. Какие бы вызовы

государство ни встречало, какие бы проблемы перед обществом ни возникали, национальное единство и сплоченность граждан должны быть императивными требованиями постояннодействующей идеологии современной России — таков «программный» вывод экспертного сообщества.

Этнизация сознания народов России, по мнению ряда экспертов, представляет угрозу для целостности страны. Речь в том числе идет и о «*национальном эгоцентризме русских*», сформированном на основе образа врага и угрожающем привести в перспективе к «*русскому сепаратизму*». Так, при постоянном нарастании этнического дисбаланса коренного населения и приезжих возникает серьезная опасность обострения и эскалации межэтнических конфликтов, поводами для которых могут служить разные, иногда случайные обстоятельства.

Снижение общего уровня образования, профессиональная деградация, отсутствие возможностей для самореализации большей части населения, дефицит опытных кадров в сфере управления — все эти явления ведут к упадку в экономической сфере, что усиливает социальное расслоение, рождает недоверие к успешным и богатым людям, склонным к созданию «запасного аэродрома» в благополучных странах, питает ощущение несправедливости, распространяет «бедность большинства» и, как следствие, алкоголизм, социальную девиацию и т.п. При этом эксперты отдельно отмечают критическую демографическую ситуацию в России, грозящую серьезными рисками для сохранения суверенитета страны: ей, по мнению ряда специалистов, угрожает утрата понимания своего места в мире, а русскому народу — физическое вымирание.

Эксперты обращают внимание на то, что сегодня в стране практически отсутствуют общенациональные лидеры от гражданского общества — узнаваемые, авторитетные, способные политически стимулировать государство на решение острых проблем согласно стратегическим целям страны. Эту роль не способны играть и представители разных российских элит. Более того, возобладавший меркантилизм, стремление к личному обогащению не только денационализируют политическую и экономическую элиту, но и формируют на ее основе класс людей, для которых их историческое происхождение и территориальная «привязка» не имеют решающего значения: их пребывание в России, публичная и деловая активность в стране, позиционирование себя как ее гражданина и представителя местного населения нередко обуславливается лишь соображениями выгоды. Наибольшую опасность эксперты видят в том, что к власти, к руководству развитием страны приходят люди, у которых отсутствует гражданская, общественно-историческая и отчасти даже этническая самоидентификация.

Таков в отдельных чертах социокультурный, экономический и политический контекст самоопределения и этнической идентификации русского населения московского региона.

КОМПОНЕНТЫ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Необходимость вычленивать и идентифицировать объективные основы «*русскости*» в большинстве случаев вынуждает экспертов оперировать такими атрибута-

ми, как *культурная* и *этническая* («кровнородственная»). В целом такой подход согласуется с известными моделями *национализма* в их современном оформлении и толковании. *Этнический подход* предполагает признание первостепенной важности «родовых корней», преемственности генетических качеств — в той мере, в какой необходимо, чтобы представители этноса не переставали считать себя и своих соплеменников русскими. *Культурный подход*, который сегодня доминирует, выражается следующим принципом: чтобы быть русским (по собственным ощущениям и по восприятию других), необходимо *владеть русским языком*, быть *причастным русской культуре*, в частности, через фольклор и классическую литературу, *знать историю России*, и *чувствовать себя русским*, проявлять «*архетипическую*» русскость в актах мышления и поведения. Названные подходы могут проявляться и в методологически чистом виде и, чаще, в комплексных, смешанных вариантах — когда в качестве критериев «русскости» эксперты указывают обязательные признаки, характерные для обоих подходов. Однако доминирование культурной модели русской идентичности актуализирует необходимость рассмотрения этнической идентичности в иных аспектах, выявленных в ходе количественного исследования, в том числе с точки зрения базовых ценностей, определяющих содержание «русскости».

Для понимания этнической идентичности русских важно представлять систему ценностей, принятую в русском этносе и структурирующую его общественное сознание. Совокупность выделенных в ходе социологической экспертизы наиболее значимых для русских ценностей может быть разделена и затем сгруппирована по признаку их специфичности/всеобщности. Первую группу составляют *неспецифические всеобщие*, или *европейские городские ценности*. Это базовые и очень простые ценности, в которых действительно нет ничего специфически русского: индивидуализм; карьера; личный успех и благополучие; мир; стабильность; семья (ряд экспертов отнес семью к *общечеловеческим* ценностям, другие атрибутировали ее в качестве исключительно *русской* ценности). По содержанию это ценности развитого городского общества, отчетливо выраженные в урбанистических центрах европейских стран: хороший дом, хорошая работа, хорошая семья, достаток и карьера.

Вторая группа объединяет ценности, определяемые как *специфически русские*: общинность, справедливость; нравственность; история народа и государства, история России; православие; патриотизм, державность; жертвенность; духовность, стремление к метафизическому абсолюту.

Учитывая, что эксперты определяют русскую идентичность как преимущественно *культурную*, а определяемые ею ценности, в том числе *специфически русские* (за исключением некоторых, например, истории России, державности, православия, стремления к метафизическому абсолюту), в большей или меньшей степени присущи и другим культурам, представленная содержательная модель русскости обладает высоким потенциалом для реализации *неконфликтного межэтнического взаимодействия* русских с другими этно-национальными общностями. Вопрос эффективности подобного взаимодействия упирается

в валидность экспертных оценок, их соответствие представлениям населения о ценностном содержании «русскости», а при более детальном анализе — в вопрос о степени взаимной референтности взаимодействующих культур, близости национальных культурных стандартов. Последнее обстоятельство требует не только выяснения аксиологической конфигурации «русскости», но и учета ценностных основ иных национальных типов этнической идентичности.

Что касается ценностей и смыслов, задающих обобщенный образ «русского» в сознании русского населения московского региона, то целесообразно снова опереться на эмпирические данные. В ходе количественного исследования использовался расширенный набор критериев, включающий помимо *системы ценностей* респондентов и их личные *жизненные установки*. Полученные данные свидетельствуют, что сегодня лишь одну ценность можно принимать как достаточно общую: 50,4% жителей московского региона из числа русского населения «высшим благом» признают *закон и порядок*; вторая по значимости ценность — *мир* — разделяется меньшим числом опрошенных (43,6%); третья позиция принадлежит *терпимости* (39,3%), *права человека и личная свобода* набрали около трети сторонников (30,1%) — таковы высшие приоритеты. Ценности следующего блока объединяют четвертую-пятую часть опрошенных: это *равенство* (23,7%), *экономическая мощь страны* (23,4%), *солидарность* (21,8%), бережное отношение к *культуре и природе* (21,8% и 21%). Примечательно, что декларируя общую терпимость (39,3%), респонденты в 2—3 раза реже готовы проявлять ее — как *уважение к различным культурам и религиям* (14,4% и 10,1%, соответственно). *Демократия* в нынешних социально-политических реалиях представляет ценность лишь для седьмой-восьмой части русского населения (13%).

Представленное распределение дифференцировано по некоторым социально-демографическим признакам, наиболее заметно — по возрасту и религиозности. Так, принцип *законности* активнее других отстаивают 30—39-летние (54,5%), они же демонстрируют бóльшую *миролюбивость* (51,3%), стремление к соблюдению *прав и свобод* (34,2%) и к утверждению *равенства* (27,8%). При этом для них в меньшей степени, чем для других возрастных групп, значима *терпимость*. Последняя как ценность чаще декларируется в молодежной среде (42%), а представители группы 40—49 лет наиболее заинтересованы в *солидарности* (31,1%). Верующие, как правило, занимают более активную позицию в признании большинства ценностей, чем атеисты, и лишь в вопросе солидарности и защиты окружающей среды уступают им.

Таким образом, результаты опроса убеждают, что такие ценности, как *уважение к разным культурам, демократия и уважение к разным религиям* имеют невысокий ценностный статус, что способно снизить коммуникативный потенциал *культурной модели русской идентичности*. Однако, несмотря на «заземление» в русском сознании столь принципиально важных, особенно для западных стран, ориентирующихся на мультикультурное, многоконфессиональное или вовсе безконфессиональное гражданское демократическое общество, понятий, все же даже в первом приближении можно прогнозировать, что культурная модель

идентичности создает более широкое и вариативное поле социальных отношений для неконфликтного и конструктивного этнического взаимодействия русских с другими народами, и в этом смысле она более адекватна, чем модель *этнонациональная*.

Итак, современный ценностный ландшафт русской Московии свидетельствует, что наряду с традиционно признаваемыми чертами русского характера — *миролюбивостью, терпимостью* — население московского региона с не меньшей, хотя и невысокой настойчивостью стремится к утверждению ценностей гражданского общества, таких как *законность, личные права и свободы, равные возможности для всех*, притом что политическое оформление и реализация этих ценностей может, в представлении опрошенных, и не совпадать с демократией. Практика мультикультурного и многоконфессионального социума, не получая явного одобрения напрямую, тем не менее, может иметь место благодаря терпимости и уважению личных свобод. В целом полученные данные могут служить эмпирическим основанием предположить, что в современной России, в ее столичном регионе, мотив *этнической идентичности* в сознании русского населения сопровождается нарастанием *гражданской идентичности* на основе соответствующих ценностей и объединяющих нацию идей и целей.

Конкретизируя личные жизненные приоритеты в обозначенных ценностных координатах, респонденты имели возможность выразить свое практическое кредо — к чему они считают необходимым стремиться в жизни. Главной и безусловной жизненной целью признается, с большим отрывом от остальных, *создание крепкой семьи* (83,7%). Следующими целями являются *материальная обеспеченность* и *предприимчивость*, служащие ориентирами для трети (примерно, 33—34%) респондентов. Примечательно, что эти ясные, отчетливо выраженные прагматичные устремления не сопровождаются столь же настойчивым желанием добиться *профессионализма*: такую цель ставят лишь четверть опрошенных (26%).

Полученное распределение обнаруживает некоторые структурные разломы: если первая тройка приоритетов нацеливает человека на благополучие преимущественно в *материальном* измерении, то следующие выражают *нравственные* устремления — это *справедливость, чистая совесть* и *дружба* (примерно, по 29—30%), а также *патриотизм* (28,3%). Такая безусловная витальная ценность, как *личное здоровье*, смещена в третий-четвертый эшелон жизненных целей: ее признает лишь каждый пятый (19,3%).

Представленная картина имеет достаточно устойчивый характер в разных группах. К ее особенностям можно отнести, что к материальному достатку более других стремятся люди предпенсионного возраста (50—59 лет), возможно, стараясь успеть обеспечить «достойную старость», тогда как молодежь пока меньше задумывается об этом (44,8% и 29% соответственно). Неслучайно и то, что для тех, кто стоит на пороге пенсии, профессионализм — третья по важности цель и стратегия жизни (33,6%), уступающая по значимости крепкой семье и материальному достатку.

Энергичность и предприимчивость менее актуальны для людей старшего поколения, уже вышедших на пенсию, и наиболее ценимы в среде тех, кто находится на пике профессиональной деятельности, — 40—49 летних (29,5% и 39,1% соответственно). Молодежь чаще, чем представители других возрастных групп, признает важность *быть патриотом* (31,6%), но не особенно настроена на *достижение профессионализма*. К этой же мысли подталкивает и другой факт: статус образованного человека малоценен в глазах молодежи (всего 12,4% на фоне в среднем 16,2% и 21,3% в старшей возрастной группе). Жители столицы отчетливо выражают стремление быть предприимчивым и справедливым, человеком с чистой совестью, профессионалом, тогда как для жителей области более значимы такие категории, как хороший семьянин, патриотизм, здоровье и уважение окружающих. Верующие люди демонстрируют в целом более высокий жизненный настрой, нежели респонденты, которые не относят себя ни к какой религии.

Такова эмпирически обоснованная *культурная модель идентичности русского населения* московского региона, полученная по результатам экспертизы этнизации массового сознания русских в Москве. Этническая идентичность — само явление и его познавательная модель — безусловно, подлежит дальнейшему изучению: разработке и уточнению ее базовых ценностей и коммуникативного потенциала методами количественного и качественного анализа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Дверницкий Б. Православие и самоидентификация русских в XXI веке // http://ruskline.ru/analitika/2015/03/04/pravoslavie_i_samoidentifikaciya_russkih_v_xxi_veke.
- [2] Матвеева А.И. Духовная социализация личности как социокультурная основа национальной безопасности России. М., 2017.
- [3] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [4] Научно-практическая конференция «Российская государственность в XXI веке: национальная идентичность и историческая память в условиях глобальной конкуренции». 2018 // http://www.sociologos.ru/sobytiya_i_anonsy/Nauchno-prakticheskaya_konferenciya_Rossijskaya_gosudarstvennost_v_xxi_veke_1.
- [5] Оносов А.А., Гаспаршивили А.Т. Измерения идентичности русских: социологические оценки и гуманитарная экспертиза // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 2.
- [6] Оносов А.А., Гаспаршивили А.Т. Этнизация массового сознания русских в Московском регионе: экспертная оценка процесса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 3.
- [7] Полуяхтова С.В., Третьякова Е.С. Национально-культурная идентичность российской молодежи на рубеже веков // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2016. Т. 1. № 1.
- [8] Рассадина Т.А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М., 2004.
- [9] Самоидентификация русского народа. 2013 // <http://maxpark.com/community/13/content/2208004>.
- [10] Сергеев А.Л. Российская государственность в XXI веке. Основные проблемы. М., 2017.
- [11] Цеханская К.В. Глобализм и русская идея: к проблеме самоидентификации русского этноса // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. М., 2013. Вып. 8. Ч. II.
- [12] Sirgy M.J. The Psychology of Quality of Life. Kluwer Academic Publishers, 2010.

CULTURAL MODEL OF THE RUSSIAN IDENTITY: AXIOLOGY, SEMANTICS AND COMMUNICATIVE POTENTIAL*

A.A. Onosov¹, A.T. Gasparishvili¹, K. Szafraniec²

¹Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

²Nicolaus Copernicus University in Toruń

Fosa Staromiejska St., 1a, 87-100, Toruń, Poland

(e-mail: o.ksandr@yandex.ru, gasparishvili@yandex.ru,
krystyna.szafraniec@umk.pl)

Abstract. The article presents empirical data of the project aimed at the study of the migration situation in Russia. The authors describe the current value system of the Russians and hierarchy of its basic life attitudes relying on both mass survey and expert estimates on the situation in Moscow and the Moscow Region. The article provides a sociological description of the content and levels of the system of values that are most important for the Russians; identifies its structuring function for the Russians' mass consciousness. Before focusing on the identity of the Moscow Region's natives (as it is perceived by the Russians), the authors consider the social-cultural situation in the metropolitan agglomeration. The quantitative sociological study relied on a wide set of criteria to study the identity, which included both the respondents' value system and their personal life attitudes. The authors believe that the cultural model of Russian identity is capable of ensuring a broader and more diverse field of social relations for a peaceful and constructive ethnic interaction of the Russians with other nations than the ethnic model. However, the cultural model of Russian identity differs from the Western model of multicultural and multiconfessional society, which has already proved its inefficiency under the contemporary crisis conditions. The value landscape of the Moscow Region's Russian population reflects both the necessity to preserve the Russian character's traditional features and a desire for values of civil society. The sociological data allow authors to argue that today the ethnic identity of the Russians interacts with the strengthening civic identity on the basis of relevant values and ideas and goals that unite the nation. The article aims at better understanding of the Russians' ethnic identity and of the communicative potential of the cultural model of identity.

Key words: ethnic identity; Russian ethnos; value system; attitudes; cultural model of identity; mass consciousness; sociological study; public opinion; expert survey

REFERENCES

- [1] Dvernitsky B. *Pravoslavie i samoidentifikatsija russkih v XXI veke* [Orthodoxy and Russian identity in the 21st century]. http://ruskline.ru/analitika/2015/03/04/pravoslavie_i_samoidentifikaciya_russkih_v_xxi_veke (In Russ.).
- [2] Matveeva A.I. *Duhovnaja socializatsija lichnosti kak sociokulturnaja osnova natsionalnoj bezopasnosti Rossii* [Spiritual Socialization of Personality as a Social-Cultural Basis of Russia's National Security]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [3] Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Socialnoe samochuvstvie molodezhi postsocialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazahstana i Chehii): sravnitelnyj analiz tsennostnykh orientatsij (Chast 1)* [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).

* © A.A. Onosov, A.T. Gasparishvili, K. Szafraniec, 2018.

- [4] Nauchno-praktičeskaja konferentsija “Rossijskaja gosudarstvennost v XXI veke: natsionalnaja identičnost i istoričeskaja pamjat v uslovijah globalnoj konkurentсии” [Scientific-practical conference “Russian Statehood in the 21st Century: National Identity and Historical Memory in the Context of Global Competition”]. 2018. http://www.sociologos.ru/sobytiya_i_anonsy/Nauchno-praktičeskaya_konferenciya_Rossijskaya_gosudarstvennost_v_xxi_veke_1 (In Russ.).
- [5] Onosov A.A., Gasparishvili A.T. Izmerenija identičnosti russkih: sociologičeskie otsenki i gumanitarnaja ekspertiza [Measurement of the Russian identity: Sociological assessments and humanitarian expertise]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 2 (In Russ.).
- [6] Onosov A.A., Gasparishvili A.T. Etnizatsija massovogo soznanija russkih v Moskovskom regione: ekspertnaja otsenka processa [Ethnization of the collective consciousness of Russians in the Moscow Region: An expert assessment of the process]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 3 (In Russ.).
- [7] Polujahtova S.V., Tretjakova E.S. Natsionalno-kulturnaja identičnost rossijskoj molodezhi na rubezhe vekov [National-cultural identity of the Russian youth at the turn of the century]. *Mezhdunarodnyj Zhurnal Socialnyh i Gumanitarnyh Nauk*. 2016; 1 (1) (In Russ.).
- [8] Rassadina T.A. *Transformatsii traditsionnyh russkih tsennostej v npravstvennyh orientatsijah rossijan* [Transformation of Traditional Russian Values in the Moral Attitudes of Russians]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [9] Samoidentifikatsija russkogo naroda [Self-identification of the Russian people]. 2013. <http://maxpark.com/community/13/content/2208004> (In Russ.).
- [10] Sergeev A.L. *Rossijskaja gosudarstvennost v XXI veke. Osnovnye problemy* [The Russian Statehood in the 21st Century. Key Challenges]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [11] Tsekhanskaja K.V. Globalizm i russkaja ideja: k probleme samoidentifikatsii russkogo etnosa [Globalism and the Russian idea: On the self-identification of the Russian ethnos]. *Rossija: tendentsii i perspektivy razvitija: ezhegodnik*. Moscow; 2013: 8 (II) (In Russ.).
- [12] Sirgy M.J. *The Psychology of Quality of Life*. Kluwer Academic Publishers; 2010.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-507-520

LEARNING HOW TO WORK IN THE ARTS FIELD IN PORTUGAL: A BIOGRAPHICAL APPROACH TO THE MIGRANT ARTISTS' TRAJECTORIES*

L. Ferro¹, P. Abrantes², L. Veloso², J. Teixeira Lopes¹

¹University of Porto

Via Panorâmica, 4150-564 Porto, Portugal

²University Institute of Lisbon

Avenida das Forças Armadas, Edifício ISCTE, 1649-026 Lisboa, Portugal

(e-mail: lferro@letras.up.pt; pedro.abrantes@iscte-iul.pt;

luisa.veloso@iscte-iul.pt; jmteixeiralopes@gmail.com)

Abstract. The article considers the key dimensions of the life trajectories of the immigrant artists living in the Lisbon metropolitan area focusing on those related to the socialization process both in formal institutions and in a broader setting of informal learning. The authors conducted a sociological analysis of 20 biographical interviews with a heterogeneous set of individuals, including musicians, dancers and plastic artists. These interviews were a part of the research project on the social trajectories of migrant artists from the non-European Union countries living in Portugal. The results of the analysis show that formal and informal learning together with the migrant experience are intertwined and constitute the key factor in the configuration of migrant trajectories. There is often a mobility pattern across art styles, which makes differences between formal and informal circumstances in the life trajectories of migrant artists evident. Migration has a strong impact on the artistic work; this impact affects different areas of biographical experience: contact with the Portuguese culture, development of ethnic references, and participation in transnational art movements. The condition of immigrant artists generally implies a long trajectory of artistic training, including significant experiences of formal and informal learning in multiple social contexts throughout the life course. For those dedicated to the new transnational urban cultures (hip hop, graffiti, etc.), informal learning is the most important element. For those engaged in the traditional arts, the attendance of lengthy artistic programs seems to be a fundamental prerequisite for training and recognition. Together with the long and significant artists' investments in their education, the sociological study also revealed the great vulnerability (and precariousness) of their life trajectories, and the lack of structures supporting their access to the labor market.

Key words: migration; artists; biographical trajectories; formal education; informal education; Portugal; non-EU countries immigrants

The social-economic conditions, and learning and professional trajectories of migrant artists have been a rare object of sociological study. Arts are a realm of human practice and experience in which the mediation of cultural production and meanings takes place *par excellence*. As the world faces rapid changes and important conflicts considering cultural differences, it is necessary to focus on migrant artists to understand their experiences and positions in the field of culture and arts.

* © L. Ferro, P. Abrantes, L. Veloso, J. Teixeira Lopes, 2018.

The article presents the results of the study of immigrant artists living and working in Portugal¹. The project combined an extensive approach to the artistic and cultural practices of immigrants in Portugal, an ethnographic study of two contexts of these practices, and an analysis of the life trajectories of 20 immigrant artists living in the Lisbon metropolitan area. This biographical approach is based on the quantitative and ethnographic studies and contributes to our understanding of the current situation of immigrant artists and of the connections between this situation and the artists' social-cultural origins, different life experiences and prospects for the future. Certainly, various dimensions of the respondents' life courses could be considered for the biographical interview allows to analyze a wide range of issues. In this article, two main reasons determined our focus on formal and informal learning. On the one hand, little is known about this topic in the international tradition. On the other hand, the data collected during our fieldwork help us to better understand some common-sense notions, such as those that associate the artistic practices of immigrants with spontaneous and creative profiles of host societies, especially when coming from Africa and Latin America, and contrast with experiences more focused on education and work in the European countries. Such public images contribute to the legitimate forms of discrimination and exploitation together with the public policies' lack of attention to these migrant groups.

To understand the diverse ways of integration of immigrant artists in new societies, we need to analyze their learning patterns as a combination of formal learning, informal learning and migrant experiences.

MIGRANT AND LEARNING TRAJECTORIES: A THEORETICAL FRAMEWORK

The relation between artistic activities and migratory processes has only recently become an international research topic. According to DiMaggio and Fernández-Keller [15], the scarcity of previous studies in the USA is especially surprising given the massive numbers of migration and the importance of arts to immigrant communities as providing them with comfort, tools to interpret personal experiences, labor integration, social mobility, political participation, strong internal solidarities, and (re)construction of identity in the host society. In Europe, Martinello [25] stresses the lack of research of the participation of immigrants in artistic activities as contrasting the complexity and relevance of the subject, and suggests several topics for future research, such as cultural dynamics, social relations, urban policies, political participation, and local economies.

In cultural studies, the experience of individuals in various contexts is considered as stimulating original artistic work and leading to hybrid creations often as a way of claiming a cultural citizenship under the political and economic marginalization [11].

¹ The research project 'The work of art and the art of work — training and labor creative circuits of integration of migrant artists in Portugal' was supported by the European Commission/Portuguese High Commissioner for Migrations. We thank Otávio Raposo, a coordinator of the project together with Lúcia Ferro, and the team of researcher (Pedro Varela, Ricardo Bento, and Tiago Caeiro) for their support in recruiting respondents and conducting the interviews.

The studies of the economic dimension of migration prove the growing mobilization of transnational social networks in migratory processes, frequently these are family-based networks creating ‘transnational entrepreneurs’ [29]. The difficulties of immigrants to access more conventional, secure and institutionalized paths of integration and upward social mobility make entrepreneurship an attractive way especially in creative activities which are risky and labor intensive [21].

Other studies stress the obstacles faced by immigrants in artistic fields, especially when they aim to professionalize their creative work and earn a living from it. Borén and Young [7] show that artists in Stockholm are characterized by high mobility patterns but also a strong local embeddedness. They do not migrate more often than other professional groups and, regardless of the eminently cosmopolitan rhetoric, they do mainly due to their working and living conditions, often to ‘expand’ their market. As work opportunities frequently depend on ‘tacit knowledge’ and informal networks, early access to the native artistic circuit is a factor contributing to success especially in periods of economic downturn. Institutions, in particular the most prestigious educational ones, are powerful agents regulating the endogamous reproduction of the field and the exclusion of immigrant artists. Challenges to artists’ migration are especially serious in adulthood due to the pursuit of economic autonomy and family wealth; mobility is very intense in the artists’ youth as determined by learning and experiments, it increases again in the last period of their careers.

Bergsgard and Vassenden [5] explain the low number of artists from ethnic minorities in Norway by describing the arts as a highly institutionalized field in which particular social and cultural capitals gained in the local context are required to access the (few) available places. Although independent and commercial projects possess some openness, the authors emphasize the benefits of the privileged social class background and study in the most prestigious arts schools when employment in the fields of theatre and dance is concerned. Hence, the merit of immigrant artists is recognized mainly when they practice a style which is considered exotic, and theatre directors or choreographers look for someone with those specific features. Immigrant families are likely to steer their children to engineering or management as more open and offering more chances for upward social mobility. To some extent, this resonates the process identified by Certeau [12] within the ethnologization of popular cultures as a harmless reminder of authenticity in the institutional frameworks. Indeed, the city marketing and branding integrate ‘ethnic’ and ‘exotic’ in their strategies to promote the representation of the city as celebrating the depoliticized cultural differences in the public sphere [20]. Thus, Bourdieu [9] defines arts as an arena of power conflicts and relations, and the position of each actor in a given ‘artistic field’ depends on his life trajectory. Economic, cultural, political, symbolic and social capitals are interchanged along this trajectory to develop a particular way of thinking, feeling and acting (*habitus*).

A study conducted in Portugal [26] shows that many artists migrated to Portugal during last three decades, especially from other Portuguese-speaking countries (e.g. Brazil, Angola or Mozambique), and they are employed mainly in non-artistic areas, often in low-skilled sectors. Yet, in many cases, personal competences were invested in non-creative ‘semi-artistic’ occupations in education, (re)production or commerciali-

zation of arts. The arts provide also a way to get a non-artistic work, especially within 'ethnic markets' [15]. It seems useful to use the Becker's concept of 'art worlds' as communities organized around artistic production and regulated by a number of specific standards of many agents engaged in different activities [3].

The studies of migration in Portugal revealed a partial convergence of the country with European and North American patterns together with some national specifics such as concentration of immigrants in the Lisbon metropolitan area and in low-skilled jobs despite their educational levels being similar to those of the Portuguese [28]. The migrants' labor integration is almost always subject to the market logics and often informal with little regulation by the state. According to Oliveira and Gomes [27], the share of immigrant population formally engaged in 'artistic, entertainment, sports and leisure activities' is low (1,1%), but higher than the share of the native population in the same category (0,8%).

While various dimensions of social life are relevant to this debate, we shall consider the learning processes of immigrant artists paying special attention to the interconnection between trajectories of formal education, informal learning and the migratory experience. We use the concept 'socialization' to understand the overlap of these various contexts in the way individuals acquire and develop knowledge, techniques, values, dispositions and identities. Being dependent on the family environment in the childhood, primary socialization processes play a key role in the acquisition of deep and lasting structures determining the ways of thinking, feeling and acting especially in cultural practices and consumption [4; 8; 31]. With regard to migratory processes, local practices and emotional bonds proved to constitute the prime mechanisms of developing competences and values, including the necessary resistance to discrimination and delinquency [32]. However, the role of primary socialization can be questioned in the light of recent studies which underline the key impact of educational pathways in the development of cultural patterns, acquisition of social capital and (re)definition of life trajectories [6; 14; 23]. Cultural practices and consumption themselves, especially among youngsters, are important mechanisms of (re)socialization [30].

Socialization is shaped by multiple contexts of interaction, various stages of life, internal conflicts and turning points in the biographical trajectory; thus, the transfer of experiences, unity of self and biographical consistency become challenges for personal existence [2; 16; 18; 22]. It is though remarkable how life histories can make up a stable stock of knowledge and expectations even under the dramatic social change [19]. We believe that the recognition of artists in the contemporary societies in Europe depends on a long-term artistic training starting in the country of origin and later acknowledged and continued in formal and informal learning in host society, and also on the general migratory experience.

The article is based on biographical interviews conducted with 20 immigrant artists living in the Lisbon metropolitan area. These 'cases' represent the contexts of our ethnographic research and institutions that support immigrants and arts. In short, the intensive and extensive work within our broader research project allowed us to identify the following indicators to ensure some social and cultural diversity: gender, type of art,

degree of professionalization in arts, nationality, age, and duration of stay in Portugal. We interviewed immigrant artists who were born in countries outside the European Union, were migrants, had and had not a previous artistic experience in their home country. We also sought heterogeneity with regard to the types of art: we interviewed six people dedicated to dance, six — to music, one — to both dance and theatre, one currently working in cinema and video (as a director and assistant director) as well as music, five plastic artists, two theatre professionals who work mainly as playwrights (one is also a theatre director and teacher in this field) and one writer. Though we tried to find women immigrant artists, only a third of the respondents is female. Reaching women was difficult, either because they were less present in the settings or less often indicated by the institutions consulted during the research. In general women are underrepresented among immigrant artists in Portugal. Considering the professionalization, we managed to get a balanced set of interviewees: ten earn living by arts while other ten are semi-professional artists combining artistic activities with other types of work. Interviews took from 1 to 3 hours and focused on artistic pathways, migration experiences, living conditions and life prospects.

MIGRANT TRAJECTORIES AND LEARNING PROCESSES

Our analysis is focused on three issues: learning processes of immigrant artists in formal educational settings, informal learning, and migratory experience as a key factor of migrants' life trajectories and identities.

Formal education

Most of our twenty respondents have a long record of formal education, including the university level, which is not typical for the social and educational profile of immigrants in Portugal [27] and contrasts the stereotype that artistic careers facilitate the labor integration of immigrants of low educational levels [15]. Several of artists arrived in Portugal with a bachelor degree, others came to enroll in higher education. This is especially common among artists from Portuguese-speaking countries in Africa: their knowledge of language and culture offers them — or so they expect — access to the European artistic market. This is typical for artists both from affluent class backgrounds and for those who received a study grant. Having migrated with some reserve funds, these artists report experiences of precariousness in Portugal: *“I followed the vocational track. I was recognized [in São Tomé e Príncipe] at a very young age by both the Alliance Française, which promoted and paid attention to young people with some talent, and by the Portuguese Cultural Centre which made an excellent work in the 1980s and 1990s, meaning there was an investment so that I got the study grant and... came to study Fine Arts in Portugal. I had two options then because I was given two grants — one to go to France, and one to come to Portugal. I eventually chose Portugal and this is where I did my studies. I came first to an artistic school, where I completed my secondary education... Afterwards I went to the Faculty of Fine Arts in Lisbon. I began by studying Painting, then changed my mind, moved to the Sculpture and that's what I graduated in”* (plastic artist, Santomean, man, 43 years old).

The relevance of experiences at school for getting people into artistic practice is significant. Despite their common references to an inborn talent for the arts (as well as explanations based on divine gifts), many respondents explain their access of the world of arts by the influence of their school (primary education) or at least of some teachers who encouraged them toward an artistic career. Cross-curricular leisure activities in these educational institutions are often mentioned as opportunities to develop artistic skills. In other cases, courses in art academies or cultural centers in the early age are mentioned as main channels of initial (and peripheral) participation in the arts for the talent was detected and oriented to specialized training and institutional funding.

The diversity of art forms in these experiences and initiatives *vis-à-vis* the professional development in the adult age is impressive and proves close ties between different arts and artistic dispositions (for two men an important relation with the intense sports practice in childhood is also evident). This is illustrated by the dancers who associate their artistic success with the early contact with poetry, actors who remember their childhood passion for painting, and plastic artists with an intense music practice in their childhood: “[*At the age of five*] I was walking past a shop window and I asked my father: ‘I want one of those instruments!’. And he gave me the guitar. So, I was given the guitar for my anniversary and I didn't know how to play it. I would stay at home making and making noises, I was hitting the guitar any way I could, up to a moment when my father said... ‘I'm going to break that shit because I can't stand the noise anymore!’. And my mother told him: ‘Look, this is a gift you offered the boy, the boy can't play it, you must take him to a school’. ...Therefore, I went to the school to learn play the guitar when I was five years old. And the teacher was a plastic artist who taught piano as well as sculpture and drawing. ...She was a teacher at the school I went to, it was a private school, we had artistic training from kindergarten. ...And she taught me arts at school and music lessons at her home. ...I was so eager about that lesson, the moment with that teacher. I liked her a lot, and interestingly I took advantage of the situation because I had guitar lessons twice a week at her home, so I talked to her about more stuff, she had a lot of things at home, her home was like a mini-gallery or something like that for me at the time, and I was delighted to see all of that...” (plastic artist, Brazilian, man, 33 years old).

Furthermore, higher education institutions are crucial for the access to the artistic field not only through formally establishing legitimate standards of cultural production and training students for the development of dispositions relevant to the standards, but also due to the strong networks of professors and other gatekeepers of the artistic field, who provide a limited number of students with channels to participate in professional artistic projects [5; 9]. Interestingly, this is the case of higher education institutions in Portugal even for plastic artists who develop styles with strong references to the cultures of their home countries. However, for other immigrant artists, the educational trajectory was short and riddled with failure: some never attended artistic institutions, practiced self-teaching, used family or community training options. In these cases, school represents at best a place to access some urban music and art movements through youth networks developed by peers [30].

Besides, the fact that many immigrant artists have a college degree does not mean that this was always in an artistic field or completed successfully. While some respondents have an artistic trajectory clearly associated with their educational pathways, including art courses at university, others had university courses in different fields, some did not finish them precisely for being engaged in the artistic activities. Thus, educational trajectories are often winding and intermittent, and some conflicts with educational institutions are reported together with an artistic ‘ethos’ of authenticity and partial institutional marginality [9]: “[University] was a great experience for me. ...But I wasn't able to focus on it at that time... because I decided to stop it for a year. People told me then: ‘If you stop for a year, you'll stop forever!’ Absolutely true. ...[At the university] I learned that there are a lot of liars, a lot of bastards, but also a lot of people who aren't like that. ...I'm not bitter about it, but I was very naive at that time and I thought that people always presented pieces created by themselves, either with or without help, but not some shit they had just put their name on. Or when you go and ask for help, and people tell you: ‘Oh, I can't help you!’. I found that very scary” (plastic artist, Santomean, man, 41 years old).

The relation between education and position in the artistic field is far from linear whether we look at professionalization, income or status. Among the immigrants with degrees in arts, some undertake artistic activities on a full-time basis and get income from, others combine them with paid non-artistic activities. The same diversity is found among those with other university degrees or low educational levels. However, immigrants with a university degree are able to combine their artistic activities with non-artistic activities that are more gratifying in economic, cultural or social respects. On the contrary, those with low educational levels who do not succeed in earning a living solely from artistic or semi-artistic work are bound to tough, routine, temporary and badly paid jobs, which in turn becomes a major obstacle to their participation in the arts.

The artists interviewed make a substantial use of free courses, workshops and internships to update knowledge or specialize in particular subjects. This is especially the case of those who already have a university degree. Many of the respondents say that short-term training programs were a ‘turning point’ in their biographies [6] providing them with the access to the artistic field in Portugal after they had begun their artistic career in other countries. In some cases, this was indeed the reason why they came to Portugal; only later they decide to stay in the country due to their engagement in long-term projects. In other cases, training was not the reason to migrate but a way to seek integration in a new setting. These experiences not only generated ties to teachers and colleagues who were better positioned in the field (later leading to important invitations and projects), but also allowed for their better adaptation to the Portuguese context. In some trajectories, educational and employment experiences were intertwined making it difficult to understand where one ends and the other begins: “I've always been a curious person, eager to learn... also with respect to antiquities, which I like very much. In São Paulo we did some restoration works and things like that. Well, when I arrived here I was fascinated because there are... wonderful courses, including one of the best in Europe in that particular subject... I started with the most basic one, it was

woodworks... and then I did painting in the Ricardo Espírito Santo Academy, that's where I got my degree. And I study whenever I can. I do it because this is a field in which it is impossible to say: 'I'm done with learning, I've learned everything'. No, that's impossible in this field.." (plastic artist and restorer, Brazilian, woman, 56 years old).

According to our interviews, early artistic initiation in the home country and education in Portugal are both crucial for learning and integration in the arts field, even if, in many cases, there is not a clear continuity between them regarding the type of art or the style. Migration poses obstacles to the continuity of an artistic trajectory but also opportunities to engage in new areas of arts training. Only a *capoeira* practitioner from Brazil and a dancer from the USA completed their specialized training in their home country and continued their work in Portugal without any advanced training in the country. The interviews suggest a substantial barrier in the local cultural field with educational institutions playing a gatekeeping function similar to other countries of Europe [5; 7].

Informal learning

Although many respondents believe that their artistic activity is determined by the 'gift' they possess (an inborn capacity for artistic practice) they also acknowledge informal learning as a key to their personal and professional trajectory. The ties established with some family members or friends connected with arts are highly valued by social actors who recognize the great importance of these ties in their artistic trajectories.

Informal learning is important especially for musicians engaged in hip hop, in particular concerning their joint activities with friends in the neighborhoods. These cases prove the previous findings in other countries emphasizing the prominent role played by informal learning in the hip hop culture as enhancing a creative linguistic learning, increase of reflexivity and development of alternative identities [1]. One of our interviewees remembers that socialization among people of various generations on the street enabled him to learn about musical performance and production, thus, exposing the role of the street as a privileged setting for constructing networks [13]: "*Man, when you're out on the street you have a view of everything! On the streets you can be a criminal, you can be a very smart guy... you see what I mean?... and incorporate the good things about the street life. The street is not only about bad things as people think: 'Oh! The street...'. The street has good things too! If you're really good at looking into things, you can see that the street has good things. Sometimes I even hung around old guys who were just playing music there. I'd go there and see how that stuff was made, how a chord is made. I mean, I don't play the guitar but I would watch how they put their hands, like this, you see? And so I could get that beautiful sound out of the instrument, you know what I mean?*" (musician and video producer, Angolan, man, 31 years old).

At several moments during his interview, this respondent stresses the relevance of various rappers in his life trajectory because of the learning pathways shown by them especially in singing and music and video production. Without any formal artistic education, he ascribes a very important role to this informal learning with friends, first in the studio and then in other places of the neighborhood; among his friends, some

had a close connection with the hip hop culture, others worked with different musical genres. He argues that some informal artistic settings and activities can enhance the artistic learning of young people, while also offering lifestyle alternatives to illegal and criminal activities in which many young people from poorer backgrounds are likely to get involved.

The artistic learning of our respondents in the hip hop culture covers various art forms leading to rather hybrid practices. All of the rappers are currently engaged or were previously engaged in other artistic activities besides music — dance, painting, sculpture, or video. In the trajectories of plastic artists, learning and contact with other art forms, such as music and theatre, are also important. These artistic expressions were introduced to them by friends or relatives. For most of the interviewees in this group, the family plays an important role as a source of the very first artistic stimuli during childhood; relatives somehow connected with arts were crucial in their trajectory. One of our respondents explains how his work was strongly influenced by intergenerational exchange and popular culture, mainly due to his grandfather: *“I think my life course has been very influenced by arts, and especially by popular wisdom and arts. And, in this respect, my grandfather has always been a key figure, because much of the information about the Santomean culture that I was able to organize in a more systematized manner comes from the oral tradition. The context... I lived in a poor neighborhood where the context for life and learning was dialogue, storytelling among the youth, children and elderly. I spent a lot of time among the elderly, and I was shaped by that passage of information, even an anthropological sort of information, and I learned a lot from it. So the construction of an artistic discourse and life paralleled this learning of popular tradition, and this is reflected in my work”* (plastic artist, Santomean, man, 45 years old).

Many of immigrant artists were left without their family networks when they migrated. Therefore, the bonds of friendship that they are able to develop in Portugal, typically with other artists, can play a very important role not only in their learning and integration in the artistic field, but also in personal life and emotional fulfilment. Self-education is also highly relevant to these artists. Many of them describe how Internet and other means of communication such as radio and television (especially for musicians) have been and still are a major source of learning. One of the respondents repeatedly mentions that tutorial lessons available on the Internet are instructive, inspiring and technically innovative, enabling him to learn other ways of painting and sculpturing. Another respondent, an older singer, mentioned that Bollywood films inspired her musical activity while she was in Mozambique. She also emphasizes the importance of self-education together with the influence of a neighbor who taught her a number of things and encouraged her to sing: *“There was a gentleman with a huge influence on me, and still today; it’s Mr. Jassu. I sang so much that my voice was hoarse at the end of the day. And he said, go on, go on, and he encouraged me a lot. Even later, already in Portugal, he would say: ‘Now you’re going to sing in devanagari’, which is another Hindi language, and I did it. Afterwards I learned how to breathe and sing without getting hoarse, but that was through intuition, I learned it by myself. But I always say that Mr. Jassu, that gentleman, he was my mentor. When I was about to leave Mozambique, he told me: ‘You’ll go far’”* (singer, Mozambican, woman, 50 years old).

Migration experiences

We conclude our study of formal and informal learning with an approach to migratory movements emphasizing how they influenced the artistic practices. The analysis of the interviews makes us consider two main dimensions: a) how the trajectory is ‘inherited’, i.e. determined by the respondent’s migration to Portugal with her or his parents and not being a result of self-planning; or ‘constructed’ by the decision of the respondent as an adult; b) to what extent artistic practices are or are not related to practices rooted in cultural traditions of the respondent’s home country.

The ‘inherited’ migratory trajectories prevail among respondents who migrated to Portugal with their parents. In these cases, migration was forced by the political situation in the former Portuguese colonies before or after the *coup d’état* in 1974, and by some family ties with Portuguese nations. Only one of our respondents moved successively between several countries, which he considers an important element in his learning trajectory for it enabled him to broaden his horizons and get acquainted with many people and other forms of painting. While some of respondents are unable to earn a living solely by arts, arts nevertheless retain a central role in their personal and professional lives. Several respondents refer more or less directly to the artistic practices associated with specific urban settings and cultural references from their home country. This is especially the case among those devoted to the hip hop movement. The rap, originally unrelated with the culture of their home country, is nowadays a musical genre of various social strata. It is also an artistic practice with a strong impact on populations of deprived urban areas especially the youth, some of them with immigrant origins. Thus, many of them use the rap to reflect upon their everyday experience and mobilize ethnic identity. There is an interconnection between learning through the migratory process and the consolidation and transformation of an artistic practice such as rap in the particular urban setting where immigrant artists live and perform: *“I feel I’m a citizen of the world... I’m Angolan, I was born in Angola, I know where I come from. Well, I grew up in Portugal and I can’t say I’m Portuguese either. And I have Cape Verdean roots. I’m not going to mess around with my head about it, man. I belong to the world; I mean, if one day I’m living in Italy, I’ll feel I belong to the world, I won’t say I’m Italian, Angolan or anything else, you see what I mean?”* (music and video producer, Angolan, man, 31 years old).

A different relation with Portugal and the migratory trajectory is evident among the respondents who moved to Portugal by their own decision rather than due to their older relatives — this is a ‘constructed’ trajectory. For instance, some artists moved to Portugal at a later moment in life within an international trajectory already shaped by artistic practices, or with a plan of getting higher education. These respondents carry out professional or semi-professional activities with considerable visibility, for instance writing theatre plays, working with a nongovernmental organization and thus promoting artists of a given nationality, directing stage shows, or teaching. The mobility of these respondents includes visits to their home country, which enables them to learn from the simultaneous contacts with two countries and the reinforcement of their connection with the culture of their home country. Although their artistic practices are strongly

linked to their culture of origin, some respondents consider that their work can be presented in numerous international contexts: “*Art unites Greeks and Trojans, Jews, Muslims, Palestinians... art has the power to be neutral, it does not recognize differences of color, race, or purchasing power. Art is the only thing in the world that always values people regardless of ethnicity or nationality. Art has this natural role of gathering and uniting, according to my mind and my experience*” (dancer and actor, Bangladeshi, man, 28 years old).

The circulation between cultures, namely translating into forms of ‘mestizo mind’ thinking [17], is sometimes associated with difficulties of acceptance in Portugal. One of the respondents says that her artistic practice is a ‘mixture of three cultures’ — Portuguese, Indian and Mozambican — and described the obstacles that she encountered as an artist. These include the ‘harsh’ manner in which she was treated in the auditions for the TV program, when one of the members of the jury told her that Hindi was not an appropriate language for that show in Portugal: “*He told me... ‘That’s not the kind of music people sing around here. If only you had brought a song in English, or in Portuguese! But coming up here with a song in Hindi, that’s not suitable here, that’s for India.’ And I thought to myself: this guy is telling me to go back home. I was sad because I think he completely downplayed the Indian language. Maybe if it was Chinese he’d have given it more value. I don’t know if it’s ignorance. I think that’s more the case. But it was somewhat harsh*” (singer, Mozambican, woman, 50 years old). The acceptance of this respondent’s culture in Portugal is not easy, and this is perhaps why she also tries to develop artistic practices with cultural references which are markedly Portuguese.

Other respondents migrated to Portugal by their own decision but their trajectories rely on artistic practices associated with various forms of contemporary global culture and not so much with the culture of their home country. Their trajectories are characterized by participation in a wide range of projects and difficulties in obtaining economic stability; as put by one of the respondents, there are always ‘zones of uncertainty’ and ‘even opening a bank account is difficult’. Another respondent describes how she was engaged in various projects and countries over last years due to invitations to take part in collective projects. She intends to apply for the Portuguese nationality because she wants to stay in the country: “*I got very used to life here, and it’s different, much different from where I come from concerning security and walking around and things like that. I love my land, I love its culture and I think it’s very inspiring, and artistic works there are of a very different level than here, and the approach is also different from the European. But I don’t know... I really fell in love with Portugal. I made the choice of staying here. When I came in 2011, I had three work opportunities, in practice I could choose between settling down in Portugal or settling down in London*” (dancer, Brazilian, woman, 26 years old).

This quote helps us understand the situation of these artists and the central role of mobility, either willful or not, in their learning and socialization trajectories — especially associated with working on a project-basis, an increasingly common feature for some economic and professional activities [24]. The migratory experience is certainly a key in the learning trajectories of the respondents and — in different ways — shapes

learning as well as the development and configuration of artistic practices. Connected either with the migratory trajectory of the family or with the pursuit of formal education and work in Portugal (or Europe), the migratory trajectory goes hand in hand with a trajectory of formal and/or informal learning started in the country of origin. Artists use multiple ways of bonding with or drawing away from what can be called traditional/popular cultures of their home country. In some cases, this relation is clear and outspoken. In others, home country cultures are explored as ‘exotic’ cultures in Europe within the so-called multiculturalist movements. In third cases, they are intertwined with urban artistic practices which are widely recognized and integrated in the artistic worlds. Still, the lack of association with home country cultures prevails among artists who identify — and got relevant formal and/or informal learning — with artistic practices that are transnational and closer to particular artistic trends than to national or ethnic cultures.

Despite the prevailing association of artistic vocation with a personal gift (often of divine origin), the immigrant artists tend to imply a long trajectory of artistic training starting at an early age (in various art forms), including significant experiences of formal and informal learning in multiple social contexts. There is a striking difference between our twenty respondents in this respect: for those dedicated to new transnational urban cultures (hip hop, graffiti, etc.), informal learning is the most important element; in more classical art forms, the lengthy artistic programs seem to be a fundamental prerequisite for training and recognition in the field.

The relation between migratory processes and careers of individuals as artists varies considerably. In many cases, initiation in the arts started in the home country and migration is a result of the desire to attend specialized training in the field or enlarge artistic and life experiences (determinant for the consolidation of dispositions and identities recognized in the artistic field). In other cases, migration at an early age, generally when accompanying older relatives, preceded the artistic trajectory, which does not mean that the cultural background is not used in the creative work. In any case, formal learning experiences in Portugal (courses, workshops, internships, etc.) is of a great their importance for our respondents to access the local artistic circuits. This happens not only through the development of techniques, styles and dispositions valued in the Portuguese context — including development of markedly ‘ethnic’ styles — but also through integration in a local network sometimes also characterized by ethnic divisions, which is nevertheless fundamental for the migrants’ recognition as artists.

Together with a long investment in education, our study also revealed the great vulnerability (and precariousness) of the migrant artists’ trajectories and the lack of structures that support the access to the labor market. This often makes artists combine their artistic activity with other activities providing a more secure income, or to move to places with prospects for earning more from their artistic work even if on a temporary basis.

REFERENCES

- [1] Aliagas C, Fernández J.-A., Llonch P. Rapping in Catalan in class and the empowerment of the learner. *Language, Culture and Curriculum*. 2016; 9 (1): 73—92.
- [2] Beck U., Beck-Gernsheim E. *Individualization*. London: Sage; 2002.
- [3] Becker H. *Art Worlds*. Berkeley: University of California Press; 1982.
- [4] Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*. Garden City: Anchor Books; 1966.
- [5] Bergsgard N., Vassenden A. Outsiders? A sociological study of Norwegian artists with minority background. *International Journal of Cultural Policy*. 2015; 21 (3): 309—325.
- [6] Biesta G., Field J., Hodkinson P., Macleod F., Goodson I. *Improving Learning Through the Lifecourse*. London: Routledge; 2011.
- [7] Borén T., Young C. The migration dynamics of the ‘creative class’: Evidence from a study of artists in Stockholm. *Annals of the Association of American Geographers*. 2013; 103 (1): 195—210.
- [8] Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Harvard: HAP; 1984.
- [9] Bourdieu P. *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford: Stanford University Press; 1995.
- [10] Caetano A. Personal reflexivity and biography: methodological challenges and strategies. *International Journal of Social Research Methodology*. 2015; 18 (2): 227—242.
- [11] Canclini N. *Hybrid Cultures: Strategies for Entering and Leaving Modernity*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2005.
- [12] Certeau M. *L’Invention du Quotidien*. Paris: Gallimard; 1990.
- [13] Cordeiro G., Vidal F. *A Rua: Espaço, Tempo, Sociabilidade* [The Street: Space, Time, and Sociability]. Lisboa: Horizonte; 2008 (In Portug.).
- [14] Darmon M. *La Socialisation* [Socialization]. Paris: Armand Colin; 2007 (In French).
- [15] DiMaggio P., Fernández-Keller P. *Art in the Lives of Immigrant Communities in the United States*. New Brunswick: Rutgers; 2010.
- [16] Dubar C. *La Socialisation: Construction des identités sociales et professionnelles* [Socialisation: Construction of Social and Professional Identities]. Paris: Armand Collin; 2000 (In French).
- [17] Gruzinski S. *La Pensée Métisse* [The Mestizo Thought]. Paris: Fayard; 1999 (In French).
- [18] Hackstaff K., Kupferberg F., Negronie C. *Biography and Turning Points in Europe and America*. Bristol: Policy Press; 2012.
- [19] Hoernig E., Alheit P. Biographical socialization. *Current Sociology*. 1995; 43 (2): 101—114.
- [20] Kiliç Z., Petzen J. The culture of multiculturalism and racialized art. *German Politics and Society*. 2013; 31 (2): 49—65.
- [21] Kupferberg F. The established and the newcomers: what makes immigrant and women entrepreneurs so special? *International Review of Sociology*. 2003; 13 (1): 89—104.
- [22] Lahire B. *Portraits sociologiques: Dispositions et variations individuelles* [Sociological Portraits: Dispositions and Individual Variations]. Paris: Nathan; 2002 (In French).
- [23] Levinson B., Foley D., Holland D. *The Cultural Production of the Educated Person: Critical Ethnographies of Schooling and Local Practice*. New York: State University of the New York Press; 1996.
- [24] Lundin R. et al. *Managing and Working in Project Society: Institutional Challenges of Temporary Organizations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015.
- [25] Martinello M. Immigrants, ethnicized minorities and the arts: A relatively neglected research area. *Ethnic and Racial Studies*. 2015; 38 (8): 1229—1235.
- [26] Nico M. et al. *Licença para Criar: Imigrantes nas Artes em Portugal* [License to Create: Immigrants in Arts in Portugal]. Lisboa: ACIDI; 2007 (In Portug.).
- [27] Oliveira C., Gomes N. *Monitorizar a Integração de Imigrantes em Portugal* [Monitoring Immigrant Integration in Portugal]. Lisboa: ACM; 2014 (In Portug.).
- [28] Peixoto J. How the global recession has impacted immigrant employment: the Portuguese case. Papademetriou D. et al. (Eds.) *Migration and the Great Recession: The Transatlantic Experience*. Washington: Migration Policy Institute; 2011. Pp. 106—125.

- [29] Portes A., Guarnizo L., Haller W. Transnational entrepreneurs: An alternative form of immigrant economic adaptation. *American Sociological Review*. 2002; 67 (2): 278—298.
- [30] Rácz J., Zétényi Z. Rock concerts in Hungary in the 1980s. *International Sociology*. 1994; 9 (1): 43—53.
- [31] Scherger S., Savage M. Cultural transmission, educational attainment and social mobility. *Sociological Review*. 2010; 58 (2): 406—428.
- [32] Soehl T., Waldinger R. Inheriting the homeland? Intergenerational transmission of cross-border ties in migrant families. *American Journal of Sociology*. 2012; 118 (3): 778—813.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-507-520

ОСВОЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РАБОТЫ В СФЕРЕ ИСКУССТВ В ПОРТУГАЛИИ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЖИЗНЕННЫХ ТРАЕКТОРИЙ МИГРАНТОВ*

**Л. Ферро¹, П. Абрантеш², Л. Велосо²,
Ж. Тейшера Лопеш¹**

¹Университет Порту

Виа Панорамика, 4150-564, Порту, Португалия

²Лиссабонский университет

Аvenida das Forças Armadas, 1649-026, Лиссабон, Португалия

(e-mail: lferro@letras.up.pt; pedro.abrantes@iscte-iul.pt;

luisa.veloso@iscte-iul.pt; jmteixeiralopes@gmail.com)

В статье рассмотрены основные измерения жизненных траекторий мигрантов, занятых в сфере искусств и проживающих в Лиссабоне и его окрестностях, и акцент сделан на особенностях их социализации одновременно в формальных институтах и широком контексте практик неформального обучения. Авторы провели социологический анализ 20 биографических интервью с разными информантами, включая музыкантов, танцоров и скульпторов. Эти интервью были частью исследования социальных траекторий мигрантов из стран, не входящих в Европейский Союз, которые заняты в сфере искусств и живут в Португалии. Результаты проекта показали, что формальное и неформальное обучение тесно переплетены с миграционным опытом и, тем самым, являются основным фактором, определяющим конфигурацию жизненных траекторий мигрантов. Для них характерны перемещения между стилями художественной деятельности, которые порождают очевидные различия между формальными и неформальными обстоятельствами биографий. Миграция серьезнейшим образом влияет на творчество и, тем самым, на биографический опыт: важное значение имеют знакомство с португальской культурой, развитие этнических связей и участие в международных художественных движениях. Как правило, иммигранты с художественным опытом и амбициями проходят через длительный период подготовки, сочетающий разные варианты формального и неформального обучения в множественных социальных контекстах. Для тех, кто привержен новым международным городским культурам (хип-хоп, граффити и пр.), наибольшее значение имеет неформальное обучение. Для тех, кто вовлечен в сферу более традиционных искусств, участие в длительных художественных образовательных программах становится фундаментальной предпосылкой профессионального становления и признания. Помимо постоянных и значительных инвестиций в свое обучение, социологическое исследование также выявило ненадежность (шаткость) жизненных траекторий мигрантов, занятых в сфере искусств, а также отсутствие социальных структур, способствующих их выходу на португальский рынок труда.

Ключевые слова: миграция; люди искусства; биографические траектории; формальное обучение; неформальное обучение; Португалия; иммигранты из стран, не входящих в Европейский Союз

* © Ферро Л., Абрантеш П., Велосо Л., Ж. Тейшера Лопеш, 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-521-531

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ-УЧИТЕЛЯ (на примере Тюменской области)*

Г.З. Ефимова, М.Ю. Семенов

Тюменский государственный университет
ул. Ленина, 16, Тюмень, 625003, Россия
(e-mail: g.z.efimova@utmn.ru, m.y.semenov@utmn.ru)

В статье представлены официальные статистические данные, которые указывают на преобладание женщин в педагогическом составе учреждений системы общего образования в России и ряде других стран. Феминизация структуры педагогических работников актуализирует изучение социально-культурных и иных последствий данного социально-профессионального явления. Авторы разделяют последствия феминизации учительского корпуса на два полюса: усвоение преимущественно феминной модели поведения и формирование гендерной асимметрии в образовании. Цель статьи — определение социальных характеристик женщин учителей в современной России и влияния педагогической профессии на повседневную жизнь женщины по результатам исследований (в 2015 и 2016 году), проведенных коллективом социологической лаборатории Тюменского государственного университета. Основным методом исследования — репрезентативный квотно-гнездовой выборочный анкетный опрос. Через рассмотрение социального портрета анализируется специфика трудовой и повседневной жизни учителя. Авторы акцентируют внимание на социальных, а не на профессиональных характеристиках женщин-учителей в России. Основными индикаторами стали удовлетворенность социальным положением; доля времени, свободного от основной и домашней работы; состояние здоровья и взгляд на будущее. Выделены основные противоречия, особенности жизни и взаимоотношений женщин-учителей с окружающими. Отмечается низкий уровень неудовлетворенности социальным положением вследствие осознания своего социального статуса и специфических социальных ожиданий в отношении женщин, связанных с традиционной моделью женских ролей. Исследование показало, что женщины-учителя оценивают свое состояние здоровья выше, чем женщины в среднем по России, что связано с наличием социального капитала, обеспечивающего высокий уровень социальной поддержки, который приобретает в ходе реализации профессиональных обязанностей. Вместе с тем по этой же причине рост доли воспринимающих свое будущее негативно среди женщин-учителей начинается позже, чем в среднем по России.

Ключевые слова: учитель; школа; система образования; качество жизни; социальное самочувствие; социальные настроения; социология образования

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Феминизация педагогического состава системы общего образования является отличительной чертой России на фоне других стран. Удельный вес женщин в общей численности учителей в России — 98,9% в начальном и 83,3% в основном

* © Ефимова Г.З., Семенов М.Ю., 2018.

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки РФ. Проект 28.2941.2017/4.6 «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики».

Авторы выражают благодарность Г.Ф. Шафранову-Куцеву, академику Российской академии наук, доктору философских наук, научному руководителю Тюменского государственного университета, за содействие при подготовке статьи.

и среднем общем образовании, в Великобритании — 84,1% и 61,9% соответственно, в Германии — 86,8% и 54,7%, в Италии — 95,9% и 71,9%, в США — 87,2% и 57%. Как видим, сфера начального общего образования в подавляющем большинстве стран высоко феминизирована, а к среднему общему образованию доля женщин среди педагогов снижается, оставаясь доминирующей. Минимальная доля женщин среди педагогов отмечается в Японии (64,8% в начальном общем образовании и 30% в среднем общем образовании) [8. С. 48—49]. В России за последнее десятилетие не отмечается значимой динамики в феминизации педагогической профессии. Так, в 2010 году удельный вес женщин в общей численности учителей в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по программам начального, основного и среднего общего образования, составил 87,8%, в 2014 — 87,7%, в 2015 — 87,6%, в 2016 произошло незначительное снижение до 85% [11. С. 183].

Преобладание женщин среди педагогов отмечается не во всех странах. Так, «в мусульманских странах профессия педагога считается мужской, так как оценивается как очень сложная для женщины» [14. С. 182].

По другим данным, представленным статистической комиссией ООН, женщины преобладают среди учителей начальной школы во всех регионах земного шара, за исключением Африки (1). На территории России есть отдельные регионы, где доля учителей-мужчин достигает 25% (Республика Дагестан) [12. С. 25]. Однако это скорее исключение из правил, основанное на социально-демографических, трудовых и культурных особенностях подобных регионов.

Высокая доля женщин в структуре педагогических работников российского образования актуализирует изучение социально-культурных и иных последствий, которые возникают при феминизации учительства. Последствия феминизации учительского корпуса можно разделить на два полюса: во-первых, влияние на процесс социализации подрастающего поколения, вторичная феминизация, усвоение преимущественно феминной модели поведения [9. С. 62]; во-вторых, формирование гендерной асимметрии в образовании, определение социального статуса, престижа и привлекательности педагогической профессии, особенно среди мужчин [10; 13].

Современная российская педагогика и социология имеют в своем арсенале серьезный опыт исследований социально-профессиональной специфики повседневности учителей, в котором превалирует рассмотрение профессиональных особенностей и основных барьеров в реализации функций учительства. Вместе с тем в отечественной и зарубежной научной литературе прослеживается недостаточность изучения жизни женщины-учителя за рамками своей профессиональной среды.

Рассмотрим профессиональную специфику женщины-учителя и ее отражение в повседневной жизни, социальном самочувствии и статусе. Действительно ли остаются острыми проблемы профессиональных и индивидуальных деформаций, а также издержек профессии среди женщин-учителей?

Принимая во внимание социальную роль школьного учителя, получение ответов на данные вопросы особенно актуально.

У. Черчилль заметил, что «школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министры могут только мечтать». Школьные учителя являются прямыми и непосредственными субъектами социализации для ребенка и формирования конкурентоспособного человеческого капитала. Поэтому от качества жизни педагогов, работающих в школе, напрямую зависит эффективность функций образования как социального института.

Анализируя образ женщины-учителя, следует учесть специфику социальных ожиданий, преобладающих в общественном сознании. Несмотря на глобализацию и унификацию социальных ролей женщин и мужчин, российское общество сохраняет определенную традиционность гендерных стереотипов. Согласно данным Левада-центра за 2018 год, больше всего в женщинах россияне ценят: хозяйственность (46%), заботливость (32%), хорошую внешность (31%), верность (30%). При этом качества, которые можно прямо отнести к профессиональной сфере, находятся в конце списка: организованность (8%), стремление к успеху (5%), умение заработать (4%) (2). Можно предположить, что основная социальная роль женщины, по мнению россиян, в большинстве случаев рассматривается с позиции жены и матери, преимущественной реализации в сфере семейных отношений. Возникает вопрос, насколько эффективно с этими задачами будут справляться женщины-учителя с учетом специфики их профессиональной деятельности и особенно в свете возможного «возрастания нагрузки на учителя в школе до критического максимума» [3. С. 40].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической базой для анализа социального портрета женщин-учителей выступает ряд исследований социологической лаборатории Тюменского государственного университета. Первое исследование было проведено в 2015 году среди учителей юга Тюменской области. Выборочная совокупность составила 910 респондентов: учителя Абатского, Вагайского, Исетского, Казанского, Ялуторовского, Ярковского районов, городов Тюмени, Тобольска, Ишима. Стандартная ошибка выборки = 3% (по формуле В.И. Паниотто), что обеспечивает достоверность полученных. Также использовался метод фокус-группового интервью — было проведено пять фокус-групп среди учителей общеобразовательных учреждений Тюменской области (38 человек). Целью исследования стало изучение качества жизни учителей школ Тюменской области.

Второе исследование было проведено в 2016 году среди учителей Ямало-Ненецкого автономного округа и направлено на изучение социального портрета и качества жизни учительства. Выборочная совокупность — 680 респондентов. Стандартная ошибка выборки — 3,5% (расчет по формуле В.И. Паниотто), что также свидетельствует о достоверности данных. Также использовался метод фокус-групповых интервью с учителями Ямало-Ненецкого автономного округа (33 человека). Оба исследования были проведены по бесповторной, многоступенчатой гнездовой выборке с пропорциональным размещением по полу, возрасту и стажу работы.

Существуют различные подходы к изучению социального портрета определенных групп. А.В. Махиянова отмечает, что при конструировании портрета в центре анализа могут быть жизненные планы, оценка условий проживания, досуг, ценностные ориентации (демографические группы); условия профессиональной деятельности (социально-профессиональные группы); ценностно-нормативные системы; совокупности разнообразных социально-экономических показателей [6].

В рамках нашего исследования основными индикаторами социального портрета женщин-учителей стали удовлетворенность социальным положением; доля времени, свободного от основной и домашней работы; состояние здоровья женщин-учителей; оценка настроений на будущее и др. В статье мы намеренно опускаем иные блоки, через которые проводился анализ ключевых проблем в профессиональной деятельности школьного педагога, условий труда, психологического климата в коллективе, а также особенностей межиндивидуального взаимодействия участников образовательного процесса. Тем самым мы акцентируем внимание преимущественно на социальной, а не на профессиональной сфере жизни женщин-учителей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках исследования респондентам был задан вопрос о степени удовлетворенности своим социально-экономическим положением. Среди женщин-учителей юга Тюменской области лишь 13% отметили, что они «не удовлетворены» или «скорее не удовлетворены» положением в обществе, а среди женщин-учителей ЯНАО — 17% (среднее по двум субъектам — 15%). Незначительное расхождение в ответах по регионам может быть нивелировано ошибкой выборки, следовательно, уровень не удовлетворенных или скорее не удовлетворенных своим социальным положением с большой долей вероятности практически идентичен.

Вопрос об удовлетворенности своим социальным положением учителей школ при сравнении данных по двум субъектам особенно показателен, если сопоставить ответы мужчин и женщин. Среди учителей-мужчин в Тюменской области (без автономных округов) скорее не удовлетворены и полностью не удовлетворены своим положением в обществе лишь 5% респондентов, а в ЯНАО — 24%.

Выявленное различие может быть обосновано рядом причин. Во-первых, что касается высокого числа не удовлетворенных своим социальным положением учителей на территории ЯНАО, то большинство учителей являются приезжими, но проживающими там постоянно (73% — мужчины, 79% — женщины). При этом доля женщин-учителей, которые приехали вслед за супругом/супругой, составляет 37%, а мужчин-учителей — 26%. Принимая во внимание высокую стоимость жизни на территории ЯНАО, становится понятно, что с зарплатой среднестатистического учителя, даже в таком экономически развитом регионе, значительная часть мужчин-учителей не могут быть удовлетворены своим социально-экономическим положением. Это подтверждается тем, что 37% женщин-учителей ЯНАО считают свою заработную плату вполне достойной, в то время как среди мужчин-учителей таковых 29%.

Второй не менее важной по значимости причиной переезда на Крайний Север для учителей стала перспектива высокого заработка. Однако, как было выявлено в ходе фокус-групповых интервью, как мужчины, так и женщины в конечном счете не получили желаемого, особенно если переехали не из дотационных регионов России: «Я приехала с ХМАО и разницы большой не увидела с Салехардом в заработной плате. Я получала и там очень хорошие деньги. Здесь я даже потеряла в доходе» (Ирина, учитель начальных классов, Салехард). «Наши зарплаты, которые называют очень большими, даются очень тяжело. Потому что приходится работать на две ставки, при этом брать классное руководство или быть диспетчером по расписанию и т.д. ...Мы хотим, чтобы нас стимулировали не только лозунгами „Даешь“, но и чем-то материальным» (Елена, учитель физики, Ямальский район ЯНАО). «По большому счету заработная плата равнoсильна... То есть ту зарплату, которую мы получаем здесь, можно получить и на юге Тюменской области. При этом условия жизни совершенно разные» (Михаил, учитель физики, Салехард).

Поскольку российское общество в семь раз менее требовательно к женщинам в отношении их умения зарабатывать, нежели чем к мужчинам (4% против 42%) (2), женщинам-учителям сравнительно легче пережить проблемы, связанные с профессиональными результатами и оплатой труда, чем мужчинам-учителям, т.е. проще быть более удовлетворенными своим социально-экономическим положением.

Удовлетворенность наличием времени, свободного от работы и занятий по дому, жителями России оценивается гораздо ниже, чем жителями других стран. Согласно данным немецкого института изучения рынков «GfK», 33% опрошенных в России не слишком или совсем не удовлетворены количеством свободного времени. Для сравнения: в США — 13%, в Германии — 17%, в Китае — 16%, в Южной Корее — 20% (3). В связи с этим необходимо рассмотреть наличие, специфику и удовлетворенность свободным временем среди женщин-учителей.

Согласно результатам опроса, количество часов в неделю, свободных от основной и домашней работы, у женщин-учителей таково: от 1 до 4 часов свободно у 62%, от 5 до 8 часов — у 24%, от 8 до 12 часов — у 10%, свыше 12 часов — у 5%. Примечательно, что у мужчин-учителей свыше 12 часов свободного времени от основной и домашней работы указали 15%. Следует также отметить, что урочная нагрузка у женщин-учителей ниже, чем у мужчин-учителей (табл. 1).

Таблица 1

Количество часов еженедельной урочной нагрузки у учителей (в %)

Количество часов урочной нагрузки	Женщины-учителя	Мужчины-учителя
Менее 17	16	14
От 17 до 20	22	12
От 21 до 30	43	52
Более 30	19	22

Нормирование труда является инструментом регулирования сбалансированного рабочего процесса для представителя любой профессии. Для педагогов всех профилей в большей степени характерна перегрузка по работе, которую усугубляет выполнение обязанностей классного руководителя (64% педагогов). «Средний показатель ежедневной учебной нагрузки педагога на период измерения (апрель) составила минимум 4 урока, максимум 6 уроков, т.е. даже минимальная нагрузка составила на 6 часов больше нормы: 24 часа при шестидневной рабочей неделе, а максимальная — 36 часов в неделю» [16. С. 110].

По количеству часов, затрачиваемых учителями разного пола на внеклассную работу со школьниками, значимые различия не выявлены. Можно провести определенную историческую параллель с началом XX века: Т.Б. Котлова, анализируя систему оплаты труда, отмечает, что мужчины как правило «работали не в одном учебном заведении, а в нескольких» [5. С. 68], т.е. большую часть времени, свободную от исполнения профессиональных обязанностей, женщины-учителя проводят в социальных статусах жены и матери.

Невозможно отрицать, что важным ориентиром для женщины при выборе работы и сегодня является возможность совмещения с семейными обязанностями [15. С. 334]. Однако остается открытым вопрос о том, насколько эффективно получается осуществить задуманное. По данным исследования, проведенного в Челябинске и Челябинской области, «у 44,2% женщин-учителей наблюдается неудовлетворенность браком (от абсолютно не удовлетворенных браком до скорее неблагоприятных)» [7. С. 61]. Отметим, что для женщин в России в принципе характерно быть менее удовлетворенными браком, чем для мужчин: так, низкая степень удовлетворенности браком наблюдается у 17% респондентов мужского пола и у 36% — женского [4. С. 84]. Таким образом, среди женщин-учителей, как и среди других женщин в России, высока доля неудовлетворенных браком. Причиной может быть мульти-ролевая нагрузка, справляться с которой удается далеко не всем.

Неудовлетворенность семейными отношениями среди женщин-учителей соотносится с тем, что доля разведенных женщин в педагогической среде — 10%, а среди мужчин таковых 4%. Однако женщины-учителя реже одиноки, чем их коллеги-мужчины (13% против 23%). В конце XX века к числу одиноких причисляли себя 25% опрошенных [1. С. 85].

Одним из ключевых аспектов жизни человека является его физическое самочувствие — от него зависит успешность личности как в профессии, так и за ее пределами. Согласно данным наших исследований, женщины-учителя оценивают свое здоровье как удовлетворительное и слабое в 54% случаев, а как хорошее и отличное — в 46%, что в среднем превышает показатели среди женщин по России в целом (70% и 36% соответственно [2]).

По мнению Р. Веэрманн и Е. Хелемяэ, на состояние здоровья и его оценку влияют такие факторы, как доход, социальный статус, социальный капитал и др. [2]. В этом может заключаться основная причина, по которой женщины-учителя оценивают состояние своего здоровья выше: если в отношении дохода

удовлетворенность женщин-учителей остается под вопросом, хотя и не актуализируется из-за низких ожиданий окружающих, то социальный статус и капитал педагогов — их сильная сторона. Во-первых, они причисляют себя к работникам умственного труда, что ставит их на порядок выше работников физического труда и неработающих. Во-вторых, женщины-учителя имеют высокий уровень неформальной поддержки и коммуникации, часто участвуют в различных мероприятиях, осознают свою социальную роль.

Школьным учителям был задан вопрос о том, с каким настроением они смотрят в будущее («с надеждой и оптимизмом», «спокойно, без особых тревог и иллюзий», «с тревогой и неуверенностью», «со страхом и отчаянием»). Женщины-учителя оказались более тревожно настроены в отношении своего будущего (19%), нежели их коллеги-мужчины (9%). Причем чем лучше настроение, с которым женщины-учителя смотрят в будущее, тем более оптимистично они характеризуют атмосферу в своем трудовом коллективе. Так, педагоги, которые смотрят на жизнь с надеждой и оптимизмом, оценивают атмосферу в основном как доброжелательную (33% в ЯНАО и 26% на юге Тюменской области). Респонденты, настроенные в отношении будущего тревожно и неуверенно, считают свой коллектив дружелюбным лишь в четверти случаев (23% в ЯНАО, 28% на юге Тюменской области). Также оптимисты чаще утверждают, что могут рассчитывать на поддержку семьи, родственников и друзей в случае серьезных неприятностей — 62%, а респонденты, которые смотрят в будущее с тревогой и неуверенностью — лишь в 42% случаев.

Кроме того, существует взаимосвязь между возрастом респондентов и их оценками будущего. Так, с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее среди женщин-учителей в возрастных группах младше 30 лет и 30—39 лет 60%, в группе 40—49 лет — уже 45%, в группе 50—59 лет — 40%, а среди самой возрастной группы 60—65 лет — только 31% (данные по югу Тюменской области).

Аналогичный спад настроений зафиксирован среди женщин-учителей ЯНАО, однако с более молодой возрастной группы (30—39 лет), что может быть связано с суровыми территориально-климатическими условиями, которые негативно влияют на физическое и психологическое самочувствие, а также с отсутствием возможности общения с родственниками, за исключением собственной семьи, поскольку большинство учителей региона являются приезжими, но проживающими в нем постоянно. Справедливости ради следует отметить, что подобные тенденции могут наблюдаться у всего населения независимо от принадлежности к определенной социально-профессиональной группе или полу.

Данные Европейского социального исследования свидетельствуют, что различия в оценках оптимизма по критерию возраста в России прослеживаются уже после 30 лет (4). Согласно нашим данным, у женщин-учителей эти различия фиксируются несколько позже, чем у большинства населения. Вероятно, это связано со спецификой их профессиональной деятельности (работа с молодежью), высокой степенью вовлеченности в формальные и неформальные социальные

взаимодействия, осознанностью своего социального статуса. Все это помогает женщинам-учителям сохранять энергичность и поддерживать позитивное мировосприятие более длительное время.

Женщины-педагоги, которые смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом, в подавляющем большинстве оценивают собственное душевное состояние как очень хорошее (выше 7 баллов по десятибалльной шкале) (65% в ЯНАО, 70% на юге Тюменской области); респонденты, у которых преобладает спокойное настроение (без тревог и иллюзий) (59% и 64%, соответственно), а среди тревожных и неуверенных — 23% и 30%. Среди респондентов, оптимистично оценивающих свое будущее, пожаловались на слабое здоровье («болею, имею хронические заболевания») лишь каждый шестнадцатый (6% в ЯНАО и 7% на юге Тюменской области), в то время как у тревожных и неуверенных этот показатель в три раза выше (19% и 17%). Более чем половине оптимистов свойственно отличное («болею редко») и хорошее здоровье («изредка испытываю некоторые недомогания») (56% в ЯНАО и 55% на юге области), среди тревожных и неуверенных таковых треть (29% и 26%). Оптимисты, субъективно имеющие более высокий уровень здоровья, ориентированы на его дальнейшее поддержание и сохранение, в том числе через ведение здорового образа жизни (72% в ЯНАО и 77% на юге области). Среди тревожных и неуверенных в своем будущем таковых значительно меньше (54% и 57%).

Позитивный настрой респондентов также коррелирует с ответами на вопрос «Как изменится материальное положение вашей семьи через пять лет?». Оптимисты в каждом третьем случае отмечают, что их материальное положение «существенно улучшится» (29% в ЯНАО, 32% на юге области) или «немного улучшится» (33% и 39%,). Среди тревожных и неуверенных в своем будущем этот показатель, соответственно, — 5% в ЯНАО и 3% на юге области, 19% в ЯНАО и 14% на юге области.

Итак, какие черты присущи современной женщине-учителю? Во-первых, для нее характерен низкий уровень неудовлетворенности своим социальным положением вследствие осознания своего социального статуса и специфических социальных ожиданий в отношении женщин в российском обществе, обусловленных сохранившейся традиционной моделью женских ролей. Во-вторых, свободного времени у женщин-учителей больше, чем у их коллег-мужчин, но все они тратят его на выполнение обязанностей по дому, воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, будучи при этом в меньшей степени удовлетворены отношениями в собственной семье. В-третьих, женщины-учителя оценивают свое здоровье выше, чем женщины в среднем по России, что объясняется наличием сильного социального капитала, который формируется в ходе реализации профессиональных обязанностей. Социальный капитал, в свою очередь, обеспечивает высокий уровень неформальной социальной поддержки, которая может быть оказана в том числе для помощи в трудной жизненной ситуации, связанной с проблемами

со здоровьем. И, наконец, снижение доли воспринимающих свое будущее позитивно среди женщин-учителей начинается позже, чем в среднем по России, что, видимо, объясняется, работой с молодым поколением, а также высокой вовлеченностью в формальные и неформальные социальные взаимодействия в процессе реализации своих должностных обязанностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) United Nations Statistics Division // <http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/indwm/tab4e.htm>.
- (2) Гендерные стереотипы. Пресс-выпуск от 29.03.2018 // <https://www.levada.ru/2018/03/29/gendernye-stereotipy>.
- (3) Satisfaction with the amount of leisure time. 2015 // http://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/website_content/Global_Study/Images/Infographics_Fullsize/GfK-Infographic-Leisure-time-Countries_Web.jpg.
- (4) Европейское социальное исследование. 2012 // <http://www.europeansocialsurvey.org/about/news/essnews0001.html>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Борисова У.С.* Социальный портрет учителя республики Саха // Социологические исследования. 1998. № 8.
- [2] *Везрманн Р., Хелемяэ Е.* Оценка здоровья мужчинами и женщинами в России, Эстонии, Литве и Финляндии // Социологические исследования. 2016. № 7.
- [3] *Ефимова Г.З., Семенов М.Ю.* Ключевые барьеры, препятствующие эффективной работе учителя: по материалам социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2.
- [4] *Ильченко В.В., Бекоева Т.А.* Социально-психологические аспекты удовлетворенности браком у мужчин и женщин // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 5.
- [5] *Котлова Т.Б.* Учительницы в Российской провинции сто лет назад // Женщина в российском обществе. 2001. № 1—2.
- [6] *Махиянова А.В.* Социальный портрет населения: сравнительный анализ высокодоходных и низкодоходных групп // Дискуссия. 2016. № 9.
- [7] *Нижегородова Л.А.* Оздоровление семейных отношений у женщин учителей как способ преодоления личностных деформаций // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров, 2011. № 1.
- [8] Образование в цифрах: 2017 / Д.Р. Бородина, Л.М. Гохберг, О.Б. Жихарева и др. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
- [9] *Полывянная М.Т.* К вопросу о феминизации учительства // Женщина в российском обществе. 2006. № 3.
- [10] *Порш Л.А.* Феминизация педагогической профессии в контексте обновления роли образования в развитии российского общества // Вестник ЗабГУ. 2013. № 8.
- [11] Российский статистический ежегодник. 2017. М.: Росстат, 2017.
- [12] Российские учителя в свете исследовательских данных / М.Л. Агранович и др.; отв. ред. И.Д. Фрумин, В.А. Болотов, С.Г. Косарецкий, М. Карной. М.: НИУ ВШЭ, 2016.
- [13] *Силласте Г.Г.* Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщины // Высшее образование в России. 2004. № 3.
- [14] *Соколова Е.А.* Стереотипный образ учителя в прессе провинциального города: гендерный аспект // Педагогическое образование в России. 2014. № 10.

- [15] *Хасбулатова О.А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново, 2005.
- [16] *Шереги Ф.Э.* Педагоги общеобразовательных организаций: труд или повинность? // Социологические исследования. 2016. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-521-531

SOCIAL PORTRAIT OF THE FEMALE TEACHER (on the example of the Tyumen Region)*

G.Z. Efimova, M.Yu. Semenov

Tyumen State University
Lenina St., 16, Tyumen, 625003, Russia
(e-mail: g.z.efimova@utmn.ru, m.y.semenov@utmn.ru)

Abstract. The article presents official statistical data that indicate the prevalence of women in the teaching staff of general education in Russia and some other countries. Structural feminization of education requires a study of social-cultural and other consequences of this social-professional phenomenon. The authors combine the consequences of teachers' feminization into two groups: assimilation of the predominantly feminist model of behavior and gender asymmetry in education. The article aims at describing social characteristics of female teachers in Russia and the impact of the teaching profession on the daily life of women based on the surveys (in 2015 and 2016) conducted by the Sociological Laboratory of the Tyumen State University on the representative quota-nesting sample. The authors focus on social rather than professional characteristics of female teachers in Russia, that is why they chose the following indicators: satisfaction with the current social status; proportion of time free from professional and household activities; state of health; look into the future. The main contradictions and peculiarities of everyday life of female teachers were outlined: there is a low level of dissatisfaction with one's social position due to the awareness of one's social status and specific social expectations for women due to the prevailing traditional models of female roles; female teachers assess ones' state of health higher than an average Russian woman due to the strong social capital providing a higher level of social support, which is acquired in the course of professional activities. Perhaps, this is also the reason why the share of female teachers that perceive their future negatively starts to grow later than on average in Russia.

Key words: teacher; school; education system; quality of life; social well-being; social mood; sociology of education

REFERENCES

- [1] Borisov U.S. Socialny portret uchitelya Respubliki Sakha [Social portrait of the teacher in the Sakha Republic]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 1998; 8 (In Russ.).
- [2] Voormann R., Helemae E. Otsenka zdorovya muzhchinami i zhenshinami v Rossii, Estonii, Litve i Finlyandii [Gender health self-ratings in Russia, Estonia, Lithuania and Finland]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2016; 7 (In Russ.).

* © G.Z. Efimova, M.Yu. Semenov, 2018.

The research was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Project 28.2941.2017/4.6 "Developing the competitiveness of the youth in Russia under the contemporary social-cultural dynamics".

The authors are grateful to G.F. Shafranov-Kutsev, academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Scientific Director of the Tyumen State University, for the help in writing the article.

- [3] Efimova G.Z., Semenov M.Yu. Klyuchevye bariery, prepyatstvuyuschie effektivnoj rabote uchitelya: po materialam sociologicheskogo issledovaniya [Key barriers to the effective work of teachers: The results of sociological research]. *Teoriya i Praktika Obschestvennogo Razvitiya*. 2015; 2 (In Russ.).
- [4] Ilchenko V.V., Bekoeva T.A. Socialno-psihologicheskie aspekty udovletvorennosti brakom u muzhchin i zhenshin [Social-psychological aspects of satisfaction with marriage among men and women]. *Ekonomicheskie i Gumanitarnye Issledovaniya Regionov*. 2016; 5 (In Russ.).
- [5] Kotlova T.B. Uchitel'nitsy v Rossijskoj provintsii sto let nazad [Female teachers in the Russian province 100 years ago]. *Zhenschina v Rossijskom Obshchestve*. 2001; 1—2 (In Russ.).
- [6] Makhyanova A.V. Socialnyj portret naseleniya: sravnitelnyj analiz vysokodohodnyh i nizkodohodnyh grupp [Social portrait of the population: A comparative analysis of high- and low-income groups]. *Diskussia*. 2016; 9 (In Russ.).
- [7] Nizhegorodova L.A. Ozdorovlenie semejnyh otnoshenij u zhenshin uchitelej kak sposob preodoleniya lichnostnyh deformatsij [Improvement of family relations among female teachers as a way to overcome personal problems]. *Nauchnoe Obespechenie Sistemy Povysheniya Kvalifikatsii Kadrov*. 2011; 1 (In Russ.).
- [8] *Obrazovanie v tsifrah: 2017* [Education in Figures: 2017]. Ed. by L.M. Gohberg, I.Yu. Zabaturlina, G.G. Kovaleva. Moscow: NIU VShE; 2017 (In Russ.).
- [9] Polyvyannaya M.T. K voprosu o feminizatsii uchitelstva [On the feminization of teaching]. *Zhenschina v Rossijskom Obshchestve*. 2006; 3 (In Russ.).
- [10] Porsh L.A. Feminizatsiya pedagogicheskoi professii v kontekste obnovleniya roli obrazovaniya v razvitii rossijskogo obshchestva [Feminization of the teaching profession under the renewal of the role of education in the development of the Russian society]. *Vestnik ZabGU*. 2013; 8 (In Russ.).
- [11] *Rossijskij statisticheskij ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow; Rosstat; 2017 (In Russ.).
- [12] *Rossijskie uchitelya v svete issledovatel'skikh dannyh* [Russian Teachers in the Light of Research Data]. Ed. by I.D. Frumin, V.A. Bolotov, S.G. Kosaretsky, M. Karnoy. Moscow: NIU VShE; 2016 (In Russ.).
- [13] Sillaste G.G. Gendernaya asimmetriya kak faktor kariernogo rosta zhenschiny [Gender asymmetry as a factor of the woman's career]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2004; 3 (In Russ.).
- [14] Sokolova E.A. Stereotipny obraz uchitelya v presse provintsialnogo goroda: gendernyy aspekt [Stereotypical image of the teacher in the press of a provincial city: A gender aspect]. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii*. 2014; 10 (In Russ.).
- [15] Khasbulatova O.A. *Rossijskaya gendernaya politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian Gender Policy in the 20th Century: Myths and Realities]. Ivanovo; 2005 (In Russ.).
- [16] Sheregi F.E. Pedagogi obshchego obrazovatelnykh organizatsij: trud ili povinnost' [Teachers of general education organizations: Labor or Service?]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2016; 1 (In Russ.).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-532-541

NATIONAL VALUES OF THE RUSSIAN EDUCATION UNDER THE INTERNATIONAL INTEGRATION*

Shafranov-Kutsev G.F., Yarkova E.N.

Tyumen State University

Lenina St., 25, Tyumen, 625000, Russia

(e-mail: shafranov-kutsev@utmn.ru; yarkovaeleni@yandex.ru)

Abstract. One of the widely discussed challenges under the international integration of the Russian education is the preservation of national educational values. The fate of the Russian educational traditions largely depends on the attitudes of the scientific-pedagogical community towards them. The article aims to identify the position of the representatives of this social-professional group to the values of the national education, to describe their role in the processes of modernization of the Russian education. The main empirical basis of the article is the contemporary Russian scientific-educational discourse — articles and monographs considering the values of the Russian education and their role in the processes of international integration of education. The key method of the research is the qualitative content analysis of a wide range of research texts. Based on the results of the analysis of the contemporary scientific-pedagogical discourse, the authors identify three main approaches to the traditions of the national education: nihilistic, apologetic, and realistic. The authors emphasize the counter-productiveness of both unambiguously positive and unambiguously negative attitudes toward these traditions and insist on the creative potential of the realistic, i.e. critically-analytical, approach. The article affirms the significance of the versatile (multidisciplinary) education, of the fundamental, holistic, systemic, elite education, and the great importance of the unity of education together with the high value of patriotic education. The specificity of these values is revealed through correlation with their antipodes such as narrow, limited-applied, eclectic-fragmentary, mass, morally and patriotically neutral education. The authors believe that the competitive education is the one that aims at developing of creative-scientific competences rather than utilitarian-technological ones.

Key words: education; integration; unification; consolidation; values; fundamental education; morally oriented education; patriotic education

International integration of education is an objective process in the perspective of world history but it can be achieved by various strategies. Thus, the idea and aim of the so-called ‘unification’ or standardization is to eliminate the existing national features of education to make the national educational systems meet the uniform standards. Some Russian researchers ironically call this strategy ‘Bolonization’. V.V. Mironov describes the differences in strategies for implementing Bologna agreements in Russia and Europe and stresses that the rectors of the largest universities in Germany, France, and Italy are very cautious about ‘Bolonization’ and insist on

* © G.F. Shafranov-Kutsev, E.N. Yarkova, 2018.

preserving national priorities of their educational systems. However, in Russia ‘Bolonization’ means almost complete loss of national priorities for “implementation of the Bologna agreements aims at destroying one of the strongest educational systems in the world — the Russian education” [15. P. 5].

The idea and aim of another strategy is ‘consolidation’, which, on the one hand, involves formal standardization of educational institutions, and, on the other hand, preservation of their crucial national features. We can consider as an example of the consolidation strategy within the international integration of education the development of education in China, where the ideas of traditional Confucian culture serve as an ideological basis for innovative transformations [25]. Another example is the transformation of education in India, where the Vedic traditions are not uprooted but rather modified according to the contemporary situation [28].

Today the advantages of the consolidation strategy for the international integration of education, which increases the creative potential of both national and world educational systems, are more and more evident. Accordingly, one of the urgent questions for Russia are future prospects for the national education values, i.e. the future of the historically established Russian educational traditions. This problem is extremely complicated in the Russian society for it has to answer two questions. First, how to preserve and develop the best traditions, i.e. the national educational values; second, what educational traditions can be considered national values. One of the most relevant ways to answer these two questions is to address the reference group, i.e. the today’s Russian academic-educational community. Although national values of the Russian education have attracted the research interest only recently, today they are defined in a large number of works. Thus, the article aims to analyze and group these values, and to identify their role in the international integration of the Russian education.

We use the analytical sociological approach that focus on certain types of value orientations of individuals to construct the corresponding causal schemes [8]. We conduct an analysis of a wide range of texts by national and foreign representatives of the academic-educational community, which highlight certain aspects of the problem under study. The key method of research is qualitative content analysis of different interpretations of the national educational values, their role in the processes of international integration and modernization of education. Such a qualitative textual analysis allows to identify both the national educational values and their role in the international integration of educational systems, while the quantitative methods in the study of value structures proved not to be sufficient.

TRADITIONS OF THE RUSSIAN EDUCATION — FROM THE PAST TO THE FUTURE

The national features of the Russian education are rather complicated and to some extent controversial. Partly this is due to the fact that the models of the university education in Russia were adopted from the European countries. The national education in general developed in the course of a catch-up modernization. First Russian universities were founded according to the models of German and French universities. However,

the university education in Russia incorporated the features of Russian mentality and unique national identity and traditions [4]. One of the pre-Soviet traditions was to position the university as a social institution with the main function of (re)producing the national intellectual elite and not just training professionals in demand of society. The Russian intelligentsia has always been different from the Western intellectuals who are professionally engaged in intellectual activities and do not claim to be the keepers of ‘the higher values’. Primarily, these values involve the responsibility for the fate of the country, empathy for the “the miserable and discriminated”, the desire to resist forces that hinder the Russian national development [10].

Another typical Russian educational tradition is the culture-based approach. The notion of the ‘culture-based model of education’ focusing on liberal arts culture was introduced by A.A. Zapesotsky. It implies the focus on morality, religion, philosophy and creativity [30], and considers the ‘culture-based education’ as the education of the future. However, the university education in Russia in its broadest sense has always followed the culture-based way of development.

Since the early Soviet era the Russian education has undergone serious changes determined by its radical shift towards democracy (emergence of the working class, i.e. ‘proletariat’, rural youth becoming students, etc.), by the dominance of the Marxist-Leninist ideology among the youth and feeling of internationalism. However, despite such radical changes, the traditions of pre-Soviet education were not completely lost but rather enriched by the new Soviet traditions stimulating extremely ambiguous attitudes to the education. Thus, even today there is a widespread estimate of the Soviet education completely denying its value. The nihilistic perception of the Soviet education as “dark ages” explains such denial by the dominance of ideology and uncritical thinking. For example, E.V. Gilbo believes that the Soviet educational system was initially designed to train skilled slaves or puppets incapable of individual actions, protection of their own interests, and fulfilling of their own projects [5]. This position can hardly be considered constructive and relevant should we take into account just one fact that “UNESCO in 1991 ranked the Soviet higher education the third in the world” [13. P. 30].

Another equally popular perception of the Soviet education considers it as an ideal educational system. From such an idealistic point of view, the Soviet education is the best in the world history of education. For example, M.V. Boguslavsky names the 1970’s—1980’ the “golden age” of the Russian education and offers a model of “retroactive modernization” or the retro-innovation of education [2. P. 6]. This position is also not-balanced partly due to the significant number of distortions, periods of stagnation and ineffective campaigns in the Soviet education. The most vulnerable part of the Soviet university education was poor teaching of foreign languages at the non-linguistic faculties, lack of foreign research literature and international communication of scholars. The implications of these features of the Soviet education are still quite obvious today.

The third and most consistent position is the realistic one. Its main idea is the critical analysis of the Soviet education aimed at its deconstruction and identification of its positive and negative aspects [29]. The deconstruction allows to reveal the national education values which have to be saved and developed.

THE SYSTEM OF THE NATIONAL VALUES OF THE RUSSIAN EDUCATION

What values of the Soviet educational legacy should be saved and developed? The results of the analysis of the wide range of texts, which are not presented in the article due to the limitations of the scientific publication, allowed us to identify the integral, interconnected, inherent system of values of the Russian education. First, it is the value of the fundamental education. Many authors insist on the necessity to save and development a broad-model education not limited to teaching/learning of the professional disciplines but including the development of the general worldview by liberal and social courses that make up a versatile education in Russia. This model is a significant factor in developing creativity for it is not a set of strictly specialized methods but a worldview. For example, K.K. Colin believes that a single-discipline specialist can only use the ready-made technologies but is unable to create something new: “...the traditional Russian system of education is much more promising here. Its revival can provide our country with significant strategic advantages over the Western countries in the era of information society and new technologies development” [11. P. 35].

Second, the fundamental and multidisciplinary education is a guarantee of competitiveness of university graduates. V.A. Prokhorov argues that “today only a well-educated person can be socially protected and capable of choosing his way and moving among different careers” [21. P. 83]. It is noteworthy that the contemporary Western philosophy and sociology of education also praise the versatile model of education. I. and D. Tarrant believe that the versatile education differs from any specialized one in its orientation to improve personality, to drastically change one’s values and transform the person into a creator [26. P. 111].

Third, it is the value of integral and systemic — holistic and not fragmentary — educational system, in which every discipline is presented in its integrity and completeness of information, as a part of the system and not an isolated fragment that needs to be studied and followed up. The very idea of fragmentary education is deeply rooted in the postmodern philosophy and sociology of education. The latter is known to promote a denial to generalize and conceptualize knowledge to avoid the total power of reason [19].

However, many Russian researchers consider the fragmentation of education as its negative feature. S.A. Sharonova defines fragmentary education as a paradigm that implies “more introductory rather than thorough and consistent logics of studying disciplines. It gives rise to economic, legal, environmental and other types of knowledge such as computer and driving skills instead of developing thinking, a worldview and a functional ability to find necessary information” [23]. Moreover, many authors believe that fragmentary education leads to the clip-type thinking. “A person with this type of thinking perceives the world as a kaleidoscope of pictures constantly replacing each other and loses any logical connections between phenomena and facts of reality, and the whole picture” [6. P. 71]. It is symptomatic that a significant part of researchers speaks of fragmentary education as an attribute of industrial society, whereas holistic education is considered a part of postindustrial, information society. M.I. Nadeeva notes a new paradigmatic shift: fragmentary education and the corresponding fragmentary

thinking evolve into a synthetic, holistic vision and thinking for the information society requires strategic thinking and integrated approaches [16. P. 333]. Some foreign authors also speak of the value of the holistic education and define it as a search for ways to avoid loss of any significant aspects of human existence by covering a wide range of philosophical trends and pedagogical practices [24].

Fourth, it is the value of elite education. It should be noted that in the Soviet period, the best graduates of secondary schools were selected through the Olympiads in certain disciplines, and full-time and distance university schools to become students of higher education institutions. The financial status of parents did not play a significant role in this case. Unfortunately, today the most prestigious faculties in top universities of Russia admit students largely for fee. Such a practice in the nearest future will lead to the decrease in the intellectual level of the national elite.

Moreover, the massification of education inevitably leads to its degradation for “the mass student (unlike the best ones) with medium cognitive resources has comparatively limited abilities to perceive and use an ever-growing volume of information. Accordingly, the educational product is intentionally simplified, gets standard, packed in a ready-to-use form and as consumer goods of mass demand in retail networks” [20]. It is clear that the “mass student” demands the “mass teacher”. In these circumstances, the value of elite education is becoming especially urgent both for the student and teaching staff. “Russia today desperately needs elite professionals so that the elite education would be developed at all levels. We need elite kindergartens, elite schools, elite vocational schools, technical colleges, universities and even elite postgraduate and doctoral courses” [18. P. 66]. Even more emotional perception of the elite education was expressed by E.K. Ashin: “...any social system especially in the post-industrial society needs a system of the elite education, preferably as open as possible. In today’s circumstances a system that denies the way to the top for the gifted (or at least makes their way harder) is destined to fail” [1. P. 83].

Fifth, it is the value of the unity of education and moral guidance. Russian researchers combine these two processes for the education in Russian universities has never been a morally neutral process of transferring value-neutral scientific knowledge. The university teacher in Russia has never been a morally neutral information translator or moderator of educational games. Moral responsibility of the teacher, subordination of all teaching activities to a “code of teaching ethics and honesty” has always been the norm. “In Russia, education has always been considered as the unity of education and moral guidance understood not just as a simple assimilation of a certain system of knowledge but as a process of spiritual and moral development” [3. P. 15].

In the years of perestroika and post-perestroika, the “code of teaching ethics and honesty” lost its relevance and the term “moral guidance” was deleted from the syllabus and legislative basis of the Russian education. In many respects, this was determined by the intention to get rid of ideological basis of the Russian educational system. However, in fact, it was not so much the elimination of the Marxist-Leninist ideology from the educational process as its replacement with a different ideology. The post-modern ‘anti-pedagogy’ was developed by those who promote refusal from pedagogics

and interpret education as a totalitarian process of human depersonalization aimed at ‘brainwashing’ as a form of terror [22].

In the early 2000s the imbalance of education and moral guidance in the educational process was restored. The unity of learning/teaching and moral guidance was rehabilitated although there are still followers of the postmodern philosophy and sociology of education. They often define postmodern philosophy and sociology as the ‘last word’ in the theory and practice of education while in fact it belongs to the ‘yesterday’. Many representatives of the Russian academic-educational elite consider the process of alienating teaching from moral guidance as extremely destructive. “The collapse of the national educational system must be stopped. Professional education is to be reconstructed in such a way that we get specialists competent not only in a certain field of knowledge but also in moral issues. This type of education will continue the national educational and academic traditions” [7. P. 63]. Foreign authors also emphasize the link between moral development and education. For instance, D.M. Kopkes defines the usefulness of liberal arts and aesthetic disciplines by their contribution to development of students’ ethics [12].

Sixth, it is the value of patriotic education that was an important part of the educational process both in pre-Soviet and Soviet Russia. Today Russian people of liberal (or, more accurately speaking, pseudo-liberal) views treat patriotism with disrespect and often use the term ‘patriot’ ironically. The positive opposition of this word is ‘cosmopolitan’, i.e. a citizen of the world. Just half a century ago the situation was exactly opposite and the word ‘cosmopolitan’ served as an abuse. Thus, the complete inversion took place as a move from one extreme to the other. It is clear that this way of thinking is limited and unproductive for it underestimates the multi-dimensional identity of the person in the contemporary world and ignores the fact that identification of oneself as a part of humanity does not contradict the feeling of belonging to a certain segment of humanity — a nation, ethnos, or region.

Moreover, the idea that in the economically developed countries and especially in the USA education is axiologically neutral and there is no patriotic education is nothing but a myth. “Young Americans are brought up from an early age in a strong belief that the United States is the best country in the world ... The feeling of patriotism and pride for their country is instilled in the US citizens by parents, schools, universities and all layers of society from an early age. School history books are 90% devoted to the history of the United States while the history of other countries and regions is given by the ‘whatever remains’ principle” [27. P. 19—20].

In 2015, the government of the Russian Federation approved the “Strategy for the Development of Education in the Russian Federation until 2025” based on the Federal Law “Education in the Russian Federation”, which ensures that moral guidance is an integral part of education interconnected with studies but also carried out as an independent activity. The Strategy defines priorities of the system of moral values developed in the course of the Russian cultural history — love to humankind, justice, honor, honesty, personal dignity, faith in the good and desire to fulfill a moral duty to oneself and motherland. Many researchers consider patriotic education as not only a way

to overcome the fragmentation of the Russian society but also as an effective means of fighting terrorism and extremism for patriotism is an antidote for aggressive nationalism and marginalization [14].

Let us finish the article with a few major conclusions. First, the uncritical standardization of national education according to the western model in order to achieve its international integration would lead us nowhere. It seems logically inconsistent that the restructuring of the Russian education to the standards of the European or North American universities would help to increase the competitiveness of Russian universities and direct the flow of foreign students to Russia. It is clear that the intention to study in another country is always determined by the desire to learn something special, valuable, and inherent in the culture of that country. That is why it is not reasonable to eliminate the national specifics of education. Instead, it should be preserved and developed, especially the best traditions of education. We are not ‘poor folks’ but rather rich heirs, and our educational heritage is not the roadblocks on the way of development of education, which must be broken immediately so that we could go straightforward.

Second, our analysis proves that the most important values of the Russian education, according to the Russian academic-education community, are the values of fundamental, holistic, elite, culturally-based, morally-oriented and patriotic education. The majority of authors consider these values as most important to increase the competitiveness of Russian universities. Perhaps, these values are the extraordinary product that would provide the ‘Blue Ocean’ regime for the Russian universities in the world educational market. However, we believe that the traditions of the national education can serve as a basis to develop scenarios beneficial for the national educational system.

Third, it is obvious that serious problems hinder development of the national education values. One of the major challenges is the search for an optimal way to combine traditions and innovations. The complexity of this problem is determined by the fact that there cannot be any standard algorithm to solve it. Different Russian universities would find different answers to the question. Thus, the Tyumen State University has some positive experience in supporting the long-established institutions by a newly-found elite scientific-educational School for Advanced Studies, a Polytechnic School, a university gymnasium, a School for the Gifted Students, etc. The system of individual road maps introduced at the University did not reduce the importance of developing the students’ worldview and fundamental disciplines but only highlighted and strengthened their importance.

REFERENCES

- [1] Ashin G.K. Elitnoe obrazovanie [Elite education]. *Obschestvennye Nauki i Sovremennost*. 2001; 5: 82—99 (In Russ.).
- [2] Boguslavsky M.V. Konservativnaja strategija modernizacii rossijskogo obrazovanija v XX — nachale XXI veka [The conservative strategy of modernization of the Russian education in the 20 — early 21 century]. *Problemy Sovremennogo Obrazovaniya*. 2014; 1: 5—11 (In Russ.).

- [3] Chetverikova O.N. Perestrojka obrazovaniya i vospitaniya v Rossii skvoz prizmu geopolitiki [Reconstruction of the Russian education through the prism of geopolitics]. *Vestnik Eletsckogo Gosudarstvennogo Universiteta im. I.A. Bunina. Serija: Pedagogika*. 2015; 3—30 (In Russ.).
- [4] Egorychev A.M. Nacionalnaja tradicija zhizni i socialnoe obrazovanie v Rossii [National tradition of life and social education in Russia]. *Alma Mater*. 2016; 10: 20—28 (In Russ.).
- [5] Gilbo E.V. O vysshem obrazovanii v SSSR i RF [On the higher education in the USSR and Russia]. <http://shel-gilbo.livejournal.com/99182.html> (In Russ.).
- [6] Gritsenko I.A. Klipovoe myshlenie — novy etap razvitiya chelovechestva [Clip thinking as a new stage in the development of humankind]. *Uchenye Zapiski*. 2015; 4: 71—74 (In Russ.).
- [7] Kharseeva N.V., Yanko E.V. Problemy duhovno-nravstvennogo vospitaniya v sovremennoj Rossii [Problems of spiritual-moral education in contemporary Russia]. *Aspektus*. 2015; 2: 59—65 (In Russ.).
- [8] Hedstrom P., Ylikoski P. Causal mechanisms in the social sciences. *Annual Review of Sociology*. 2010; 36: 49—67.
- [9] Karypov A. Fundamentalnoe obrazovanie kak glavnoe konkurentnoe preimuschestvo [Fundamental education as a key competitive advantage]. *Pervy Ekonomichesky*. 2016; 58: 56—58 (In Russ.).
- [10] Khorova P.A. K voprosu o tradiciyah rossijskogo obrazovaniya [On the traditions of the Russian education]. Khorova P.A., Vishnevsky Yu.R. (Eds.) *Innovacionny potencial molodezhi: globalizaciya, politika, integraciya*. Ekaterinburg; 2016. Pp. 507—511 (In Russ.).
- [11] Kolin K.K. Informacionnaja antropologija: pokolenie next i novaja ugroza rassloenija chelovechestva v informacionnom obshchestve [Information anthropology: Generation ‘next’, and a new risk of the stratification of humankind in information society]. *Vestnik Chelyabinskoy Gosudarstvennoj Akademii Kulturny i Iskusstv*. 2011; 4 (28): 32—36 (In Russ.).
- [12] Kopkas J. Is the casting of utilitarian as discordant with arts education philosophy justified? *Journal of Thought*. 2013; 5: 52—72.
- [13] Maleeva A. Shkolny standart [The school standard]. *Mashiny i Mekhanizmy*. 2011; 9: 28—35 (In Russ.).
- [14] Matveeva S.V., Filinova N.V., Matveev P.A. Patrioticheskoe vospitanie kak faktor formirovaniya cennostnyh ustanovok v vysshej shkole [Patriotic education as a factor of the values formation in the higher school]. *Problemy Sovremennogo Pedagogicheskogo Obrazovaniya*. 2016; 51: 270—276 (In Russ.).
- [15] Mironov V.V. Bolonsky process i nacionalnaja sistema obrazovaniya [The Bologna process and the national system of education]. *Vestnik OGU: Gumantarnye Nauki*. 2005; 2: 4—8 (In Russ.).
- [16] Nadeeva M.I. Obrazovatelnye cennosti i formirovanie obschekulturnoj kompetencii studentov tehnologicheskogo universiteta [Educational values and the formation of the students’ general cultural competence in the technological university]. *Vestnik Kazanskogo Tekhnologicheskogo Universiteta*. 2011; 22: 333—337 (In Russ.).
- [17] Newcombe N.S., Ambady N., Louis Gomez J., Klahr D., Linn M., Miller K., Mix K. Psychology’s role in mathematics and science education. *American Psychologist*. 2009; 64 (6): 538—550.
- [18] Novikov A.M. Chto takoe elitamoe obrazovanie [What the elite education is]. *Narodnoe Obrazovanie*. 2004; 1: 62—66 (In Russ.).
- [19] Ogurtsov A.P. Postmodernistsky obraz cheloveka i pedagogika [The postmodernist image of man and pedagogy]. *Chelovek*. 2001; 3—4: 18—27 (In Russ.).
- [20] Patsukevich O.V. Massovizaciya vysshego obrazovaniya kak sledstvie globalizacii [Massivization of the higher education as a consequence of globalization]. http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32264/1/klo_2015_124.pdf (In Russ.).

- [21] Prokhorov V.A. Fundamentalnost — osnovnoj princip postroenija inzhenerного obrazovaniya [Fundamental basis as a key principle of the engineering education]. *Inzhenerное Obrazovanie*. 2012; 11: 82—84 (In Russ.).
- [22] Schoenebeck von H. *Antipadagogik im Dialog: eine Einföhrung in antipadagogische*. Basel; 1989.
- [23] Sharonova S.A. Gumanitarnaja sostavljajushhaja fragmentarnogo obrazovaniya [The humanitarian component of the fragmentary education]. E.A. Zeletdinova (Ed.). *Socialno-gumanitarnoe obrazovanie vysshej shkoly Rossii v XXI veke*. Astrakhan; 2009. Pp. 38—45 (In Russ.).
- [24] Mahmoudi S., Jafari E., Nasrabadi H.A., Liaghatdar M.J. Holistic education: An approach for 21 century. *International Education Studies*. 2012; 5 (2): 178—186.
- [25] Starr D. *China and the Confucian Education Model*. Durham University; 2012.
- [26] Tarrant I., Tarrant J. Satisfied fools: Using J.S. Mill's notion of utility to analyze the impact of vocationalism in education within a democratic society. *Journal of Philosophy of Education*. 2004; 38 (1): 107—120.
- [27] Konceptiya patrioticheskogo vospitaniya v Rossii. Istoricheskaya pamyat i grazhdanskoe samosoznanie [Conception of the Patriotic Education in Russia. Historical Memory and Civil Self-Conscience]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [28] Upasana K. A comparative study of traditional education & education with special reference to India. *International Journal of Research in Management & Business Studies*. 2014; 2 (5): 149—162.
- [29] Vakhitov D.R. *Obrazovatelnye sistemy SSSR i Zapada: sravnitelny analiz preimuschestv i nedostatkov* [Educational systems of the USSR and the West: A comparative analysis of advantages and disadvantages]. *Vestnik TISBI*. 2015; 1: 216—235 (In Russ.).
- [30] Zapesotsky A.S. Ideya kulturocentristskoj modeli obrazovaniya [The idea of culture-centered model of education]. A.S. Zapesotsky (Ed.). *Kulturno-antropologicheskie osnovy obrazovatelnoj deyatel'nosti: k voprosu o razrabotke kulturocentristskoj modeli vysshego obrazovaniya*. Saint Petersburg; 2009. Pp. 11—26 (In Russ.).
- [31] Zharenova O.A., Kechil N.V., Pakhomov E.Yu. *Intellektual'naja migracija rossijan. Blichnee i dalnee zarubezhie* [Intellectual Migration of Russians. The Near and Far Abroad]. Moscow; 2002 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-532-541

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

Г.Ф. Шафранов-Куцев, Е.Н. Яркова

Тюменский государственный университет
Ул. Ленина, 25, Тюмень, 625000, Россия
(e-mail: shafranov-kutsev@utmn.ru; yarkovaeleni@yandex.ru)

Одной из широко обсуждаемых проблем в процессе международной интеграции отечественного образования является сохранение национальных ценностей образования. Судьба российских образовательных традиций во многом зависит от отношения к ним научно-педагогического

* © Шафранов-Куцев Г.Ф., Яркова Е.Н., 2018.

сообщества. Цель статьи — обозначить позицию представителей данной социально-профессиональной группы относительно ценностей отечественного образования, определить их роль в процессах модернизации отечественного образования. В качестве основного эмпирического материала статьи выступает современный отечественный научно-образовательный дискурс — статьи и монографии, посвященные исследованию ценностей отечественного образования, а также их роли в процессах международной интеграции образования. Ключевой метод исследования — качественный контент-анализ широкого массива научно-исследовательских текстов. По итогам анализа современного научно-педагогического дискурса выделено три основных подхода к традициям отечественного образования: нигилистический, апологетический и реалистический. Авторы подчеркивают контрпродуктивность как однозначно позитивного, так и однозначно негативного отношения к этим традициям и отмечают креативный потенциал реалистического — критико-аналитического — подхода. Авторы утверждают ценность разностороннего (многопрофильного) образования, фундаментального, целостно-системного, элитарного образования, ценность единства образования и воспитания и ценность патриотически ориентированного образования. Специфика названных ценностей раскрывается через соотнесение с их антиподами: узкопрофильным, ограниченно-прикладным, эклектично-фрагментарным, массовым, нравственно и патриотически нейтральным образованием. Конкурентоспособным утверждается образование, ориентированное на получение не утилитарно-технологических, а креативно-научных компетенций.

Ключевые слова: образование; интеграция; унификация; консолидация; ценности; фундаментальное образование; нравственно-ориентированное образование; патриотическое воспитание

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-542-554

ТЕОРИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК*

И.Ф. Дементьева¹, З.Т. Голенкова²

¹Институт изучения детства, семьи и воспитания
Российской академии образования
ул. Макаренко, 5/16, Москва, 105062, Россия

²Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: if.dementjewa@yandex.ru; golenko@isras.ru)

Статья посвящена проблеме развития теории семейного воспитания как одного из молодых и перспективных научных направлений. Актуализация этой теории напрямую связана с происходящими в российском обществе в последние десятилетия трансформациями, которые привели к изменению семейной идеологии в целом, в том числе целей, задач, содержания и методов семейного воспитания. Среди теоретиков-фамилистов активизировался поиск нового самоопределения и новой идентичности российской семьи как воспитательного института. В этих условиях теория семейного воспитания использует, в частности, концептуальные положения других социальных наук, заимствуя из них идеи для развития методологии и методики воспитания детей в пространстве семьи. В качестве источников заимствования таких идей в статье рассматриваются отдельные теории из области педагогики, психологии, социологии, культурологии, экономики и информатики. Автор выделяет и кратко характеризует три группы различных социальных теорий, способствующих более глубокому пониманию целей семейного воспитания: педагогические теории (свободного воспитания, самоопределения, самообразования, культуросообразности воспитания, природосообразности воспитания, самовоспитания, ассимиляции и аккомодации, педагогики сотрудничества, программирования обучения, педагогического эмпиризма, детоцентризма, педагогического воспитания), психологические теории (поэтапного формирования умственных действий, личности, адаптации, аффилиации, межличностных взаимодействий, деятельностного опосредования межличностных отношений, обособления, подражания) и социологические теории (глобализации, социального капитала, информации, социального неравенства, социальных рисков, разделения власти, гендера, рационального выбора, синергетики, малых групп, массовых коммуникаций).

Ключевые слова: семья; воспитание; социальные теории; теория семейного воспитания; воспитательные цели воспитания семьи; социальная адаптация детей

Теория семейного воспитания представляет собой системную концепцию, возникшую в пространстве между двух устойчивых социальных доктрин: педагогической теории воспитания и социологической теории семьи и семейных отношений. В ходе развития данной теории такая позиция в ряду общественных наук закономерно привела к заимствованию ряда научных положений из указанных

* © Дементьева И.Ф., Голенкова З.Т., 2018.

смежных дисциплин. Вместе с тем предмет изучения теории семейного воспитания выходит за рамки исследовательских задач педагогики и социологии семьи, что определяет ее интерес к содержанию других общественных наук и к методам, используемым ими для решения выявляемых социальных проблем.

Зафиксированные в последние десятилетия мировоззренческие трансформации в российском обществе, нарастание социального неравенства, смена духовно-нравственных ориентиров привели к существенным изменениям жизненных и воспитательных условий семьи. Поэтому семейное воспитание сегодня требует совершенствования целей и методов, применяемых к детям в процессе воспитательного воздействия. Развитие теории семейного воспитания основывается на особенностях этого процесса в новых условиях функционирования общества, а также семьи как его составляющей. Именно в сфере семьи осуществляется целенаправленное воздействие представителей старшего поколения на младшее и их двухстороннее взаимодействие между собой.

Семейное воспитание, как и воспитание в целом, можно рассматривать через концепции ряда педагогических, психологических, социологических, экономических, культурологических и других теорий. Проследим, как концептуальные положения различных социальных теорий способствуют более глубокому пониманию целей семейного воспитания. Обратимся прежде всего к *педагогическим теориям*.

Теория свободного воспитания, разработанная М. Монтессори и Л.Н. Толстым, декларирует идею свободного развития ребенка, недопустимости для педагога навязывать ребенку свою волю. Взаимодействие взрослых и детей должно строиться на принципах сотрудничества, субъект-субъектных отношений. Семейное воспитание заимствует из этой теории тезис о соблюдении права ребенка на свободу волеизъявления, соответственно, формируется отношение к воспитуемому как ответственному и самостоятельному субъекту взаимодействия [24].

Теория самоопределения (становления личностной зрелости) исследует процесс освоения ребенком социальных ролей и мотивационно осознанный выбор своего места в системе социальных отношений. Семейное воспитание использует метод формирования мотивационной сферы ребенка на протяжении всего детства [2].

Теория самообразования, основоположником которой является Ф. Аквинский, определяет цель педагогики как формирование у ребенка способности к самообразованию: ребенок должен сам управлять процессом исследований и открытий в жизненных ситуациях. Семейное воспитание заимствует из этой теории принцип развития у ребенка инициативы, стремления самостоятельно постигать смысл социальных явлений [6].

Теория культуросообразности воспитания, разработанная немецким педагогом и философом Ф.А. Дистервегом, утверждает в качестве основного принципа педагогики воспитания то, что она должна основываться на общечеловеческих ценностях культуры. Необходимо воспитывать у детей терпимость к ценностям и нормам различных этносов и обществ во всех их культурных

проявлениях. Семейное воспитание в этой теории призвано помочь ребенку найти баланс ценностей разных культур, минимизировать национальные особенности и противоречия [11].

Теория природосообразности В.И. Вернадского призывает воспитывать в детях этические установки по отношению к природе, ноосфере в целом, формировать природоохранное и ресурсосберегающее мышление и поведение. Семейное воспитание реализует этот тезис в форме экологического просвещения детей как жизненно необходимого знания в условиях современного мира [4].

Теория самовоспитания, предложенная выдающимся педагогом В.А. Сухомлинским, формулирует ключевую идею самовоспитания как целенаправленной деятельности по совершенствованию своих положительных качеств посредством применения методов самооценки и самоконтроля. Семейное воспитание предлагает ребенку использовать указанные методы в процессе обретения им социального опыта и психологической подготовки к взрослой жизни [25; 31].

Теория ассимиляции и аккомодации предполагает усвоение ребенком нового опыта поэтапно: сначала — обретение несистемного опыта, затем — структурирование ранее накопленного опыта в систему для понимания жизненных проблем или их решения. Семейное воспитание предлагает детям использовать идею несистемного/системного опыта для развития своих адаптивных способностей [34].

Теория педагогики сотрудничества рассматривает воспитание как творческое взаимодействие воспитателя и воспитуемого. Семейное воспитание использует принцип интенсивного обучения ребенка с ориентацией на развитие его творческого мышления [1].

Теория программированного обучения Б.Ф. Скиннера провозглашает необходимость управления поведением личности с помощью научно организованного, операционально определяемого, целевого педагогического процесса. Семейное воспитание использует идею необходимости управления поведением ребенка для успешного усвоения им знаний и умений [29].

Теория педагогического эмпиризма (С.Т. Шацкий, А.С. Макаренко) рассматривает воспитательный процесс как постепенное осознание детьми своего чувственного опыта, развивающего внимание, память, способности к сравнению и суждению. Семейное воспитание заимствует из теории идею о роли воспитателя в создании среды, воспитывающей ребенка, и о руководстве поэтапным освоением этой среды ребенком [35].

Теория детоцентризма была предложена и развита в трудах Д. Дьюи (педоцентризм), Э. Кея, М. Монтессори. Основная идея теории заключается в указании на опасность поощрения шалостей ребенка: избалованный ребенок вырастает эгоистом и плохо адаптирован к жизни в обществе. Семейное воспитание рассматривает указанный вывод теории как предостережение и антицель социализации детей [12].

Теория педагогического взаимодействия рассматривает таковой как процесс управления педагогом развитием личности учащегося. В семейном воспита-

нии это взаимодействие проявляется в форме авторитаризма родителя и в его намерении управлять ребенком — в современной педагогике это антицель воспитания [19].

Свой вклад в развитие семейного воспитания внесли и перечисленные ниже *психологические теории*.

Теория поэтапного формирования умственных действий утверждает, что поэтапное овладение воспитуемым новым умственным действием формируется воспитателем вначале на уровне речевого определения характера действия. Путем интериоризации этот речевой акт воспитателя формирует мыслительный процесс воспитуемого. Семейное воспитание использует положения данной теории для ускоренного усвоения ребенком новых знаний и умений [7; 18].

Теория личности А. Маслоу провозглашает принцип гуманистического воспитания. Семейное воспитание заимствует из данной теории идею о необходимости помочь ребенку обнаружить в себе потенциальные способности и природную одаренность [43].

Теория адаптации Ж. Пиаже развивает идею умственного развития личности в процессе гомеостатического взаимоотношения с социальным окружением. Семейное воспитание использует предлагаемый в теории механизм взаимодействия ребенка с близкими взрослыми с целью его интеллектуального развития [28].

Теория аффилиации рассматривает проблему потребности в общении и эмоциональном контакте. В семейном воспитании аффилиация как потребность проявляется в стремлении детей участвовать в совместных действиях с родителями с целью непосредственного общения (совместный досуг, хождение в гости и т.п.). Неучет родителями важной роли этого фактора приводит к формированию у ребенка чувства одиночества и фрустрации [33].

Теория межличностных взаимодействий определяет характер связей и отношений людей в социальных группах по принципу «стимул—реакция». В семейном воспитании взаимодействие строится на основе взаимных влияний двух субъектов семейной группы: родителя и ребенка. Уровень эффективности этого взаимодействия определяется конечным результатом воспитания [37].

Теория деятельностного опосредствования межличностных отношений А.В. Петровского построена на анализе социально-психологического феномена коллектива, его ценностно-ориентационного единства, в котором деятельность — системообразующий признак. Применительно к семейному воспитанию в данной роли выступает семейный коллектив, в котором осуществляется деятельное участие его членов (в том числе детей) в реализации общих целей. Деятельность детей в рамках межличностных отношений в семье предполагает выполнение ими своих обязанностей и получение соответствующих прав [10; 27].

Теория обособления рассматривает ребенка как личность со своими особенностями и задатками, обладающую потенциальной возможностью общения с другими людьми и обособления в качестве самостоятельного индивида. Семейное воспитание реализует идею формирования независимой самодостаточной личности ребенка на фоне окружающего социума [26].

Теория подражания рассматривает содержание образования как осознанное, направленное действие. Семейное воспитание заимствует из этой теории принцип осознанности и направленности воспитательных акций по отношению к ребенку [5].

Значительное влияние на развитие теории семейного воспитания оказала *социологическая наука*, а именно следующие ее теории.

Теория глобализации рассматривает влияние современных глобальных изменений, в том числе безграничного расширения информационного пространства, на судьбы мирового сообщества. Известный теоретик глобализации П. Друкер подчеркивает решающее значение для будущего мира производства информации, а также указывает на революционные последствия компьютерных технологий, особенно Интернета. Эти явления выступают в теории семейного воспитания как объяснения причин ослабления межпоколенного взаимодействия в семье. Расширение информационного пространства через IT-технологии привело к возникновению альтернативных семье источников получения дополнительных знаний детей. Негативным последствием воздействия этого фактора на семейное воспитание является снижение авторитета родителей как носителей новой информации и в целом воспитателей [38].

Теория социального капитала, основоположником которой признан Дж. Коулмен, напрямую связана с теорией семейного воспитания, поскольку утверждает, что только наличие социального (человеческого) капитала может гарантировать успешность воспитательных действий в семье. Коулмен анализирует механизм влияния социального капитала семьи на благополучие и учебную деятельность детей: наличие семейного капитала приводит к расширению доступа детей к информации, более успешной их адаптации к новым жизненным условиям, усилению внимания семьи к здоровью детей и т.п. Таким образом, семейный капитал становится важным условием успешности воспитания детей в семье [16].

Теория информации является частью социологической теории коммуникации — науки о человеческом общении и процессе обмена социальными сведениями. Одним из ведущих направлений теории является проблема управления поведением общества в целом и индивидов в рамках общества. Информация как первичная составляющая накопленного человеческого опыта создает социальную платформу для правильного выбора поведенческих действий в предлагаемых обстоятельствах. Эта функция информации роднит данную теорию с теорией семейного воспитания, в рамках которой предполагается передача родителями ребенку жизненно важной информации, повышающей его социализированность и интерес к получению нового знания [13; 23].

Теория социального неравенства провозглашает принцип неизбежности социального расслоения, поскольку существуют определенные общественные функции, которые способны выполнить лишь квалифицированные члены общества — они заслуживают преимущественные права и привилегированное положение. В сфере семейного воспитания фундаментальными признаками социального

неравенства являются различия в социальном и культурном капитале семей (уровень образования родителей, сфера занятости, должностной статус, стиль жизни и т.п.). Наблюдаемое противоречие между декларируемым равенством и существующим в действительности социальным расслоением приводит семьи к выводу о невозможности обеспечения ребенку желаемого жизненного стандарта. Неравенство в сфере получения детьми образования, квалификации, специальности ограничивает возможности достижения других жизненных целей и общественных благ. Формируется неудовлетворенность ребенка своим местом в жизни, укрепляется убеждение, что его интересы ущемлены. В результате молодое поколение превращается в идеальный объект для политических, экономических, криминальных и иных манипуляций [9; 15].

Теория социальных рисков оценивает риски в современном мире с позиции их будущих последствий и отмечает количественное возрастание разных видов рисков в обществе и их качественное разнообразие, в связи с чем возможна заниженная оценка их негативных последствий. Этот принцип нашел развитие в практике семейного воспитания: родители фиксируют сегодня нарастание различных рисков детства и вынуждены ранжировать их по степени опасности, повышая терпимость к рискам, значимость которых относительно невысока. В результате личная защищенность детей от возможных рисков снижается. Апологеты теории социальных рисков рассматривают в качестве защитной меры повышение информированности общества о потенциальной опасности рисков. Семейное воспитание использует метод информирования детей о рисках с целью профилактики их попадания в рискованные ситуации. Повышение уровня воспитательной грамотности родителей и их информированности через педагогическое просвещение — еще один путь профилактики ошибок и рисков в семейном воспитании [8; 36].

Теория разделения власти, согласно ее основоположнику Дж. Локку, утверждает разделение власти определяющим принципом функционирования любого общества. Эта модель вполне устойчиво реализуется в рамках семьи как первичной ячейки общества в супружеском взаимодействии. В теории семейного воспитания за основу принимается тезис, что обладание властью отдельным субъектом (в том числе супругом) повышает его социальную ответственность за последствия принимаемых решений, а в практической области предполагается освоение детьми семейных ролей, одновременно дающих властные полномочия и требующих демонстрации ответственности за свои поступки [20].

Теория гендера утверждает наличие социальных и психологических полоролевых различий в поведении мужчин и женщин, определяющих их роли, идентичности и сферы деятельности. В семейном воспитании гендерный подход реализуется родителями с учетом собственной половой принадлежности как воспитателей и пола ребенка как воспитуемого — в процессе их взаимодействия. Гендерный фактор используется в воспитательном процессе и при формировании у детей половой идентичности по принципу «мужественность—женственность», при моделировании мужского и женского образцов поведения [14; 30; 42].

Теория рационального выбора/действия, основоположником которой является М. Вебер, рассматривает рациональность действия как условие четко выраженной цели и адекватных осмысленных средств достижения этой цели. Дж. Коулмен анализировал рациональность действия с точки зрения наличия/отсутствия эмоциональной включенности и трезвого расчета. В семейном воспитании действия родителей сопровождаются их ожиданием оптимального воспитательного результата; предполагается также развитие у родителей способности подавлять эмоционально окрашенные воспитательные действия и выбирать педагогически рациональную линию поведения [3; 16].

Теория синергетики утверждает важность самоорганизации и совместных действий для достижения целей. Теория семейного воспитания использует этот принцип, устанавливая для взрослых в семье общие правила взаимодействия с ребенком для достижения высокого качества воспитания, пресечения мер насилия по отношению к ребенку, мобилизации внутрисемейных воспитательных ресурсов [22].

Теория малых групп/групповой динамики, основоположником которой считается Э. Мэйо, изучает групповое поведение в малой группе и влияние группы на индивида. Семейное воспитание заимствует из данной теории идею моделирования межличностных отношений, динамики власти, лидерства и подчинения [39; 40].

Теория массовых коммуникаций утверждает возможность обеспечения через массовые коммуникации полного контроля над обществом (М. Маклюэн). В области семейного воспитания массовые коммуникации сегодня осуществляют положительную функцию, способствуя расширению познавательных возможностей молодого поколения и выполняя таким образом социализирующую роль. С другой стороны, они являются конкурентом семьи, так как, будучи источником независимой социальной информации, приводят к ослаблению ее контрольной функции над ребенком и в результате снижают значимость родительской семьи как воспитателя. В этом случае массовые коммуникации являются источником антицелей в сфере воспитания [21; 44].

Определенное влияние на формирование теории семейного воспитания оказала *экономическая теория массового потребления/потребительского выбора*, основоположниками которой являются Дж. Кейнс, И. Фишер и Дж. Мейнард. Данная теория утверждает идею, что повышение затрат на один товар (одну статью расхода) в бюджете неизбежно приводит к снижению затрат на другие статьи, т.е. происходит переоценка предпочтений индивидом (либо семейной группой) статей расходов, изменяется порядок их реализации, возникает «эффект замещения». Применительно к семейному воспитанию следует говорить о готовности современной семьи вкладывать средства в первую очередь в образование детей и о приоритетности таких расходов в семейном бюджете [17; 32; 41].

Описанное влияние ряда социальных теорий на концепцию воспитательных целей семьи можно схематично отобразить в таблице 1.

**Характер воспитательных целедостижений семьи
в контексте концептуальных положений социальных теорий**

Социальные теории	Характер воспитательных целедостижений семьи
Теория свободного воспитания	— формирование у ребенка социальной ответственности — развитие независимого мышления
Теория самообразования	— развитие инициативности ребенка — развитие самостоятельного постижения смыслов социальных явлений
Теория культуросообразности воспитания	— развитие терпимости к нормам и ценностям, национальным особенностям других этносов
Теория природосообразности	— формирование у ребенка экологического сознания
Теория самовоспитания	— формирование у ребенка критичности и объективности в самооценках — формирование механизма самоконтроля
Теория ассимиляции и аккомодации	— поэтапное обретение ребенком социальной зрелости через структурирование накопленного опыта
Теория педагогики сотрудничества	— развитие творческого мышления ребенка
Теория программированного обучения	— признание ребенком родителя как авторитетного лица в обретении знаний и умений
Теория педагогического эмпиризма	— принятие ребенком семьи как воспитывающей среды
Теория детоцентризма	— развитие эгоцентризма ребенка — неспособность ребенка к адаптации в социуме
Теория педагогического взаимодействия	— развитие безынициативности, индифферентности, безответственности ребенка на фоне авторитаризма родителей
Теория поэтапного формирования умственных действий	— развитие у ребенка способностей к ускоренному усвоению новых знаний и умений
Теория личности	— выявление у ребенка потенциальных способностей и одаренностей
Теория адаптации	— интеллектуальное развитие ребенка с целью его успешного приспособления к окружающей среде
Теория аффилиации	— развитие у ребенка стремления к эмоциональному взаимодействию в своей семейной группе
Теория деятельностного опосредования межличностных отношений	— формирование у ребенка понимания семейного коллектива как социального организма с взаимными правами и обязанностями
Теория обособления	— формирование у ребенка личностной независимости, самодостаточности
Теория подражания	— осознание ребенком справедливости воспитательных требований родителей
Теория глобализации	— расширение информационного пространства ребенка за пределы семьи — ослабление авторитета родителей как носителей новой информации и воспитателей в целом
Теория социального капитала	— влияние уровня семейных ресурсов на воспитательные возможности родителей — семейный капитал как базовый ресурс взаимодополняемых, непротиворечивых воспитательных действий — семейный капитал как эффективный воспитательный ресурс социально ответственных родителей
Теория информации	— рост информированности ребенка — повышение самооценки ребенка и уверенности в себе — стимулирование интереса ребенка к новой информации
Теория социального неравенства	— различия социального и культурного капитала семьи как основание для социального неравенства детей — ограничение в достижении детьми жизненных целей и общественных благ как результат неравенства в сфере получения детьми образования

Окончание таблицы 1

Социальные теории	Характер воспитательных целедостижений семьи
Теория социальных рисков	<ul style="list-style-type: none"> — повышение терпимости семьи к рискам детства: личная защищенность детей от рисков сокращается — повышение уровня информированности детей родителями о возможных опасностях — педагогическое просвещение родителей как метод профилактики рискованных ситуаций у детей
Теория разделения власти	<ul style="list-style-type: none"> — формирование социальной ответственности как составляющей понятия власти: обладание властью повышает социальную ответственность — освоение ребенком принципов супружеского взаимодействия — применение родителями власти, исключаяющей насилие в воспитании
Теория гендера	<ul style="list-style-type: none"> — гендерный аспект воспитания в семье: для мальчика — поощрение самостоятельности, инициативы, конкурентности, стремления к лидерству; для девочки — поддержка, ласка, эмоциональное единение, защита — дифференцирование понятий «мужественность—женственность» — учет половой принадлежности воспитателя и воспитуемого в процессе их взаимодействия — половая идентификация и моделирование мужского и женского поведения в процессе воспитания — формирование родителями полового самосознания мальчика и девочки
Теория рационального выбора	<ul style="list-style-type: none"> — ожидание родителями оптимального воспитательного результата при допущении неопределенности последствий — развитие способности родителей подавлять стихийные, эмоционально окрашенные проявления чувств, замена их на рациональную, ценностно-обусловленную и педагогически выверенную линию поведения
Теория синергетики	<ul style="list-style-type: none"> — установление общих для взрослых правил воспитательного взаимодействия с ребенком — ограничение использования членами семьи мер насилия по отношению к ребенку — выявление родителями дополнительных ресурсов совместного участия в воспитании детей
Теория малых групп	<ul style="list-style-type: none"> — осуществление семьей как малой группой воспитания детей на фоне коммуникативных, эмоциональных, интерактивных и иных внутрисемейных связей — выявление специфики воспитания детей в семьях разного типа
Теория массовых коммуникаций	<ul style="list-style-type: none"> — отчуждение детей от семьи под влиянием Интернета — снижение авторитета родителей как воспитателей — возрастание роли средств массовой информации в социализации детей — возрастание анонимности социальных контактов — снижение родительского контроля как фактора профилактики ситуаций риска у детей
Теория массового потребления (потребительского выбора)	<ul style="list-style-type: none"> — возрастание расходов семьи на оплату образовательных услуг — приоритетность расходов на воспитание и образование детей в структуре семейного бюджета

В последние десятилетия наблюдается парадоксальная в глобальном контексте ситуация с воспитательными действиями родителей. Испытанные на прошлых поколениях и оправдавшие себя меры в условиях современной ускоренной трансформации общества не приносят ожидаемого результата. Возникает насущ-

ная необходимость дополнить вектор воспитательных процедур в семье новым содержанием и одновременно исключить из практики устаревшие методы силового давления на ребенка и прямолинейного дидактического морализирования. Необходим поиск новых воспитательных приемов, противодействующих нарастающему влиянию неконтролируемых обществом источников прямого воздействия на личность (СМИ, Интернет, наркотрафик и т.п.). Не может дать позитивного результата и попытка родителей ограничить использование детьми современных средств информации. Учет этих и иных объективно существующих негативных обстоятельств становится обязательным условием успешной адаптации детей в новом социальном пространстве. Реализации этой непростой задачи способствует, в частности, изучение опыта других общественных наук по решению собственных проблемных ситуаций и заимствование этих наработок для развития теории семейного воспитания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Амонашвили Ш.А.* Созидая человека. М., 1982.
- [2] *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М., 2001.
- [3] *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- [4] *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М., 1989.
- [5] *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.
- [6] *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. Т. 3: Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М., 1983.
- [7] *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 тт. М., 1982—1984.
- [8] *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5.
- [9] *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
- [10] *Дементьева И.Ф.* Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. М., 2004.
- [11] *Дистервег Ф.А.* Руководство для немецких учителей. М., 1956.
- [12] *Дьюи Дж.* От ребенка — к миру, от мира — к ребенку. М., 2009.
- [13] *Коган В.З.* Теория информационного взаимодействия: философско-социологические очерки. Новосибирск, 1991.
- [14] *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1988.
- [15] *Константиновский Д.Л.* Динамика неравенства: российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х к 2000-му). М., 1999.
- [16] *Коулмен Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.
- [17] *Кэллахан Д.* Экономика для обычных людей: Основы австрийской экономической школы. Челябинск, 2006.
- [18] *Леонтьев А.Н.* Основы психолингвистики. М., 1997.
- [19] *Лийметс Х.* Групповая работа на уроке. М., 1982.
- [20] *Локк Дж.* Сочинения: в 3-х тт. Т. 3. М., 1988.
- [21] *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2007.
- [22] *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 2003.
- [23] *Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.
- [24] *Монтессори М.* Мой метод. М., 2006.
- [25] *Монтессори М.М.* Самовоспитание и самообучение в начальной школе. М., 1922.
- [26] *Норберт Э.* Общество индивидов. М., 2001.
- [27] *Петровский А.В.* Личность, деятельность, коллектив. М., 1982.

- [28] *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М., 1994.
- [29] *Скиннер Б.Ф.* Наука и человеческое поведение. М., 1956.
- [30] *Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
- [31] *Сухомлинский В.А.* Этюды о коммунистическом воспитании. М., 1967.
- [32] *Фишер И.* Покупательная сила денег. М., 1994.
- [33] *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т. 1. М., 1986.
- [34] *Хомский Н.* Язык и мышление. М., 1968.
- [35] *Шацкий С.Т.* Избранные педагогические сочинения: в 2-х тт. М., 1980.
- [36] *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М., 1996.
- [37] *Blumer G.* Symbolic Interactionism: Problems and Perspectives. Englewood Cliffs, 1969.
- [38] *Drucker P.* Post-Capitalist Society. New York, 1993.
- [39] *Hare A.P.* Small Groups. New York, 1956
- [40] *Homans G.C.* The Human Group. New York, 1950.
- [41] *Keyns J.M.* The General Theory of Employment Interest and Money. London, 1936.
- [42] *Lynn D.B.* Parental and Sex-Role Identification: A Theoretical Formulation. California, 1969.
- [43] *Maslow A.* Motivation and Personality. New York, 1954.
- [44] *McLuhan M.* Culture is Our Business. New York, 1970.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-542-554

THEORY OF FAMILY EDUCATION IN THE GENERAL THEORETICAL CONTEXT OF SOCIAL SCIENCES*

I.F. Dementieva¹, Z.T. Golenkova²

¹Institute for the Study of Childhood, Family and Education
of the Russian Academy of Education
Makarenko St., 5/16, Moscow, 105062, Russia

²Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: if.dementjewa@yandex.ru; golenko@isras.ru)

Abstract. The article considers the challenges for the development of the theory of family education as one of the youngest and most promising branches of the contemporary science. Today's relevance of this theory is directly related to the transformations of the Russian society in the last decades, which had a great impact on the family ideology in general and changed the goals, objectives, content and methods of family education in particular. The theorists of the family education intensified the search for a new self-determination and a new identity for the Russian family as an educational institution. Under such conditions, the theory of family education adopts the conceptual findings and relevant ideas of other social sciences to develop methodology and techniques of raising and educating children in the family context. The article considers the sources of such ideas in the particular theories in the field of pedagogy, psychology, sociology, cultural studies, economics and informatics. The author identifies and briefly characterizes three groups of different social theories that contribute to a deeper understanding of the goals of family education: pedagogical theories (of free education, self-determination, self-education, culturally appropriate education,

* © I.F. Dementieva, Z.T. Golenkova, 2018.

ecological education, assimilation and accommodation, pedagogy of cooperation, programmed teaching, pedagogical empiricism, and pedagogical education focused on children), psychological theories (of step-by-step formation of mental actions, personality, adaptation, affiliation, interpersonal interactions, activity mediation of interpersonal relationships, isolation, and imitation), and sociological theories (of globalization, social capital, information, social inequality, social risks, power sharing, gender, rational choice, synergetics, small groups, and mass communications).

Key words: family; education; social theories; theory of family education; educational goals of the family; social adaptation of children

REFERENCES

- [1] Amonashvili Sh.A. *Sozidaja cheloveka* [Creating a Man]. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [2] Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniya lichnosti: Izbrannye psichologicheskie trudy* [Problems of Personality Formation: Selected Psychological Works]. Pod red. D.I. Feldshteyna. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [3] Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [4] Vernadsky V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [5] Vygotsky L.S. *Razvitie vysshih psikhicheskikh funktsij* [Development of Higher Mental Functions]. Moscow; 1960 (In Russ.).
- [6] Vygotsky L.S. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Vol. 3: Problemy razvitiya psikhiki. Pod red. A.M. Matjushkina. Moscow; 1983 (In Russ.).
- [7] Vygotsky L.S. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 6 tt. Moscow; 1982—1984 (In Russ.).
- [8] Giddens E. Sudba, risk i bezopasnost [Fate, risk, and security]. *THESIS*. 1994: 5 (In Russ.).
- [9] Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh Rossii: sociologicheskij portret* [Russian Youth: A Sociological Portrait]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [10] Dementieva I.F. *Socializacija detej v semie: teorii, faktory, modeli* [Family Socialization of Children: Theories, Factors, and Models]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [11] Diesterweg F.A. *Rukovodstvo dlja nemeckih uchitelej* [Guide for German Teachers]. Moscow; 1956 (In Russ.).
- [12] Dewey J. *Ot rebenka — k miru, ot mira — k rebenku* [From Child to World, from World to Child]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [13] Kogan V.Z. *Teorija informacionnogo vzaimodejstvija: filosofsko-sociologicheskie ocherki* [Theory of Information Interaction: Philosophical-Sociological Essays]. Novosibirsk; 1991 (In Russ.).
- [14] Kon I.S. *Vvedenie v seksologiju* [Introduction to Sexology]. Moscow; 1988 (In Russ.).
- [15] Konstantinovskij D.L. *Dinamika neravenstva: rossijskaja molodezh v menjajushemsja obshchestve: orientacii i puti v sfere obrazovaniya (ot 1960-h k 2000-mu)* [Dynamics of Inequality: Russian Youth in the Changing Society: Orientations and Paths in Education (from the 1960s to 2000)]. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [16] Coleman J. *Kapital socialnyj i chelovecheskij* [Social and human capital]. *Obschestvennye Nauki i Sovremennost*. 2001: 3 (In Russ.).
- [17] Callahan D. *Ekonomika dlja obychnyh ljudej: Osnovy avstrijskoj ekonomicheskij shkoly* [Economics for Real People: An Introduction to the Austrian School]. Chelyabinsk; 2006 (In Russ.).
- [18] Leontiev A.N. *Osnovy psicholingvistiki* [The Basics of Psycholinguistics]. Moscow; 1997 (In Russ.).
- [19] Liymets Kh. *Gruppovaja rabota na uroke* [Group Work in the Classroom]. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [20] Locke J. *Sochinenija* [Works]: v 3-h tt. Vol. 3. Moscow; 1988 (In Russ.).
- [21] McLuhan M. *Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow; 2007 (In Russ.).

- [22] Maslow A. *Motivacija i lichnost* [Motivation and Personality]. Saint Petersburg; 2003 (In Russ.).
- [23] Moles A. *Teorija informacii i esteticheskoe vosprijatie* [Information Theory and Aesthetic Perception]. Moscow; 1966 (In Russ.).
- [24] Montessori M. *Moj metod* [My Method]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [25] Montessori M.M. *Samovospitanie i samoobuchenie v nachalnoj shkole* [Self-Education and Self-Development in Elementary School]. Moscow; 1922 (In Russ.).
- [26] Norbert E. *Obshhestvo individov* [The Society of Individuals]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [27] Petrovsky A.V. *Lichnost, dejatel'nost, kollektiv* [Personality, Activity, Group]. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [28] Piaget J. *Rech i myshlenie rebenka* [The Language and Thought of the Child]. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [29] Skinner B.F. *Nauka i chelovecheskoe povedenie* [Science and Human Behavior]. Moscow; 1956 (In Russ.).
- [30] Smelser N. *Sociologija* [Sociology]. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [31] Sukhomlinsy V.A. *Etjudy o kommunisticheskom vospitanii* [Essays on the Communist Education]. Moscow; 1967 (In Russ.).
- [32] Fisher I. *Pokupatel'naja sila deneg* [The Purchasing Power of Money]. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [33] Heckhausen H. *Motivacija i dejatel'nost* [Motivation and Activity]. Vol. 1. Moscow; 1986 (In Russ.).
- [34] Chomsky N. *Jazyk i myshlenie* [Language and Thought]. Moscow; 1968 (In Russ.).
- [35] Shatsky S.T. *Izbrannye pedagogicheskie sochinenija* [Selected Pedagogical Works]: v 2-h tt. Moscow; 1980 (In Russ.).
- [36] Sztompka P. *Sociologija socialnyh izmenenij* [The Sociology of Social Change]. Per. s angl. pod red. V.A. Yadova. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [37] Blumer G. *Symbolic Interactionism: Problems and Perspectives*. Englewood Cliffs; 1969.
- [38] Drucker P. *Post-Capitalist Society*. New York; 1993.
- [39] Hare A.P. *Small Groups*. New York; 1956.
- [40] Homans G.C. *The Human Group*. New York; 1950.
- [41] Keynes J.M. *The General Theory of Employment Interest and Money*. London; 1936.
- [42] Lynn D.B. *Parental and Sex-Role Identification: A Theoretical Formulation*. California; 1969.
- [43] Maslow A. *Motivation and Personality*. New York; 1954.
- [44] McLuhan M. *Culture is Our Business*. New York; 1970.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-555-566

ЧЕРЕЗ «ОЗЕЛЕНЕНИЕ» КАПИТАЛИЗМА К СПАСЕНИЮ МИРА?*

**Рецензия на книгу: Фюкс Р. Зеленая революция:
Экономический рост без ущерба для экологии / Пер. с нем.
М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 330 с.**

Автор книги — известный немецкий политик и журналист, являвшийся сенатором по вопросам окружающей среды в земле Бремен, руководителем фонда Генриха Белля в Берлине, а также один из лидеров немецкой Партии зеленых. Ральф Фюкс принадлежит к тому ее реформаторскому, не радикальному крылу, которое ищет возможности системных экологических реформ в рамках сосуществующих в Западной Европе капиталистической экономики и социально ориентированного государства.

Книга Фюкса написана ясным и энергичным слогом профессионального политического журналиста, не только анализирующего окружающую действительность, но пропагандирующего определенные социально-политические идеалы желаемого будущего. Как и положено политику, Фюкс страстно полемизирует со своими идейными противниками, в основном разделяя их на три категории: циники, не верящие в возможность кардинальных перемен в обществе потребления; пессимисты, полагающие, что именно из-за этого господствующего цинизма мир катится к неизбежной экологической катастрофе; и, наконец, авторитарные экологи, утверждающие, что только некий жестокий эко-диктатор, суровый «зеленый» Сталин сможет насильственным образом спасти экологию планеты, налагая тоталитарные ограничения на использование человечеством природных ресурсов. Есть и четвертая категория оппонентов Фюкса — призывающие в духе средневековых монахов-францисканцев и Альберта Швейцера к личной добровольной бедности в потреблении эко-ресурсов, но, как опытный политик, имеющий дело, прежде всего, с массами, а не с отдельными индивидами, Фюкс полагает, что подобного рода личностный аскетический идеализм вряд ли получит широкое распространение.

Какой же видит глобальную эколого-экономическую ситуацию нашего времени Ральф Фюкс и какие рецепты улучшения общества с точки зрения экологии

* © Никулин А.М., 2018.

предлагает? Фюкс, безусловно, признает, что нынешняя экономическая и экологическая ситуация действительно тревожная и мрачная, возможно, человечество находится в точке бифуркации кризисного проедания природных ресурсов. Поэтому с самого начала и на протяжении всей книги он упоминает многочисленные тревожные прогнозы, отчеты, предсказания ведущих аналитиков Римского клуба и других влиятельных международных организаций, иногда не отказывая себе в удовольствии подчеркнуть, что многие алармистские прогнозы гибели человечества от экологических проблем, начиная с 1968 года, так и не сбылись, а если в конце концов и сбудутся, то скорее всего это произойдет «не завтра», а «послезавтра», значит, у нас еще есть шанс изменить ситуацию в глобально правильном экологическом направлении.

Как и положено немецкому интеллектуалу, Фюкс в начале книги размышляет о духе нашего времени: «Капитализм не имеет имманентных пределов роста. Его суть — перманентная экспансия. Это вступает в противоречие с исконно зеленой мыслью о том, что в ограниченном мире не может быть безграничного роста. Одних в этом экономическом укладе восхищает бесконечный поток новой продукции и потребностей, другим делается не по себе. Их смущает культура успеха любой ценой. Пьянящее чувство восторга от неолиберализма, открывшихся рынков, безудержного обогащения позади. Все больше хочется равновесия между материальным благосостоянием и нематериальными ценностями. Любовь, дружба, порядочность, радость жизни — «The best things in life are free» («Лучшее в жизни бесплатно»). Для многих представителей молодого поколения семья, друзья, работа, не лишенная идеалистических устремлений, важнее потребления и карьеры. Они подписываются под замечательными словами Вольфа Бирмана (немецкого барда и композитора): „Куда приятней проедать достаток, чем дать достатку пожирать тебя“. На передний план выдвинулось стремление иметь стабильный доход, квалифицированное медицинское обслуживание и поддающееся планированию будущее. Чем глубже мир погружается в кризис, тем больше оборонительные, консервативные ценности превалируют над всеми дерзкими мечтами и планами. Похоже, это не просто мода, а признак более серьезных перемен» (с. 25).

Тем не менее, продолжает Фюкс, слишком во многих интеллектуальных рассуждениях в мире, особенно в Европе, чувствуется какая-то надорванность, постоянно упоминается, что лучшие времена для Европы остались позади, центр глобального экономического роста перемещается из Евроатлантики в Азию и Тихоокеанский регион, Китай почти обогнал США, даже Африка пробуждается к энергичному действию, а Европе в этих условиях остается лишь уметь проигрывать, т.е. организовывать планомерное экономическое отступление, сохраняя основы социально ориентированного государства.

Уныние от вялотекущего европейского экономического роста сопровождается в Европе усилением настроений экологического пессимизма. В своем цинически-пессимистическом экологическом отчаянии многие европейцы готовы всерьез рекомендовать миллиардам бедняков Азии, Африки и Латинской Америки, стре-

мящихся к образу жизни и стандартам потребления средних классов Запада, не торопиться в мир, где можно ежедневно принимать ванну, кушать заморские продукты, носить свежестиранную и выглаженную одежду, пользоваться собственным автомобилем, пребывая в сиянии экранов электронных устройств, — ибо весь этот комфорт так безобразно расточителен с экологической точки зрения, что новых многомиллиардных кандидатов в представители средних и богатых классов мира всеобщего потребления наша планета точно не выдержит.

Фюкс кратко характеризует как леворадикальные (например, Рудольф Баро), так и правоконсервативные (например, Йорген Рандерс) концепции экологического противостояния теории и практике безудержного ресурсозатратного экономического роста. Не находя ни на том, ни на другом фланге реалистичных и перспективных альтернатив, он предлагает собственный системный набор социальных и технологических рецептов устойчивого экономического роста без ущерба для экологии. Определив, что экологический след человечества состоит из трех частей — численность населения, уровень потребления и развитие технологий — Фюкс полагает, что негуманно пытаться заблокировать рост населения и потребления, следовательно, остается делать ставку на умные технологии. В основе их принципов работы должны лежать замкнутые циклы круговорота веществ, копирующие и воспроизводящие биологические циклы.

Фюкс с умилением обращается к опыту муравьев. Их биомасса значительно превосходит биомассу всех людей на земле; калорий муравьи потребляют столько, сколько хватило бы на пропитание 30 миллиардов человек (сейчас население земли составляет примерно 7,5 миллиардов); муравьи в массе своей не вегетарианцы и вообще для своих мелких размеров довольно прожорливые твари. Тем не менее муравьиные орды не создают никаких экологических проблем на планете. Более того, муравьи определенно полезны, например, без их неустанной жизнедеятельности начнут погибать леса, особенно быстро леса тропические. Весь секрет муравьиной жизнедеятельности заключается в ее абсолютной безотходности. Что бы муравьи ни употребили, все вновь превратится в питательные вещества в рамках постоянно воспроизводящихся биологических циклов.

Фюкс делает вывод, что надо переориентировать рост современных технологий в сторону развития замкнутых циклов производства и потребления. Он с определенной надеждой упоминает, что крупные транснациональные корпорации (которые принято ругать за негативное воздействие на природу) все охотнее начинают вкладываться в развитие зеленых технологий. Например, компания «Siemens» в 2011 году произвела зеленых товаров (в том числе высокоэффективные газовые турбины, блочные тепловые электростанции, электромоторы, умные системы зданий и сооружений, ветрогенераторы и т.д.) на 30 миллиардов евро, что составило 40% торгового оборота компании. Philips, вторая после Siemens европейская электротехническая компания, в 2015 году инвестировал половину своего оборота в зеленые товары. Фюкс уточняет, что необходимо сотрудничество крупных и мелких компаний в их экологических инновационных поисках, которые должны быть поддержаны активными потребительскими предпочтениями граждан — сторонников экологических инноваций.

В своих экологических исканиях современная техника и технологии должны учиться и расти вместе с природой, задаваясь, возможно, детскими, но все же прагматичными вопросами: как растения преобразуют солнечный свет в энергию, почему безошибочно ориентируются перелетные птицы, отчего на арктическом морозе не замерзают белые медведи, бактерии уничтожают вредные вещества, а паутина прочнее и эластичнее стали, и т.д.

Современная бионика занимается подобными вопросами, выясняя, почему рыбы более обтекаемы, чем все современные надводные суда и подводные лодки, а к белоснежным цветкам лотоса никогда не липнет грязь, и т.д. Если индустриальное общество развивалось за счет избыточного потребления невозобновляемых природных ресурсов, то современное общество должно стремиться к принципиально новому симбиозу технологических и экологических систем, к их коэволюции. И, конечно, в отличие от природных систем, такая коэволюция должна быть осознанной. Капитализм, глобальный и ведущий экономический уклад современности, по-прежнему подвержен рискам и шокам циклического развития, но это лишь означает, что нынешний капиталистический этап обязан позеленеть хотя бы ради выживания и спасения самого капитализма.

Обращаясь к самой знаменитой циклической концепции — социально-экономическим и социально-технологическим циклам Николая Кондратьева — Фюкс, упоминая, что в начале каждого кондратьевского цикла происходили революционные технологические инновации (механический ткацкий станок — паровая машина — электрификация — телевидение — интернет — биотехнологии), предлагает осмыслить наступающий (зеленый) цикл Кондратьева как состоящий из четырех взаимосвязанных инноваций: (1) резкое повышение продуктивности ресурсов, прежде всего за счет роста энергоэффективности; (2) переход на возобновляемые источники энергии; (3) системный экологический дизайн экономики, прежде всего транспортной сферы; (4) биомимикрия — выпуск продукции и организация технологий, скопированных у природы.

Биомимикрия, видимо, особенно дорога Фюксу, поскольку он включает в книгу многочисленные экзотические и оригинальные примеры разработок современных ученых, например, описания роботов-тараканов и роботов-пауков, способных принести людям много всяческой пользы. В целом современная экономика должна трансформироваться в биоэкономику со своими ключевыми технологическими отраслями: бионикой, биороботизацией, биоинженерией. А решив фундаментальные задачи фотосинтеза и превращения углекислого газа из убийцы климата в сырье для новых производств, современная наука даст новый шанс для выживания и развития человечества.

Особое внимание Фюкс уделяет возможным направлениям развития биоэкономики в сельском хозяйстве. Он вполне критически характеризует его современное состояние с точки зрения экологии: «Если вы ознакомитесь со стилистикой экспертизы Совета по биоэкономике, у вас исчезнут всякие романтические представления о крестьянском сельском хозяйстве и его единении с природой... Сельское хозяйство трактуется как агропромышленность... Биологический мир считается просто-напросто средством для достижения цели... растения и животные — био-

машины, производительность которых нужно повысить до предела. Все нацелено на высокие показатели: урожайность почв, растений, надои молока, мясопроизводство» (с. 201). Такой исключительно прагматический подход объясняется растущим дефицитом ключевых сельскохозяйственных ресурсов. Например, земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, становится все меньше: в 1970 году для пропитания одного человека имелось 3800 квадратных метров земли, в 2005 году — 2500, по прогнозам к 2050 году эта цифра сократится до 1800.

Далее Фюкс приводит еще ряд красноречивых цифр: сегодня на одного человека в день производится 4600 килокалорий — это показатель достаточно сытного питания. Но ведь до трети, а по некоторым экспертным оценкам даже до половины сельскохозяйственной продукции пропадает, не дойдя до потребителя, — сгнивая в полях, портясь при транспортировке и хранении, выбрасываясь в мусор. Кроме того, чрезвычайно много сельскохозяйственных ресурсов уходит на производство кормов для скота. Так, США — мировой лидер в производстве кукурузы, но 80% ее урожая идет на корм и производство биотоплива, лишь 11% предназначено для питания людей. В Германии лишь 28% сельхозугодий используется для производства продуктов питания, 12% — для производства биоэнергии, 57% — для производства кормов. Сельское хозяйство потребляет до 70% запасов пресной воды, выбрасывая в атмосферу почти треть парниковых газов.

Сосредотачиваясь на отборе и выращивании высокоурожайных сортов сельскохозяйственных растений, современные аграрные индустрии наносят урон их культурному разнообразию. Так, только в Индии число сортов риса сократилось с 50 тысяч в 1960-е годы до 50 к началу 2000-х годов. Поэтому в движении и идеологии зеленых аграрная индустрия имеет дурную репутацию из-за растрачивания энергии, загрязнения грунтовых вод, оскудения почв и расширения их эрозии, превращения животных в биомашин, трансформации природных ландшафтов в обширные пустыни.

Однако в сельском хозяйстве Фюкс видит и замечательные перспективы для экологического земледелия, органично сочетающего в себе старинные и современные аграрные методы, подкрепляемые новейшими научными открытиями.

К системным мерам экологического земледелия относятся: отказ от химически синтезированных продуктов; удобрение почв животной и растительной органикой, а также природными минералами; севообороты для восстановления плодородия почв; промежуточное выращивание зеленых удобрений; биологическая защита растений; бережная обработка почв; соединение земледелия и скотоводства по принципам замкнутого цикла; сочетание земледелия и агролесоводства.

Впрочем, Фюкс самокритично отмечает, что, хотя спрос и мода на биологическое земледелие растут, оно занимает в современном сельском хозяйстве незначительные позиции. Во всем мире по экологическим принципам лишь около 1,5 миллиона человек возделывали 3,5 млн гектар земли (примерно 0,3% сельхозугодий планеты). Впрочем, в Германии доля биологического сельского хозяйства составляет 6%, а в Австрии даже 16%. Близки к принципам экологического земледелия миллионы традиционных крестьянских хозяйств в развивающихся

странах. Поэтому, несмотря на невысокую производительность труда и низкую урожайность, Фюкс все же ратует за сохранение возможностей развития именно мелких крестьянских хозяйств, тем более что «в большинстве стран мелким крестьянским хозяйствам не уделяется должного внимания, в то время как крупные фермы, часто работающие на экспорт, получают дотации» (с. 209).

Особое направление развития аграрной отрасли — генная инженерия, которая, по мнению Фюкса, и в Германии, и во всем мире разделила людей на два антагонистических лагеря. Сторонники распространения генетически модифицированных продуктов (ГМО-продуктов) как высокоурожайных и высокотехнологичных отмечают их победное шествие по планете. Особенно выделяются четыре вида ГМО-растений, чья доля в посевах в 2010 году составляла: у сои — 77%, хлопка — 49%, кукурузы — 26%, рапса — 21%. В США доля генетически модифицированной сахарной свеклы — 95%. Критики ГМО-продуктов подчеркивают, во-первых, непредсказуемость их долговременного воздействия на здоровье, а во-вторых, что они способствуют усилению экспансии монокультур — обеднению изначального природного биоразнообразия сельскохозяйственной флоры и фауны. Если странам Евросоюза, прежде всего благодаря усилиям их эко-активистов, удастся пока успешно блокировать распространение ГМО-технологий и ГМО-сельхозпродуктов в Европе, то в США доля ГМО-посевов составляет 39%, в Бразилии — 42%, в Аргентине — 72%. А всего в мире около 15 миллионов фермеров сеют ГМО-семена почти на 150 миллионах гектар земли (это 11% пахотных площадей мира).

Не менее искусственные техногенные условия создаются сейчас и в области животноводства в ответ на неуклонный рост потребления мясомолочных и рыбных продуктов, который, по прогнозам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), вырастет за сорок лет — с 2010 по 2050 годы — на 70%. И если экологичной Германии удалось с 1991 по 2008 годы уменьшить потребление мяса на душу населения с 97 до 88 кг в год, то за это же время производство и потребление мяса на душу населения в таких странах, как Китай, Индия и Бразилия, резко выросло. В развивающихся странах с 1980 по 2002 годы потребление мяса на душу населения удвоилось — с 14 до 28 кг в год. Фюкс отмечает, что для диеты вегетарианцев требуется гораздо меньше обрабатываемых сельхозугодий, чем для диеты мясоедов. Поэтому всем беспокоящимся как о своем личном здоровье, так и о снижении нагрузок на сельскохозяйственную эксплуатацию ресурсов планеты следует личным примером поучаствовать если не в полном отказе от мяса, молока и рыбы, то хотя бы в ограниченном потреблении этих продуктов.

Тем временем аграрные наука и техника стремятся по максимуму выжать из домашних животных всю их биологическую продуктивность. В 1950-е годы корова в среднем давала 640 литров молока в год, а в 2011 году — уже 8170 литров, т.е. почти 30 литров в день, что чрезвычайно истощает организм животного. Пастбищный выгон сегодня в Европе — исключение, поэтому подавляющее число коров в Германии (более 4 миллиона голов) живут на бетоне. И коров продолжают «улучшать» во имя максимальной продуктивности, в результате чего у животных

падает иммунитет и рождаемость, они раньше умирают, из-за хронического воспаления вымени четверть коров преждевременно отправляют на бойню. Среднестатистическая корова живет не более пяти лет: два года корову растят, потом она в среднем приносит трех телят, далее теряет силы и ее забивают. Современный коровник на тысячу голов — это настоящая автоматизированная фабрика с роботизированной дойкой и тотальным электронно-цифровым контролем. В роботизированных мега-курятниках толпятся до ста тысяч птиц, в роботизированных мега-хлевах теснятся до несколько десятков тысяч свиней. Чтобы предотвратить эпидемии с фатальными последствиями в таких условиях концентрации, тысячи домашних животных щедро пичкают антибиотиками. Фюкс взывает к современным потребителям, предлагая им умерить свои аппетиты: «Тот, кто желает часто ставить на стол много дешевого мяса и колбасы, не имеет права сетовать на условия массового содержания скота. А как иначе обеспечить миллиарды горожан, которые не способны жить без курочек-гриль, гамбургеров и стейков? Тот, кто признает, что у животных тоже есть достоинство, обязан изменить свое питание... Если животных содержат в неплохих условиях и с ними прилично обращаются, их можно употреблять в пищу. Но тогда ассортимент мяса и колбасы будет более скудный, а сами продукты дороже» (с. 218) [см. также: 1]. По мнению Фюкса, «ежедневное потребление мяса и чистая совесть несовместимы» (с. 231).

Впрочем, что там проблемы с дорогим, негуманно затратным мясом, если обыкновенная вода в ближайшие десятилетия станет острой сельскохозяйственной проблемой. Фюкс ссылается на публикацию влиятельнейшего научного журнала «Nature», в которой утверждается, что экологические перегрузки, связанные с интенсификацией поливов в сельском хозяйстве, ведут к снижению уровня грунтовых вод: из 800 мировых мест залегания грунтовых вод 20% истощены. Серьезная угроза из-за нехватки воды нависла над 1,7 миллиардами человек, особенно в сельских регионах Нила, Северной Индии, Пакистана и Калифорнии. Здесь выход из надвигающегося экологического водяного кризиса Фюкс видит в экономно-эффективном использовании воды благодаря новым технологиям. На этом пути бесспорным лидером является Израиль: например, технологии фирмы «Netafim», ведущего разработчика систем капельного орошения в мире, позволяют сокращать потребление воды на 30—70%, увеличивая урожайность до 90%. Что немаловажно, «Netafim» предлагает две основные технологические линейки систем капельного орошения: дорогую — цифровую — и дешевую — собранную из простейших элементов, доступных даже крестьянам развивающихся стран.

По мнению Фюкса, еще не сказало свое последнее слово и почвоведение с программами рекультивации земель. Особенно перспективно агролесоводство: в тропиках широко распространяется многоэтажное сельское хозяйство, состоящее из деревьев, кустарников и травянистых многолетников, — такой опыт пытаются усвоить и применить даже германские фермеры. Чрезвычайно многообещающим является и так называемая «консервирующая обработка почвы», где мировым лидером является Бразилия.

Обращаясь к пригородным зонам, Фюкс рассматривает такой новейший институционально-технологический феномен, как агропарки, интегрирующие аграрные технологии и сельхозпродукты в агро-индустриальных центрах вокруг городов, сочетающих максимизацию эффекта синергии с минимизацией транспортных издержек. Агропарки революционизируют даже такие традиционные и ресурсозатратные агропроизводства, как теплицы. Хотя у экологов индустриальные теплицы давно пользуются недоброй репутацией из-за повышенной энергоемкости, новейшие технологические поколения теплиц, нашедших широкое распространение в такой передовой сельскохозяйственной стране, как Нидерланды, опровергают предвзятое к ним отношение. Во-первых, они сооружаются по принципам замкнутых экологических циклов, а, во-вторых, потрясающе экономичны. В результате если в Испании для полива 1 кг помидоров, выращиваемых в открытом грунте, требуется 60 л воды, то в Нидерландах в теплицах с замкнутым водяным и энергетическим циклом — лишь 3—4 литра.

Большие надежды на зеленую постиндустриальную революцию Фюкс связывает с таким территориально-институциональным направлением сельского развития, как *urban farming* («городское земледелие»), описывая несколько заманчивых агрофутуристических проектов. Так, в Чикаго разрабатывается новейшее направление *urban farming*, получившее название *vertical farming* (вертикальное земледелие) — расположение сельского хозяйства буквально по вертикали. Предполагается, что современные жилые и административные многоэтажки, набитые проживающим и работающим в них офисным планктоном, трансформируются в небоскребы, на многочисленных этажах которых в аквариумах, теплицах и клетках будут последовательно, по цепочке замкнутых безотходных циклов производиться разнообразные продукты питания: аквариумная рыба, тепличные овощи, ягоды, грибы, и домашние животные.

Фюкс поет настоящий панегирик блестящим перспективам *urban farming*, которое означает «не аграризацию города, но урбанизацию деревни, открывает новые перспективы самообеспечения крупных городов и свежими продуктами питания. Можно рассуждать о том, в каком объеме городские фермеры заменят традиционное сельское хозяйство. Но чем выше будет самообеспечение городов, тем меньше будут требования к сельскому хозяйству любыми средствами повышать урожай. Попутно это создает рабочие места и обеспечивает доходы растущему городскому населению. Зелень на крышах улучшает микроклимат и связывает углерод. Овощи и фрукты не нужно “подстраивать” под долгое хранение и перевозку, они будут свежими попадать на стол» (с. 231). Что немаловажно, возникающие на основе *urban farming* местные аграрно-городские кооперативы и огородные товарищества с их локальными рынками будут способствовать укреплению общественных связей и инициатив в городах.

Подводя итог раздела, посвященного возможному будущему сельского хозяйства, Фюкс выступает в целом за многоукладное и альтернативное сельское развитие: «сельское хозяйство будет и дальше диверсифицироваться в рамках широкого спектра, включающего в себя мелкие крестьянские хозяйства, агро-

промышленные центры, экологическое земледелие и городскую агрикультуру» (с. 232). Словно спохватившись, что он слишком вознесся в высоты футурологических прогнозов, Фюкс добавляет: «Было бы однако неверно считать панацеей исключительно высокую продуктивность сельского хозяйства. Подавляющее большинство производителей сельхозпродуктов в мире — мелкие крестьяне; 75% владеют в лучшем случае 2 га земли. Поэтому в целях продовольственной безопасности развивающихся стран важнее всего повышать урожаи мелких крестьянских хозяйств. И здесь право на землю, транспортная инфраструктура, склады, выгодные кредиты, гарантированное энергообеспечение играют такую же большую роль, как и усовершенствование методов земледелия» (с. 232) [см. также: 2].

Кроме биоэкономики и сельского хозяйства, Фюкса также интересуют революция в энергетике и развитие экогородов. Эти разделы книги он наполнил обзором интереснейших фактов и проектов экологического энергетического и урбанистического развития. С удовлетворением отмечая лидерство ФРГ во многих отраслях возобновляемой энергетики (совокупная доля солнечных, ветровых, приливных, биогазовых электростанций в энергетическом балансе Германии достигла внушительных 33%), Фюкс утверждает, что «энергообеспечение, базирующееся на возобновляемых источниках, можно сравнить с паззлом, отдельные фрагменты которого должны точно совпасть друг с другом» (с. 240). Устойчивости этого энергетического экопаззла должны способствовать: многообразие мощностей для производства возобновляемого электричества; мобильное управление резервными электростанциями, расширение и модернизация электросети, включающей в себя центральные ветряные и солнечные станции; электрические аккумуляторы накапливающие колеблющееся ветряное и солнечное электричество; оптимальная синхронизация энергетического спроса и предложения через единую суперструктуру — «умную сеть» (*smart grid*) энергосетей и их баз данных; тесное взаимодействие трех важнейших энергетических секторов — электроэнергетики, тепла и транспорта. Фюкс ставит задачу и общеевропейской интеграции возобновляемых источников энергии в одну сеть — от ветряков Северной Европы до соляных станций Европы Южной. В итоге устареют давнишние дискуссии о предпочтительности централизации или децентрализации в энергетике, поскольку оптимальный путь использования электроэнергии из возобновляемых источников — гибкое взаимодействие централизации и децентрализации.

Что касается современных городов с их жадным потреблением энергии, сырья, земли, транспортными пробками, сточными потоками, мусорными холмами, то их Фюкс величает экокудовищами, тем более что, по прогнозам, к 2050 году городское население земли составит 80%, прежде всего за счет нынешнего стремительного роста городов Азии, Африки и Латинской Америки. Но и здесь, по мнению автора, жизнь, возможно, меняется к лучшему, хотя приходится преодолевать наследие градостроительной идеологии Афинской Хартии Ле Корбюзье с ее печально известным функциональным разделением рабочего, жилого, торгового и культурных секторов городского пространства — «в итоге возникли

широкие транспортные трассы, перерезавшие городское пространство, по которым мимо монотонных жилых кварталов, вбитых в пространства промышленных районов и стерильных центров, циркулировали огромные массы людей» (с. 254). Такое пространственное разделение жизненных сфер разрушает специфику городской жизни с ее естественным смешением шумных жилых кварталов и оживленных публично-пешеходных мест.

Фюкс пытается представить новый экологический город будущего: он будет достаточно компактен, в нем вновь чрезвычайно важной станет роль публичных пространств; городская транспортная система будет представлять собой гибкое переплетение общественного транспорта с электромобилями и велосипедами; экогород будет иметь плотную сеть парков, огородов, садов на крышах, теплиц, зеленых фасадов и уличных аллей. Фюкс предлагает обратить внимание на современный парадокс европейской сельско-городской жизни: во многих городах жизненное пространство для растений, животных, птиц даже комфортнее сельского, где интенсивное сельское хозяйство способствовало обеднению не только флоры, но и фауны. В результате именно в современном Берлине биологи обнаружили самое большое разнообразие животных видов Германии, включая бобров, журавлей, орланов-белохвостов и воронов.

Фюкс в своем экологическом городском обозрении рассматривает несколько амбициознейших экспериментальных проектов интеграции современного города в природу, например, садово-парковый небоскреб «Башня „Городской лес“» (Urban Forest Tower), спроектированный для центра китайского города Чунцина, — «комплекс на грани фантастики из 70 этажей разной формы, смещенных относительно центральной оси, складывающихся в башню высотой 385 метров. В здании множество садов, деревьев, скверов: прямо-таки вертикальный лес, призванный компенсировать потери пейзажа в ходе урбанизации... это насквозь искусственная природа, обустроенная человеком. Но вместе с тем и захватывающий пример возможностей зеленой архитектуры в эпоху гипермодерна, тем более что здание напичкано всем, что могут предложить зеленые технологии» (с. 254).

Впрочем, для Фюкса главное в экогороде — не диковинные экотехнологии, но гражданские экоинициативы, порой действующие на более высоком и компетентном уровне, чем городская администрация, объединяющиеся в фонды и проекты по переустройству городских кварталов в самоуправляющиеся товарищества. Конечно, такое гражданское экологическое городское сообщество сможет эффективно действовать только при условии, что города не будут разделены на поляризованные и автаркические пространства бедных и богатых кварталов и районов, изолированных социальных страт и групп. Поэтому для городов остаются чрезвычайно важными ориентиры сильного и эффективного государства всеобщего (экологического) благосостояния.

В заключительной части книги Фюкс задается вопросом, кто мог бы обеспечить устойчивую экологическую трансформацию планеты, спасая ее от перманентного погружения в пучину экологических кризисов и катастроф, связанных с глобальным потеплением, загрязнением окружающей среды, истощением водных

и почвенных ресурсов, а также запасов полезных ископаемых. С оговорками, не уверенно, предварительно покритиковав возможного спасителя за алчность, Фюкс утверждает, что именно капитализм, точнее его новейший и гуманнейший вариант — экапитализм, способен кардинально изменить ход экологических дел на планете к лучшему. На чем строит Фюкс свои осторожно оптимистические предположения? Во-первых, он обращает внимание на необыкновенную живучесть капитализма, который в своей истории претерпевал, претерпевает и будет претерпевать большие и малые кризисы, всякий раз умудряясь перестроиться и усилиться, несмотря на, а, может быть, благодаря антикапиталистическому сопротивлению рабочего движения начала XX века, антиавторитарному восстанию 1968 года, гендерному движению за права женщин, движению за защиту прав потребителей, а сейчас все усиливающемуся экологическому антикапиталистическому движению. Капитализм вынужден постоянно доказывать, что он гибкая, самообучающаяся система, способная усваивать критический опыт своих страстных оппонентов. К тому же, как отмечает Фюкс, капитализм, будучи ведущим современным социально-экономическим укладом, тем не менее не существует сам по себе, но инкорпорирован в смешанную экономику разных институциональных форм, где современное государство всеобщего благосостояния, ассоциации гражданского общества и домохозяйства в значительной степени определяют и контролируют интересы устойчивого экологического развития.

Все это должно в конце концов способствовать формированию и претворению в жизнь политики экологической трансформации. Например, в условиях рыночной экономики такая политика должна быть направлена на то, чтобы «цены говорили экологическую правду» (с. 295). Кроме того, необходимо усилить охрану всеобщего мирового достояния через усиление роли глобальной кооперации транснациональных экологических институтов. По крайней мере Евросоюзу необходим «Новый зеленый курс», всячески поддерживающий рост экономики инноваций и инвестиций по нескольким общеевропейским стратегическим экологическим направлениям: создание транснациональной электросети на основе возобновляемых источников энергии от Скандинавии до Северной Африки; экологическая модернизация железнодорожного сообщения; развитие системы электрических средств сообщения и исследовательских программ по разработке ключевых экологических технологий. Фюкс завершает книгу следующим патетическим утверждением: «если Европа в будущем не хочет стать музеем под открытым небом, она должна оказаться в авангарде экологического модерна» (с. 303).

В целом от прочтения книги остаются неоднозначные ощущения. Во-первых, само заглавие «Зеленая революция...» подразумевает некий пророческий текст-манифест, страстно и убежденно предсказывающий некоторое кардинально новое экологическое будущее, но талантливый политик и пиарщик Ральф Фюкс все же не тянет на пророка — он слишком рационален, осторожен, почти все время стремится усидеть на стуле умеренной респектабельно-реформистской критической оппозиции, одновременно поругивая капитализм и заигрывая с ним. Во-вторых, удивительно, что именно Европе Фюкс предсказывает путь главного экологиче-

ского локомотива зеленой революции человечества, если в современном глобальном мире США, Китай и многие другие страны, включая Россию [см., напр., проект ее экологической специализации в: 3], стремятся стать лидерами зеленого социально-экономического развития. Тем не менее, как талантливое аналитическое обозрение важнейших инновационно-экологических исканий современности книга Фюкса вызовет заслуженный интерес у широкого круга читателей, хотя правильнее было бы в ее названии использовать слова «эволюция», «трансформация», «реформация», но никак не «революция».

- [1] *Троцук И.В.* Маленькая книга о большой проблеме, или Макровзгляд на то, что мы едим // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. № 3.
- [2] *Троцук И.В.* Социологическая «калорийность»: кулинарное, культурное и пространственное «измерения» еды // *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17. № 1.
- [3] *Rodoman B.* Ecological specialization as a desirable future for Russia // *Russian Peasant Studies*. 2017. Vol. 2. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-555-566

‘GREEN’ CAPITALISM AS A WAY TO SAVE THE WORLD?*

**Review of the book: Fücks R. Zelenaya revolyutsiya:
Ekonomicheskij rost bez uscherba dlya ekologii
[Intelligent Growth — The Green Revolution]. Per. s nem.
Moscow: Alpina non-fikshn; 2016. 330 p.**

* © А.М. Nikulin, 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-567-580

«МЕЛАНХОЛИЯ КАК СЧАСТЬЕ ОТ ПРЕБЫВАНИЯ В ПЕЧАЛИ», И ДРУГИЕ ИСТОРИЧЕСКИ ИЗМЕНЧИВЫЕ ОДЕЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЧУВСТВ*

**Рецензия на книгу: Юханнисон К. История меланхолии.
О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена
и теперь / Пер. со швед. И. Матыциной.
М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 320 с.**

Современное общество (по крайней мере, достаточно благополучные страны) в последние десятилетия занялось поисками весьма необычного предмета — человеческого счастья, а в случае его обнаружения — попытками оценить его составляющие и степень их устойчивости. Явные подтверждения тому — повсеместные замеры уровня счастья (посредством разнообразных социологических опросов, в том числе в рамках крупных международных проектов) и попытки научить человека быть счастливым (как правило, с помощью психологических методик, которые каждый может освоить самостоятельно по книгам или на онлайн и офлайн тренингах). Для социолога, впервые обратившегося к проблематике счастья с концептуально-методическими позициями (задавшегося вопросом, а что именно мы сегодня измеряем, когда говорим о том или ином уровне счастья целых обществ), удивительными будут, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, что в большинстве случаев научное понимание счастья сводит его к субъективному благополучию, т.е. к совокупности «когнитивных оценок (удовлетворенность жизнью) и аффективного удовольствия от жизни (настроение)» [см., напр.: 5], что не может не порождать феноменального разброса количественных оценок «счастливости» и факторов, на таковую влияющих. Во-вторых, что социологи измеряют индекс счастья, а не несчастья, т.е. данное тематическое поле «позитивируется» [см. также: 3], и акцентируют внимание на когнитивных оценках, а не на эмоциональных состояниях, хотя именно последние заставляют человека чувствовать себя несчастным, но при этом не являются антитезой счастья, особенно если речь идет о феномене социальной желательности, т.е. о попытках респондентов в любом социологическом опросе презентировать себя в социально одобряемых категориях, укладывая свое сложное и подвижное эмоциональное состояние в заданные обществом и/или своим социальным окружением жесткие рамки нормальной и нормированной счастливости.

* © Гребнева В.Е., Панкова А.В., 2018.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00993 «Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации».

В отличие от лингвистического, нарративного и визуального поворотов, аффективный поворот недостаточно встроен в концептуальные построения социологии, поэтому мы вынуждены обращаться к смежным дисциплинам для прояснения оснований собственной работы с эмоциональными аспектами социальной жизни, поскольку «все общества имеют свои эмоциональные стандарты... они постоянно меняются во времени, а не только различаются между собой в пространстве... изменения в них многое говорят и о других социальных изменениях, а могут и способствовать им» [1. С.15]. Например, книга Яна Плампера «История эмоций» [2] предлагает трактовать состояние счастья через понятие эмотива (выражение эмоции, которое и описывает ее, и запускает процесс ее изменения) — вопрос о том, насколько человек счастлив и счастлив ли он вообще, заставляет его задуматься о возможности и критериях охарактеризовать себя подобным образом; и исследует счастье как иллюстрацию/индикатор ряда социальных проблем (гиперакцентирование счастья как когнитивного понятия в современной культуре, его универсализация как обязательной базовой эмоции любой культуры и т.д.) [см.: 4].

Двигаясь в том же русле расширения междисциплинарных границ социологии и уточнения последствий аффективного поворота, мы сосредоточимся на втором из обозначенных выше проблемных моментов социологического анализа феномена счастья и попытаемся понять, каков его социокультурно конституированный эмоциональный антипод. Несмотря на кажущуюся простоту вопроса, речь не идет об объективном несчастье, когда в жизни человека случаются трагические события, порождающие соответствующие эмоции. Книга Карин Юханнисон «История меланхолии» — об ином: это «драматичное и увлекательное повествование об уязвимости человеческой души, глубокий анализ феномена меланхолии и той роли, какую она играла и играет в западной культуре» (с. 4), в том числе как имплицитная противоположность счастья.

Выбрав в качестве предмета исследования меланхолию, автор надеется дать оценку нынешнему состоянию общества, которое явно сократило диапазон номинаций негативных эмоциональных состояний своих членов и склонно «любое мрачное состояние духа называть депрессией» (с. 20). Однако если провести анализ меланхолии в исторической перспективе, можно обнаружить его широкую вариативность и способность находиться в рамках нормы: «Колебания настроения и сильные эмоции — принадлежность человеческой жизни. Чем больше проявлений чувств мы будем называть медицинскими терминами, тем меньше окажется нормальных людей. В действительности же душевный мрак, словно демон или злой дух, старается находить для себя сильные, творческие и здоровые формы» (с. 22). По сути, в книге описаны некие пограничные состояния, которые «допускают различные способы выражения душевного страдания — как соответствующие норме, так и выходящие за ее рамки... они колеблются не только между представлениями о здоровье и болезни, но и между адаптацией и бунтом, ...в прямом смысле слова находятся на стыке личного и общественного» (с. 20).

Тоска, грусть, печаль, минорное настроение, сплин, скорбь, скука, отвращение, уныние, пессимизм, подавленность, усталость, уязвимость, безнадежность,

мрачность, депрессия, ипохондрия, хандра, летаргия, элегия, акедия, черная желчь — все это проявления меланхолии как «суммы настроений и состояний, которые в разном сочетании возникают у разных индивидов в различных ситуациях и самих разнообразных формах..., у них разные названия, они по-разному проявляются, но имеют общие признаки» (с. 20). Для нас важно, что для характеристики меланхолии во всем многообразии ее исторических проявлений автор обращается к понятию «структура чувств» Р. Уильямса — «это социальный опыт, который лишь кажется индивидуальным и личным, но имеет определенные общие свойства» — в каждый исторический период существуют особые модели чувств и настроений, которые функционируют как «эмоциональная система норм». Присутствуя в жизни общества почти незримо, они усваиваются личностью в процессе социализации и используются при истолковании окружающего мира и самопознании. «Выявление доминирующей структуры чувств является одним из способов определения границ исторического периода... структуры чувств имеют классовую и гендерную обусловленность... с некоторыми оговорками... также национальную обусловленность» (с. 10—11). «Дело не в том, что чувства со временем меняются, нет, в своей основе они неизменны, меняется лишь их соотношение с окружающим миром» (с. 14).

Трактовка меланхолии как определенной эмоциональной системы знаков вместе с правилами их употребления, несомненно, близка понятию социального и символического капитала Пьера Бурдьё, который формирует личность и ее жизненный стиль. Действительно, меланхолия «находит формы, которые поддерживаются временем и соответствуют ему» (с. 21): в один исторический период меланхолия может выражаться безысходным отчаянием, в другой — тоской, в третий — усталостью или депрессией. Наша задача — понять, «на каком языке говорит меланхолия и как эта речь изменяется в зависимости от времени и места» (с. 263), «показать, как язык чувств и их содержание перекликаются с культурным контекстом своего времени — каждая эпоха по-своему определяет границы допустимого и расставляет приоритеты относительно формы выражения чувств» (с. 273), и объяснить, что «чувства не только являются внутренними переживаниями человека, но также участвуют в социальных процессах, и влияние общества на них огромно и разнообразно — оно дисциплинирует, контролирует, активизирует, видоизменяет и маркирует чувства (например, в XIX веке мужское стало ассоциироваться с общественно-значимым и рациональным, а женское превратилось в синоним частного и эмоционального)» (с. 16). Решение этой задачи автор видит в кропотливом анализе множества источников — писем и дневниковых записей, историй болезни (которые, по словам Зигмунда Фрейда, подобны новеллам) и медицинских заключений, произведений художественной литературы (с осторожностью, потому что это не первичная, а вторичная реальность) и живописи (несет на себе отпечаток принятых в историческом периоде условностей) и книг по этикету (в них описаны не о чувства людей, а нормы выражения чувств, и они, как правило, адресованы представителям высших слоев) (с. 12—13).

По итогам проделанной работы автор предлагает читателю не претендующий на полноту список из девяти меланхолических состояний (исторических типов):

каждому в книге отведена своя глава, из их суммы «складывается карта признаков меланхолии, которые могут сочетаться, распадаться и перераспределяться в бесчисленном множестве комбинаций» (с. 21). Поскольку детальное рассмотрение этих типов вряд ли имеет смысл для социологического анализа в целом и для уточнения определения счастья через эмоциональные состояния его отсутствия в частности, далее мы не будем подробно останавливаться на каждом типе меланхолии, а постараемся суммировать результаты концептуальных и исторических поисков автора.

Итак, меланхолия многогранна, но ей всегда сопутствует тема утраты (смысла жизни, активности, сил или чего-то непонятного и трудно выразимого), которая делает человека в той или иной степени несчастным вследствие конфликта с миром, причем это состояние не только осознается им самим, но и очевидно для окружающих. Меланхолия может обретать как минимум три воплощения — чувства (преходящее расположение духа, варьирующее от мрачности и страхов до неугомонности и полного нежелания вставать с кровати), настроения (коллективное мироощущение утраты иллюзий, реакция на социальную неустроенность или несправедливость) и болезни (медицинский диагноз «высокого страдания»), но речь идет все же о депрессии, а не меланхолии, поскольку она — явление культуры, а не болезнь — и проявляться на индивидуальном и коллективном уровне, выражая реакцию не только на экзистенциальные метания, но и на объективную социальную неустроенность или несправедливость (например, музыкальное направление блюз возникло как выражение социальной боли американских выходцев из Африки, оторванных от своих корней; Орхан Памук описывает особую стамбульскую меланхолию как томящее чувство грусти вследствие утраты великой культуры прошлого и т.д.).

Автор предлагает изучать феномен меланхолии «на примере трех исторических форм, которые представляют собой три различные структуры чувств (хотя границы между ними расплывчаты). Первая разновидность доминирует в XVII—XVIII веках и характеризуется яркими телесными проявлениями и маниями (черная меланхолия)... Следующий тип развился в конце XVIII—XIX веке, он отличался более закрытым и депрессивным языком (серая меланхолия)... Третья форма — современная — существует сейчас, ей сопутствуют чувства усталости и опустошенности» (белая меланхолия) (с. 27). В XVII веке меланхолия как «плод сильных страстей» охватывает Европу и впервые входит в моду вместе со своими постоянными спутниками (безудержный страх, ненасытный голод, неутолимое чувство отчаяния и дикие выплески эмоций за гранью пристойности). Они могут показаться сегодня странными, но лишь потому, что за прошедшие столетия изменились социальные стандарты выражения чувств, и мы отказываемся принимать господствовавшее в XVII веке представление, что за внешней благопристойностью меланхолика скрывается примитивное животное: в то время «художественная литература и драматургия изображали длинные ряды мизантропов, ипохондриков, пессимистов и влюбленных с суицидальными наклонностями» (с. 31).

(Серая) меланхолия Нового времени лишается прежнего драматизма черной меланхолии (она соотносилась и с болезнью, и с необыкновенной творческой интуицией и озарением) и становится более элитарной — является поводом углубиться в себя и позволяет Серену Кьеркегору утверждать, что «несчастнейший [меланхолик] счастливее всех». «Противопоставление низкого (голод) и высокого (гениальность) нивелировалось, и из их смешения получился изысканно-чувственный коктейль» (с. 44—45), за которым скрывается бунт против традиционных социальных устоев, хотя элитарность позволяла «критикующей меланхолии бездействовать, сохраняя при этом ауру избранности» (с. 46): химик-меланхолик Бойл был «хрупок, словно сделанный из хрустала или венецианского стекла», меланхолический Кант казался «высушенным», Байрон считал, что творчество и еда — вещи несовместимые, дисциплинированным и аскетичным отношением к еде отличались Кафка, Рильке, Витгенштейн и Вирджиния Вулф. «Романтический интеллект, таким образом, рождает триаду: меланхолия — голод — творчество» (с. 53), а жир становится антитезой интеллекта и меланхолии.

К середине XIX века образ меланхолика, которого бросает из одной крайности в другую, теряет свою актуальность под влиянием медицины: немецкий врач Вильгельм Гризингер создает первую современную классификацию психических заболеваний, в которой определяет меланхолию как «состояние особой душевной ранимости» (с. 57) и задает границы нормы и патологии: дикие и маниакальные проявления попадают в разряд психических патологий, а бурные эмоциональные всплески лишь порицаются как противоречащие современным рациональным нормам жизни. Меланхолии удалось сохранить «элитарный» статус, поэтому врачи старались не ставить таким пациентам тяжелые психиатрические диагнозы и ввели новые термины для пограничных состояний (термин «невроз» ввел в 1776 году У. Куллен, «ангедония» — в 1896 году Т.А. Рибо, «(псих)астения» — в 1894 году П. Жане).

Современная белая меланхолия — это бесконечная пустота, которую люди хотят заполнить хоть чем-нибудь: сегодня меланхолики не страдают от разочарований, «они — часть их личности» (с. 60), «общество потребления сделало классическую меланхолию предметом многочисленных спекуляций: это бесконечная неутолимая тоска и бездонная пустота, которую человек пытается хоть чем-нибудь заполнить» (с. 61). «Кокетливый пессимизм, черная ирония, сплин денди, фланера или сноба — эти издавна известные позы приобрели широкую популярность. Раньше меланхолия существовала в узком кругу еремитов, гениев, художников и ученых, теперь она стала более демократичной» (с. 63). В итоге сегодня меланхолию «можно видеть повсюду. Тема хрупкой личности в хрупком мире уже навязла в зубах, но, к сожалению, приходится повторяться» (с. 61).

В начале XX века появился диагноз «депрессия», масштабы которого неумолимо растут, хотя не вполне понятно, где пролегает граница между депрессией и меланхолией, многие симптомы которых совпадают. Автор отмечает, что меланхолия случается у здорового человека, находится в рамках нормы и отличается экзистенциальным характером (это своеобразный беспорядок в чувствах), тогда как депрессия лишена экзистенциальной многогранности и неизбежно

предполагает болезнь, страх и потерянности (с. 64—65). В XX веке предпринимались попытки объявить меланхолию болезнью, потому что она не укладывалась в идеалы современной жизни (рационализм и всеобщее благополучие), а меланхолическую личность — пациентом, которому требуется медицинская помощь, однако это не удалось, и диагноз «меланхолия» был вычеркнут из медицинского обихода. «Дженнифер Редден последовательно проанализировала классификационные системы, используемые современной психиатрией при постановке диагноза, и доказала, что состояния, которые раньше определяли через чувства, в конце XX века начинают определять через поведение (нарушение сна, снижение концентрации, проблемы питания, моторные нарушения, усталость)» (с. 79). Впрочем, разведение болезни (депрессия) и нормы (меланхолия) оказалось гендерно смещенным, и сегодня мы, с одной стороны, задаемся вопросом «можно ли быть счастливым, будучи несчастным [пребывая в постоянной меланхолии]?», а, с другой стороны, уверенно заменили прежний образ неординарного мужчины из высших кругов, пребывающего в меланхолии, образом безымянной женщины-неудачницы, пребывающей в депрессии без веских на то оснований.

Особый тип меланхолии, характерный для людей, занятых напряженной интеллектуальной работой, творчеством, наукой или духовными практиками (монашество), — акедия, или «чувство потери, возникающее после сильного выброса ментальной энергии» (с. 75) и по симптомам похожее на сильную печаль. «В списке из восьми смертных грехов два — спутники меланхолии: *acedia* (уныние) и *tristitia* (отчаяние/печаль). У них есть общие черты, но при акедии более ярко проявляются чувство отвращения к себе, чувство безысходности, а также неуправляемые взрывы эмоций... Акедии противопоставлялись три качества: терпение, сила воли и душевный пыл... Со временем из этого состояния родилась черта характера — лень» (с. 79—80). В начале XX века термин «акадия» стали применять в отношении синдрома психической усталости и перенапряжения, которые стали культурными феноменами: «Как затворник, так и перфекционист носят панцирь, который постоянно проходит проверку на прочность: находясь в академических кругах среди людей с высоким уровнем интеллекта, человек очень быстро осознает и вынужден признать... неполноту собственных знаний. Отсюда рукой подать до невротических синдромов разного рода» (с. 88).

В истории есть масса примеров того, как известный ученый, писатель или философ делал длительный перерыв в творчестве: речь идет либо об акедии неудачника (человек длительное время трудился над научной проблемой, но не достиг результата, не был признан в научном сообществе или осознал, что проблему решил кто-то другой), либо об акедии преуспевающего (стремительный успех парализует ученого). Так, «после завершения труда „Математические начала натуральной философии“ Исаак Ньютон замолчал надолго. Майкл Фарадей был в течение длительных периодов своей жизни не способен к научной работе и с годами все больше замыкался в себе. Чарльз Дарвин долго не осмеливался публиковать „Происхождение видов“ и от этих сомнений даже заболел. Разрываясь между наукой и политикой, Макс Вебер в конце концов на несколько лет отошел и от того

и от другого, поскольку был не в состоянии ни писать, ни преподавать. Гениальный математик Джон Форбс Нэш-младший боролся с нарастающим психическим заболеванием, а физик и нобелевский лауреат Ричард Фейнман рассказывал, как в течение нескольких лет пребывал в состоянии интеллектуального паралича» (с. 90).

Меланхолия неразрывно связана с чувствительностью — это свойство социального взаимодействия, посредством которого люди обретают навыки коммуникации, включая лучшие элементы межличностного общения — альтруизм, эмпатию и симпатию (с. 103). В XIX веке нервная восприимчивость считалась признаком элиты: «Свидетельством высокого интеллектуального статуса могли быть педантичная самодисциплина (Кант), всепожирающий внутренний огонь и употребление наркотиков (Фрейд), психическое выгорание (Вебер) или ипохондрия (Нобель). Сенситивность проявлялась в форме чувствительности к запахам, ощущениям, касалась работы, еды, сна или любой другой сферы жизни человека. Иногда она словно бы в точности копировала меланхолическую ипохондрию, демонстрируя обостренность восприятия и нетерпимость к окружающему миру... Считалось, что сенситивный человек воплощает в себе основные устремления современной цивилизации и ее уязвимость, причем последняя, если ее не ограничивать и не контролировать, может перерасти в болезнь» (с. 118). Постепенно формируется образ чувствительного, раздражительного и тревожного современного человека: общество оказывает наибольшее давление на тех, кто стремится к прогрессу, а прогресс, в свою очередь, делает человека уязвимым и лишает сил (в этом неразрешимый парадокс нашей жизни). Общество установило границы между нормой и патологией: гипертрофированные варианты чувствительности попали в разряд болезней, а наиболее социально приемлемой формой сенситивности был признан консюмеризм (с. 126).

Весьма показательна в социальной истории чувствительности судьба слез. «Язык чувств XVIII века поражает обилием слез — они льются всеми, повсеместно и с удовольствием, их не пытаются скрыть, напротив, охотно демонстрируют, и мужчины и женщины купаются в слезах, заливаются и захлебываются слезами» (с. 108). Однако «язык слез» был жестко социально регламентирован и кодифицирован общественной моралью, которая допускала слезы в качестве демонстрации благородства и самоидентификации правящих классов. «Понемногу слезы утихали, всхлипывания делались тише, граница между личным и общественным делалась все более четкой... Теперь чувства скрывали даже самые чувствительные люди... Вместо демонстративной ранимости статус в обществе получило умение держать себя в руках... Во второй половине XIX века отношение к слезам становится все более негативным — „плачут только женщины и слабаки“» (с. 110), «плач объявили уделом женщин, а также больных и аутсайдеров» (с. 111).

Впрочем, и крайние формы чувствительности в заданном историческом контексте или конкретной социальной нише могут стать предметом широкого восхищения и подражания (например, сегодня, как и столетия назад, мы восторгаемся произведениями У. Шекспира, в том числе описанием мучительных метаний

Гамлета). Юный Вертер из романа Иоганна Вольфганга Гете стал «первым меланхолическим супергероем Нового времени» и олицетворением бунтующей саморазрушительной меланхолии (кстати, роман начинается словами Вертера «Как счастлив я!...»): в его образе «бурная чувствительность XVIII века модифицировалась и превратилась в незаметный для наблюдателя вулкан, кипящий в душе героя» (с. 127), отразив «настроения молодой интеллектуальной элиты в годы, предшествующие французской революции» (с. 132). Впоследствии социальный накал данного типа меланхолии спал, он получил название «сплин», или «экзистенциальная меланхолия» (мучительная тоска и ощущение бессмысленности существования). Это «чувство характерно для молодежи, элиты общества и мужчин. Это состояние дает бунтарям, мыслителям, художникам и аутсайдерам возможность самим организовать свое ментальное пространство, становится одной из центральных форм меланхолии, поскольку в его основе лежат идея самореализации и нежелание приравниваться к условностям общества» (с. 132), и характеризуется двумя основными состояниями — отвращением (порождает агрессию и протест) и скукой (ощущение отсутствия смысла).

Сплин заставляет человека остро ощущать утрату связи с окружающим миром, перебирать разные источники наслаждения, но не чувствовать при этом ничего, кроме пустоты и отвращения к себе. Сплин как «шикарное состояние» «заражает» только представителей высших слоев, в принципе нежелание приспособиться и бунт против буржуазных условностей могли себе позволить только очень обеспеченные люди (с. 136). Как отметил Вальтер Беньямин, «сплин — это теплое серое одеяло с подкладкой из яркого блестящего шелка» (с. 136). Высшие слои начала XIX века узнавали себя в двух популярных мужских типажах — во фланере, скрывающем экзистенциальную скуку за безучастностью (принадлежал к сливкам общества, имел много свободного времени, принимал облик западноевропейского самоуверенного и талантливого экстраверта или неприкаянного скандинавского интроверта), и в меланхолическом денди, использующем для этой же цели экстравагантность (речь идет не о моде, а об экзистенциальном дендизме), — и симпатизировали им.

Проявления и последствия меланхолии не всегда имели безобидный характер фланерства и дендизма, яркий пример чему — бессонные метания (страхи и панические атаки) и интеллектуальные мучения знаменитого ученого и трудоголика Макса Вебера. Сделав головокружительную карьеру, в возрасте 34 лет Вебер начинает чувствовать все нарастающую усталость от работы в Гейдельбергском университете, переживает несколько тяжелых нервных срывов и страдает от бессонницы и страхов, вызванных перенапряжением. «Освобождение наступило лишь в 1903 году, когда Вебер оставил должность. В том же году он начал работать над книгой, которая принесла ему известность и стала классикой социологии — „Протестантская этика и дух капитализма“. В книге, в частности, говорится о трудовой этике пуританства, которая рождает „ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида“. Вебер неоднократно возвращается к обсуждению распространенного в то время предрассудка: полноценным

человеком является лишь тот, кто усердно работает... В течение нескольких лет этот тезис так давил на него своей тяжестью, что Вебер не мог свободно дышать» (с. 175). Он «стал специалистом по бессоннице. Он неоднократно предупреждал коллег об опасности перегрузок, за которыми следует интеллектуальный коллапс» (с. 169). Бессонница — частая спутница акедии, тоски и нервозности, в конце XIX — начале XX века ее масштабы нарастают: в современном обществе люди ложатся поздно спать, постоянно принимают снотворные и успокоительные, а после 1940 года в записях врачей начинают встречаться свидетельства, что бессонницей теперь страдают не только представители элиты.

Бессонница — далеко не единственное последствие меланхолии, акедии и сплина. Другой их спутник — fuga (инстинкт бродяжничества, одержимость путешествиями, амбулаторный автоматизм), которая отнесена к диссоциативным расстройствам психики. Fuga характеризуется непреодолимым желанием уехать или убежать в новое место или страну и сопровождается частичной или полной амнезией, свидетельствующей о скрытом желании освободиться от угнетающей или вызывающей сильный стресс ситуации (с. 181). Речь не идет о бродяжничестве асоциальных элементов: человек, страдающий фугой, обязательно имеет дом и работу, т.е. соответствует идеалу добропорядочного гражданина — «работающего, ответственного и оседлого». Кроме того, fuga считалась исключительно мужским «заболеванием», и даже на рубеже XIX—XX века женские путешествия такого рода расценивались как проявления раздвоения личности или истерии и означали общественный приговор о моральном и нравственном падении (с. 185—186). В определенный момент fuga обострила и межклассовые противоречия: «по мере того как знать и буржуазия все активнее путешествовали и развлекались, среди рабочих и низкооплачиваемых служащих увеличивалось количество „беглецов“. Задавленные работой и убогими бытовыми условиями люди мечтали о продвижении по социальной лестнице. Медицинские эксперты истолковывали их „побеги“ как своего рода компенсацию» (с. 190). Подобное бегство стало для простого человека способом реализации мечты о свободе и независимости, поэтому оно стало культовой темой художественной литературы и кинематографа.

В начале XX века визитной карточкой общества становится нервозность (не следует путать ее с неврозом и неврастенией) — она процветает в современной городской среде с ее постоянной суетой, шумными улицами и сумасшедшим ритмом жизни, к которым человек вынужден адаптироваться. «Отличительной чертой данного состояния является обострение чувствительности и резкие перепады настроения, причем и приподнятое настроение (эйфория), и подавленное (меланхолия) характеризуются беспокойством и раздражительностью» (с. 195). Мир больших возможностей порождает не только большие амбиции, но и серьезную ответственность и неуверенность в будущем, которые вызывают хроническое нервное напряжение. Автор считает нервозность «общественным диагнозом и доминирующей структурой чувств... Начиная с 1880 года и до Первой мировой войны наука, критика культуры, искусство, пресса, реклама и стремительно развивающийся рынок медицинских услуг рассматривали нервозность как синдром

развития цивилизации, болезнь культуры. Человек живет в „век нервозности“». Нервозность чувств и стиля жизни конкретного человека подкрепляется нервозностью общества» (с. 196). Впрочем, «в качестве приметы времени нервозность приобрела невыразимую привлекательность... Современный человек должен быть нервным. Человеку, который что-то собой представляет, следует быть нервным» (с. 199).

Постепенно культура чувствительности, прежде характерная для элиты, превращается в модель стресса, которую присваивает средний класс. Под первый тип симптомов этой модели попадает раздражительность и беспокойство, под второй — ментальное выгорание и бессилие, которые имеют множество проявлений (агрессия, обидчивость, самокритика, резкие перепады настроения и др.). Структуры чувств меланхолии и нервозности во многом совпадают — их объединяет чувство утраты: в случае нервозности это утрата способности к социальной адаптации, которая сочетается с мучительной саморефлексией и резкими перепадами настроения. Но нервозности, в отличие от меланхолии, не свойственно стремление к решению экзистенциальных вопросов.

Нервозность поддерживается в обществе рынком (лечение расшатанных нервов превращается в востребованную и дорогую услугу), врачами и психиатрами (укрепившими свой статус благодаря высокопоставленным клиентам), культурой и средствами массовой информации. Но постепенно нервозность лишается ауры избранности, поскольку меняется репертуар ее причин — ими становятся бедность, безработица, развод. На рубеже XIX—XX века в историях болезней встречаются следующие типы нервозности: гипомания (непомерные требования к себе); гиперчувствительность (форма эстетического перевозбуждения); фобический невроз — «агорафобия (боязнь публичных мест), нередко в сочетании с социофобией (например, невозможность есть в чем-либо присутствии), мизофобия (страх испачкаться от прикосновения к другим людям или предметам)... антропофобия (боязнь толпы), монофобия (страх одиночества), пантофобия (боязнь всего, что может произойти), фобофобия (боязнь страха)» (с. 212). Подобные диагнозы, объяснявшие нервные срывы, признавались не влияющими на интеллект, т.е. люди сохраняли свои (прекрасные) аналитические способности, и речь шла о «совершенно здоровых, но глубоко несчастных людях» (с. 214).

Однако и с нервозностью в современном обществе произошла гендерная метаморфоза: «в XX веке медицина понемногу перестает пользоваться термином „нервы“ и начинает объяснять нервозность неустойчивостью психики. Теперь считается, что это состояние вызвано недостаточной сопротивляемостью человека, а не слабыми нервами. Ответственность за состояние индивида тем самым перекладывается на него самого... Раннимость потеряла статус элитарности. Нервный срыв приравнивали к фиаско, поражению... Нервозность и раннимость плохо вписывались в образ современного мужчины, противоречили представлениям о стабильности и самодостаточности мужской личности... Постепенно чувствительность стала ассоциироваться с женскостью и даже инфантильностью и автоматически перешла в разряд слабостей (стала особенно недопустимой для мужчины-профессионала)» (с. 217).

Особый тип современного невроза — «расслабленность» (пациент в прямом смысле лишается физических сил), или «фатиг-синдром» («синдром хронической усталости»). Он хорошо представлен в книге Дж.К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» — когда друзья единодушно решили, что «плачевное состояние их здоровья» (что, собственно, с ними творилось, определенно никто сказать не мог) — результат «умственного переутомления, которое вызвало упадок деятельности всего организма». Свое психическое переутомление, вызванное интенсивной работой, постоянной спешкой и стрессом, люди пытаются снять при помощи не менее энергоемких развлечений и непомерного потребления, но нехватка отдыха лишь усугубляет ситуацию. «В отличие от нервозности, усталость неразговорчива. Это самая молчаливая форма меланхолии. Будучи рождена духовным переутомлением, она тоже имела налет элитарности. Нервы, перенапряженные во время занятий наукой или творчеством, уставали быстрее, чем нервы тех, кто выполнял менее сложную работу» (с. 235). Усталость имела (и сохраняет до сих пор) выраженные межклассовые различия: у рабочего класса она якобы обусловлена физиологическим переутомлением и не предполагает культурной составляющей (долгое время считалось, что у рабочего класса нервы вообще не напрягаются).

В 1880-е годы медики ввели новый термин — неврастения (психическое истощение), который был очень популярен до конца прошлого века, когда его вытеснил «синдром психического выгорания». В обоих случаях, «получив название и одобрение врачей, а также широкий резонанс в прессе, диагноз притягивает к себе носителей типичных для этого заболевания симптомов» (с. 231), среди которых чувство усталости, паралич воли, гиперчувствительность, неспособность испытывать чувство эмпатии (эмоциональная усталость) и сексуальная несостоятельность. После 1920-х годов тема усталости постепенно теряет актуальность: общество требует от граждан бодрого расположения духа и эффективности в построении общества всеобщего благополучия, а нервные срывы, перенапряжение и усталость начинают ассоциироваться с астеническим типом личности и исключительно женской эмоциональностью. С новой силой тема психического истощения (выгорания) начинает обсуждаться в конце XX века в связи с признанием синдрома хронической усталости препятствием для того, чтобы быть рациональным, активным и эффективным членом общества. В первую очередь, синдром затронул работников, использующих «личностные качества в профессиональных целях для утоления социального или психического страдания ближних» (с. 242), а также экономистов, сотрудников сферы информационных технологий, масс-медиа и рекламы.

Сопоставляя типы усталости, характерные для 1900-х и 2000-х годов, автор подтверждает, что психологические классификации являются продуктом эпохи. Так, сегодня насаждается представление, что от личной концентрации и нацеленности на успех зависит профессиональная, личная и семейная жизнь, тесно связанные с компетентностью, талантом, харизмой и целым набором других не менее важных качеств. Также «предполагается сотрудничество с многочисленными экспертами — психотерапевтами, тренерами, поборниками здорового образа жизни, производителями лекарств, которые, как и сам человек, исходят в своей

деятельности из тезиса об уязвимости человеческой личности» (с. 244). И вновь автор упоминает тему утраты — теперь уже баланса между требованиями к человеку и его возможностями (с. 248), за которой скрывается более серьезная проблема использования амбиций в качестве мерила чувства собственного достоинства. «Спецификой феномена выгорания является его связь с социальным взаимодействием... Состояние выгорания не является результатом переутомления, не зависит от конкретной работы и не лечится отдыхом или расслаблением. Оно локализовано в конкретном социальном пространстве и может быть охарактеризовано как утрата чувств... „Ощущение такое, будто тебя нет“» (с. 245). Выгорание — «новый способ [хрупкой личности] быть несчастной» (с. 248).

Все это не может не породить чувства растерянности, или, в социологической терминологии, аномии («с некоторой натяжкой она может быть истолкована как „социальная меланхолия“») в трактовке Эмиля Дюркгейма: «В аномическом обществе действительность, окружающая человека, непрозрачна. Социальные и моральные нормы противоречивы, неясны или неясны. Человек испытывает неудовлетворенность и смутную агрессию, направленные на себя самого, на окружающих и на жизнь в целом» (с. 251). Автор считает аномию диагнозом нашего времени, для которого характерно чувство бессилия вследствие тиражирования историй успеха и непомерных амбиций без опоры на нормы: «Нормы бывают разные: репрессивные (их нужно слушаться) и либеральные (их можно игнорировать), но и те и другие пересматриваются человеком, если этого требуют его интересы» (с. 257).

Главная стратегия нашего времени — активный индивидуализм, который, к сожалению, не делает человека счастливее. «Эпидемия депрессии, которая началась в середине 1990-х годов, свидетельствует о существовании относительно новой структуры чувств... Ключевым чувством является бессилие в сочетании с грузом ответственности за собственное счастье. Любой сценарий развития жизни подается как возможный, но трудно осуществимый по причине жесткой конкуренции с соперниками» (с. 257). Общество навязывает нам ощущение, что мир состоит из победителей и неудачников, а постоянный страх попасть в группу вторых и желание оказаться в группе первых порождает чувство беспомощности и неудовлетворенности. Мы хорошо осведомлены о путях и возможностях самореализации, их выбор широк и изменчив, но это и опустошает, погружая в состояние ступора и порождая мучительный внутренний разлад: «самая современная форма меланхолии — вакуум... Чувство недовольства становится нормой и перемежается приступами отчаяния и резкими переходами от контроля к его полному отсутствию, от аскетизма к гедонизму» (с. 261). В результате сегодня меланхолию лечат лекарствами, а депрессия одновременно считается и нормой (реакция на непомерные требования окружающего мира) и патологией (состояние, которое обязательно нужно лечить, особенно если оно чревато паническими атаками).

Таким образом, в книге реконструирована традиционная периодизация истории меланхолии: «в античности — болезненное состояние, нечто среднее между гениальностью и безумием; в Средние века — моральная аномалия; от Ренессанса до Романтизма — то же, но вознесенное до ранга экзистенциальной драмы; затем то же, подвергшееся процессу биологизации, а после Фрейда —

психологизации» (с. 264). Постепенная дифференциация девяти типов меланхолии проиллюстрирована в книге с опорой на работы Роберта Бертона, Норберта Элиаса и Ханса Петера Дюрра, Пьера Бурдьё и Мишеля Фуко, Карла Линнея и Зигмунда Фрейда, Эмиля Дюркгейма и Реймонда Уильямса, а также с помощью понятий «эмоциональные режимы» и «эмоциональная навигация» Уильяма Редди. Внутренний корпус цитат из дневников, писем, научных и литературных произведений и врачебных записей делают повествование красочным и заставляют буквально воочию наблюдать повседневную жизнь типичных меланхоликов в разные исторические эпохи.

Автор убедительно показывает, что, несмотря на схожий репертуар симптомов меланхолии, в каждый исторический период именно общество решает, какие ее проявления допустимы. Так, длительное время разные формы меланхолии считались прерогативой представителей высших кругов и следствием сложной интеллектуальной работы, но когда причины меланхолии стали видеть в психике, появились «меланхолический рабочий и нервная женщина из рабочей среды» (с. 273). «Изменяются представления о меланхолии... и формы выражения меланхолии... некоторые считают, что в исторической перспективе меланхолия есть не что иное, как старое название депрессии. Однако при этом рассматриваются только симптомы, типичные сегодня (подавленность, безнадежность), а нетипичные (гнев, голод) исключаются. Другие исследователи пытаются решить проблему, расчлняя меланхолию на отдельные состояния и давая им современные имена. Но утверждать, что в те времена меланхолией называли не меланхолию, а нечто иное, — лишний раз подтверждать заикленность каждого времени на своих моделях. Наиболее радикально настроенные эксперты утверждают, что прошлые психические состояния оценить невозможно. После разрушения старого мира и создания нового нельзя перевести старые понятия на язык новых. Различается языковой опыт, различаются критерии нормы и аномалии. Некоторые симптомы попросту исчезают» (с. 264—265). Действительно, существуют формы меланхолии, непонятные современному человеку, но большинство из них вполне узнаваемы и могут быть сопоставлены (например, усталость начала XIX и начала XX веков). Иными словами, чувства возникают у человека спонтанно, но всегда формируются и контролируются социальными и культурными механизмами — «язык чувств (на коллективном и индивидуальном уровнях) зависит от более крупных структур чувств. Он формируется временем, а также нормами и ценностями, гендерными представлениями и классовым окружением». Тем не менее, наши чувства остаются искренними: «чувствительность (нервозность или усталость) не может быть редуцирована до абстрактных конструкций, отличных от непосредственного восприятия» (с. 266). Но оценки чувств меняются: задав во Введении вопрос «можно ли считать, что меланхолия — это прямая противоположность тех качеств, которых общество ожидает от современного человека: силы, здоровья, самоконтроля, энтузиазма и адекватности поведения» (в этот список можно уверенно добавить и видимость счастья) (с. 7), в конце книги автор уверенно отвечает, что можно, но в прежние эпохи меланхолия в разных своих проявлениях воспринималась более позитивно.

В целом применительно к социальной истории эмоций работа К. Юханнисон продолжает дело Я. Плампера как минимум в двух отношениях. Во-первых, она раскрывает читателям «эмоциональную» составляющую многих классических концепций. Так, Плампер утверждает, что Томас Гоббс «постоянно касался эмоций в своем творчестве... и описывал естественное состояние людей как страшное изживание чувств» [2. С. 37], а моральный философ Энтони Эшли-Купер, граф Шефтсбери, считал «чувства априори морально ценными, в том числе и стремление к счастью» [2. С. 39]. А в книге Юханнисон целая глава посвящена описанию тяжелых последствий трудоголизма Макса Вебера: его преследовали психические срывы, бессонница «стала воплощением его страхов, вызванных перенапряжением и жесткой рабочей дисциплиной, которой он подчинялся многие годы» (с. 156). Во-вторых, оба автора неоднократно подчеркивают незавершенный характер своих повествований по причине невозможности охватить в одной книге весь накопленный по истории эмоций материал, пусть даже речь идет лишь о меланхолии. Обе книги формулируют множество вопросов, поиски ответов на которые важны для социологов, поскольку зачастую мы занимаемся не чем иным, как измерением эмоций (и счастья в первую очередь).

- [1] Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- [2] Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- [3] Троцук И.В. Как стать счастливым: новые смыслы одиночества в современном мире // Социология власти. 2014. № 3.
- [4] Троцук И.В. Концептуальные и эмпирические находки и пробелы истории эмоций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
- [5] Veenhoven R. Hedonism and happiness // Journal of Happiness Studies. 2003. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-567-580

**“MELANCHOLY AS HAPPINESS OF BEING IN SORROW”,
AND OTHER HISTORICALLY VARIABLE ‘DRESSES’
OF SOCIAL EMOTIONS***

Review of the book: Johannisson K. *Istorija melankholii. O strahе, skuke i chuvstvitelnosti v prezhnie vremena i teper* [History of Melancholy. On Fear, Boredom, and Sensitivity in Former Times and Now]. Per. so shved. I. Matytsinoj. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 320 p.

* © Grebneva V.E., Pankova A.V., 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-581-585

**НАСИЛИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ:
ИНТЕРНИРОВАНИЕ ИТАЛЬЯНЦЕВ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ В США*****Рецензия на книгу: *Chopas M.E.B. Searching for Subversives. The Story of Italian Internment in Wartime America. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2017. 232 p.***

История интернирования в государствах — участниках Второй мировой войны не перестает интересовать представителей разных научных дисциплин: историков, социологов, политологов, культурологов и антропологов. Проблема интернирования настолько сильно затронула права человека и гражданина, демократические и социокультурные ценности, деформировала устоявшиеся политические традиции, что его нельзя объяснить только с позиций соблюдения безопасности в военное время. Монография адъюнкт-профессора права в Университете Северной Каролины, Мэри Элизабет Бэзил Чопас, тому яркий пример.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения и послесловия, хронологически охватывает временной период с 7 декабря 1941 года до конца 1945 года. Работа построена на использовании широкого круга источников из различных архивов, библиотек, национальных коллекций документов и отчетов военных, иммиграционных и правительственных ведомств США, а также опирается на социологический анализ биографических данных 367 интернированных итальянцев.

Во Введении М. Чопас называет условия и факторы, повлиявшие на меньшее количество интернированных итальянцев по сравнению с немцами и японцами, находящимися на территории США, в странах Латинской Америки, на торговых судах в американской акватории и Панамском канале после событий в Перл-Харборе. В первой главе «Правовая и политическая история итальянских иммигрантов в Соединенных Штатах до 1941 года» автор анализирует эволюцию американского права в области иммиграции и отмечает улучшение социального и политического положения прибывающих в США итальянцев с начала XX века за счет благоприятных условий американского иммиграционного права, меньшего негатива со стороны американцев по сравнению к другим иммигрантам, быстрого заполнения свободных ниш на рынке труда и адаптации к американскому образу жизни. Также автор отмечает рост влияния итальянской диаспоры на экономическую и политическую жизнь Америки в довоенный период.

Во второй главе «Круг лиц избирательного интернирования и другие военные ограничения» обозначены причины массового интернирования итальянцев еще до объявления Соединенными Штатами войны с Италией (11 декабря 1941 года),

* © Соков И.А., 2018.

когда «американские военные эвакуировали более 10 тысяч итальянцев, проживающих в прибрежных районах западного побережья, ввели ограничения на их поездки, произвели аресты, установили комендантский час и конфисковали имущество» (с. 3). Массовые аресты были проведены на основе Прокламации президента Ф.Д. Рузвельта № 2527 [1. С. 6324], которая «объявила около 700 тысяч итальянских иммигрантов без американского гражданства „вражескими иностранцами“» (с. 41).

Далее Чопас исследует процесс перехода от массового к избирательному интернированию итальянцев, чему способствовало мощное итальянское лобби.

В феврале 1942 года в Сенате США был создан комитет Толана (Tolan Committee), который после своего расследования высказал «опасения по поводу эвакуации и задержания большого количества итальянцев, что повлияло на потребности военной промышленности в итальянской рабочей силе» (с. 9). Итальянское лобби в правительстве в лице мэра Нью-Йорка Ф. Ла Гуардия [3. Р. 161—162], вице-губернатора Нью-Йорка Ч. Полетти, мэра Сан-Франциско А. Росси [4], конгрессмена В. Маркантонио [5. Р. 115, 119] и др. способствовало подписанию Президентом Ф.Д. Рузвельтом Распоряжения № 9066 [2. Р. 1407], которое регулировало «защиту военных территорий и политику индивидуального выселения и ограничения в отношении вражеских иностранцев» (с. 9). Не последнюю роль, как отмечает Чопас, сыграли предстоящие президентские выборы 1944 года, поскольку 14% электората (более 4 млн человек) составляли итальянцы (с. 15). Министерство юстиции США под руководством генерального прокурора Ф. Биддла создало «управления по заслушиванию вражеских иностранцев», чтобы провести «различия между иностранцами и вражескими иностранцами среди граждан стран, воюющих с США» (с. 9).

В третьей главе «Борьба за справедливость в ходе интернирования» Чопас исследует юридические противоречия, которые возникли при пересмотре дел интернированных вследствие разночтений американского иммиграционного законодательства, законодательства США на период военного времени и международного права в трактовке обязанностей государства в ходе интернирования. Она отмечает роль генерального прокурора Биддла, который разделил всех задержанных на три группы: иностранцы-неграждане США, находящиеся на момент задержания на американской территории, натурализованные в США иностранцы и родившиеся в США граждане, которые были этническими выходцами из стран, с кем Соединенные Штаты находились в состоянии войны (по Закону о вражеских иностранцах во время Второй мировой войны существовала еще четвертая группа — «иностранцы вражеской национальности», к которой относились румыны, болгары и венгры, но они не подверглись интернированию). Первая группа была названа «вражеские иностранцы» — они подлежали интернированию без права на защиту и заслушивание в комиссиях по пересмотру интернирования.

В четвертой главе «Бочке (итальянский вариант игры в шары) за колючей проволокой. Проверки исполнительной власти в лагерях» описана жизнь интернированных в концентрационных лагерях, а также их проблемы, связанные с возможностью посещения родственниками, переписки с ними, направления прошений на пересмотр своих дел, подачи жалоб на условия жизни и др. Автор утверждает,

что США, соблюдая Женевскую конвенцию по военнопленным 1929 года, обеспечивали интернированным гуманное обращение и достойный уровень жизни.

В Заключении Чопас подчеркивает, что «хотя итальянцы как группа в статистических показателях оказались в лучшем положении по сравнению с другими „иностранными вражескими“ группами, те, кто пережил несправедливость, чувствовали ее последствия еще долгие годы после войны. Итальянцы задерживались Службой иммиграции и натурализации США и интернировались в гораздо меньшем количестве, чем немцы и японцы, несмотря на их гораздо бóльшую численность, и были быстрее исключены из категории „вражеский иностранец“». Тем не менее, «итальянские сообщества изменились за время войны, став менее однородными и менее связанными со своей родиной, в том числе по причине снижения влияния итальянских масс-медиа... Вторая мировая война в целом укрепила идентификацию итальянцев как американцев, однако опыт интернированных замедлил процессы ассимиляции, сократил перспективы трудоустройства и подорвал репутацию в их прежних сообществах» (с. 10).

Итало-американцы долгие годы восстанавливали свою гражданскую репутацию. Итогом их борьбы за справедливость стало принятие Конгрессом США в 2000 году Закона о нарушении гражданских свобод итало-американцев в военное время (*Wartime Violation of Italian American Civil Liberties Act*), который признал: «правительство ограничило свободу итальянских иммигрантов и их семей в Соединенных Штатах, что привело к многочисленным нарушениям гражданских свобод» (с. 3).

Тем не менее, в Послесловии автор отмечает, что, даже имея такой исторический опыт, в США после событий 11 сентября 2001 года было задержано «более 1200 неграждан из стран Ближнего Востока, мусульманских и южноазиатских стран». Последующее принятие Патриотического закона (*Patriot Act 2001*) позволяло «электронное наблюдение, необоснованные обыски и бессрочные задержания при определенных обстоятельствах» (с. 146).

В современных условиях невоенного времени перед администрацией США стоит задача адекватного ответа на возможные угрозы международного терроризма. По мнению Чопас, «сегодня анализ того, следует ли учитывать гражданство при разработке закона и государственной политики, направленной на расследование и предупреждение угроз терроризма, осложняется тем, что врагами Соединенных Штатов являются не нации, а преступные организации, которые могут быть врагами многих арабских и мусульманских стран — Саудовской Аравии, Пакистана и Египта, граждан которых правительство США подвергло дознанию, задержанию и депортации» (с. 147). Соответственно, «описанный опыт периода Второй мировой войны по разработке государственной политики для оценки рисков безопасности людей может стать руководством по выполнению указов Президента Д. Трампа о приостановке въезда в США иностранных граждан из вышеуказанных стран» (с. 150).

Несомненным достоинством монографии Чопас является использованный автором методологический подход. В основе книги лежит социологическое исследование американского историка С. Фокса в 1987 году: с помощью интервью, правительственных документов и материалов из газет он смог реконструировать

личные истории интернированных итальянцев с западного побережья США. Чопас дополнила эти данные социологическим исследованием интернированных итальянцев их других регионов США и сосредоточилась на юридических аспектах ограничений в отношении итальянского населения в целом по стране, особенно на избирательном интернировании. Такой подход позволил развенчать многочисленные мифы западной научной традиции в отношении интернирования «вражеских иностранцев» в США.

Так, Чопас обозначила поэтапность интернирования, которое проходило под строгим контролем Министерства юстиции США и генерального прокурора Ф. Биддла: первым этапом было массовое задержание 120 тысяч японцев, 85 тысяч немцев и 10 тысяч итальянцев, в том числе женщин и детей; на втором этапе среди них было арестовано 5428 японцев, 7043 немцев и 3567 итальянцев, из которых интернированы, соответственно, 1532, 1225 и 367 человек (с. 2). Собственно, последняя цифра — 367 интернированных итальянцев — и была целью исследования Чопас. Исследуя жизнь в концентрационном лагере каждого из интернированных, она смогла выделить и определить размеры разных групп по таким критериям, как занятия в месте пребывания, подача жалоб на условия содержания, подача прошений на пересмотр дел и получение условно досрочного освобождения, а также показать зависимость числа прошений от количества изменений (послаблений) в инструкциях Министерства юстиции США по отношению к заключенным.

В то же время построение выводов на основе анализа жизни более трех с половиной сотен интернированных итальянцев, безусловно, не позволили Чопас сделать обобщения по проблеме интернирования в США в военное время.

Во-первых, она не указывает, что массовое задержание более 215 тысяч человек сразу после событий 7 декабря 1941 года было скорее результатом национального шока, чем продуманной политики американского правительства. США объявили войну Японии в тот же день, 7 декабря 1941 года, а Германии и Италии — 11 декабря, но «вражеские иностранцы» из всех этих стран задерживались и без предъявления обвинения с 7 декабря размещались в лагерях Службы иммиграции и натурализации США, а также из-за нехватки там мест — в палаточных военных лагерях. Во-вторых, интернированию, а не депортации подлежали работники международных выставок, моряки торгового флота, работники посольств и консульств, не имевшие дипломатического иммунитета, из вражеских стран. В-третьих, несмотря на формальное соблюдение Женевской конвенции 1929 года, в лагерях царил национальная дифференциация, свойственная американскому обществу того времени: японцы исполняли самую грязную работу — чистили уборные, итальянцы — вспомогательную работу на кухне и убирали территории, немцы — в основном выполняли работу, связанную с изготовлением военно-технического имущества.

В-четвертых, основанием для интернирования «вражеских иностранцев» в 1941 году были законы 1798 года об иностранцах и мятежниках (*Alien and Sedition Acts*), позволявшие без разбирательств и судебной защиты на основании «вины по подозрению» (*guilt by suspicion*) или «вины по мнению сообщества» (*guilt by association*) арестовывать этих лиц. Единственное, что требовалось дока-

зять, так это что арестованный является гражданином страны, с которой США находятся в состоянии войны. Чопас не указывает, что применение этих законов были неоправданно жестоким, по крайней мере, по двум причинам: в американском праве имелись более либеральные последующие законы по работе с иммигрантами, в том числе на период военного времени; использование актов 1798 года нарушало две американские поправки к Конституции — пятую и четырнадцатую (кстати, законы 1798 года американское правительство применяло и во время Холодной войны).

В-пятых, сам факт задержания по подозрению или условно досрочное освобождение после интернирования приводили к тому, что эти люди не могли трудоустроиться, не получив гарантий от работодателя для военных властей. В-шестых, если в межвоенное время иностранные диаспоры, особенно итальянская, гордились своей национальной идентичностью, то военное интернирование способствовали ее разрушению. Итальянцы и другие «вражеские иностранцы» стремились быстрее получить американское гражданство, англоязычить или сменить фамилию, не поддерживали национальные организации и даже не читали прессу на родном языке, потому что их американизация была залогом дальнейшего существования в американском обществе.

Несмотря на высказанные замечания, монография Чопас является оригинальным и важным трудом, который будет полезен исследователям не только в области военной и политической социологии, но и в области методологии научного поиска.

- [1] Federal Register 6: Presidential Proclamation No. 2527. December 8, 1941.
- [2] Federal Register 7: Executive Order No. 9066. February 25, 1942.
- [3] Heckscher A. *When LaGuardia Was Mayor: New York's Legendary Years*. With P. Robinson. New York: W.W. Norton; 1978.
- [4] La Gumina S.J., Cavaoli F.J., Varacalli S.P.J.A. (Eds.) *The Italian American Experience: An Encyclopedia*. New York: Taylor & Francis; 1999.
- [5] Meyer G. *Vito Marcantonio: Radical Politician 1902—1954*. Albany: State University of New York Press; 1989

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-581-585

VIOLENCE AND JUSTICE: ITALIAN INTERNMENT IN THE WARTIME UNITED STATES*

Review of the book: *Chopas M.E.B. Searching for Subversives. The Story of Italian Internment in Wartime America*. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 2017. 232 p.

* © I.A. Sokov, 2018.

НАШИ АВТОРЫ

Абрантеш Педро — доктор социологии, профессор Университета Аберта; научный сотрудник Лиссабонского университета и Центра социологических исследований в Лиссабоне (e-mail: pedro.abrantes@iscte-iul.pt).

Агил Казим — доктор социологии, доцент, заведующий кафедрой социологии Колледжа гуманитарных и социальных наук Университета Объединенных Арабских Эмиратов в Эль Айне (e-mail: a.kazim@uaeu.ac.ae).

Бузовский Игорь Иванович — глава Администрации Центрального района города Минск (e-mail: 1byzovsky@mail.ru).

Велосо Луиза — доцент Лиссабонского университета; старший научный сотрудник Центра социологических исследований в Лиссабоне; научный сотрудник Института социологии Университета Порту (e-mail: luisa.veloso@iscte-iul.pt).

Гаспаришвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, заместитель директора Центра стратегии образования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: gasparishvili@gmail.com).

Голенкова Зинаида Тихоновна — доктор философских наук, руководитель отдела социальной структуры Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: golenko@isras.ru).

Гребнева Валерия Евгеньевна — кандидат социологических наук, тьютор по работе с аспирантами факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: v.grebneva@inbox.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Дементьева Изабела Федоровна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник лаборатории семьи Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (e-mail: if.dementjew@yandex.ru).

Ефимова Галина Зиновьевна — кандидат социологических наук, заведующая социологической лабораторией при кафедре общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: g.z.efimova@utmn.ru).

Иванов Вилен Николаевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент и советник Российской академии наук (e-mail: vilen_ivanov@bk.ru).

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: ivleva_ml@rudn.university).

Кублицкая Елена Александровна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: eakubl@yandex.ru).

Курилов Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, политологии и социологии Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (e-mail: kurilov85@mail.ru).

Масловская Елена Витальевна — доктор социологических наук, руководитель Центра социолого-правовых исследований Социологического института Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: ev_maslovskaya@mail.ru).

Медведев Николай Павлович — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: medvedev_rudn@mail.ru).

Назаров Михаил Михайлович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: vy175867@yandex.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: nikulin@ranepa.ru).

Оносов Александр Аркадьевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: o_shura@mail.ru).

Панкова Анастасия Викторовна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: anjanstja@rambler.ru).

Подлесная Мария Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела анализа социокультурных оснований политических процессов Федерального научно-исследовательского социологи-

ческого центра Российской академии наук, исполнительный директор информационно-аналитического центра факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (e-mail: yamar@yandex.ru).

Посталовский Александр Владимирович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (e-mail: postalnio@tut.by).

Россман Вадим Иосифович — кандидат философских наук, приглашенный профессор Пекинского университета международного бизнеса и экономики (e-mail: vjrossman@yahoo.com).

Ротман Давид Генрихович — доктор социологических наук, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (e-mail: dgrotvan@rambler.ru).

Семенов Максим Юрьевич — младший научный сотрудник социологической лаборатории при кафедре общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: m.y.semenov@utmn.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (e-mail: de373@mail.ru).

Соков Илья Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета (e-mail: ilyasokov@yandex.ru).

Тейшера Лопеш Жоао — доктор социологии, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета искусств и гуманитарных наук Университета Порту (e-mail: jmteixeiralopes@gmail.com).

Ферро Лижия — доктор социологии, доцент кафедры социологии факультета искусств и гуманитарных наук Университета Порту, научный сотрудник Института социологии Университета Порту и Центра социологических исследований в Лиссабоне (e-mail: lferro@letras.up.pt).

Цвык Владимир Анатольевич — доктор философских наук, декан и заведующий кафедрой этики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvyk_va@rudn.university).

Цвык Ирина Вячеславовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (e-mail: tsvykirina@mail.ru).

Шафранец Кристина — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета им. Николая Коперника в Торуне (e-mail: krystyna.szafraniec@umk.pl).

Шафранов-Куцев Геннадий Филиппович — доктор философских наук, академик Российской академии образования, научный руководитель Тюменского государственного университета (e-mail: shafranov-kutsev@utmn.ru).

Яркова Елена Николаевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета (e-mail: yarkovaeleni@yandex.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Решение о публикации выносится в течение четырех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and inter-disciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250—300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made within four months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors’ consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.